
ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 3 (73) 2022

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:

Военные науки

Право

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.

Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей
аттестационной комиссии при
Минобрнауки России от 26 апреля
2019 г. издание с 7 мая 2019 г.

включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубли-
кованы основные научные
результаты диссертаций на соис-
кание ученой степени кандидата
наук, ученой степени доктора
наук** по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки
(№ 773 Перечня по состоянию на
29.03.2022)

В период с 18 октября 2016 г.
по 26 марта 2019 г. издание было
включено в указанный Перечень по
группе научных специальностей
12.00.00 — Юриспруденция

Главный редактор —

КОРЯКИН

Виктор Михайлович,

доктор юридических наук,
профессор

e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —

ГУСЕЙНОВА

Альбина Джабаровна

Адрес в интернете

<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Попов К.И. Применение Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом на воздушном и водном транспорте	9
2. Потапов М.Г. Проблемы образовательного стандарта «Правовое обеспечение национальной безопасности»	14
Теория и история военного права	
3. Глухов Е.А. Воинские должностные лица: полномочия и компетенции	20
4. Зюбанов Ю.А. Происхождение названия «Уголовное право»: история научного интереса	32
5. Лысенков С.Г., Вишняков М.М. Исторический опыт обеспечения денежным довольствием военнослужащих (на примере Отдельного корпуса внутренней стражи Российской империи)	38
Военно-административное право	
6. Аулов В.К. Правовой инструментарий информационной войны: базовые ценности военной организации государства и юридические технологии их разрушения	44
7. Глухов Е.А. Правовая регламентация в сфере военного строительства	54
8. Мещангина Е.И. Информатизация военного образования в системе профессиональной подготовки военных кадров	64
9. Пичугин Д.Г. Совершенствование процедур принудительной высылки из Российской Федерации иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и освобождённых из-под стражи в зале суда	69
10. Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Содержание стадий производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных пограничным органам, осуществляемого в отношении юридических лиц	80
11. Семенова И.В. Оборот оружия при осуществлении его экспонирования: теоретико-правовые аспекты	91
Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих	
12. Зайков Д.Е. Контроль за законностью получения денежных средств как механизм противодействия коррупции	96
13. Иванов В.Ю., Корякин В.М. Излишние выплаты денежного довольствия, произведенные военнослужащим в отсутствие недобросовестности с их стороны, не должны квалифицироваться в качестве неосновательного обогащения	102

14. Погорелов С.А. Проблемные вопросы установления и применения дисциплинарной ответственности к военнослужащим за коррупционные правонарушения	116
15. Холиков И.В., Лапина О.А. О некоторых вопросах, связанных с реализацией права граждан Российской Федерации на отсрочку от призыва на военную службу на основании указов Президента Российской Федерации	123

Правоохранительная, судебная, прокурорская деятельность

16. Мартиросян В.С., Стяпшин А.С. Актуальные вопросы применения информационных технологий в деятельности военных судов Российской Федерации	130
17. Махьянова Р.М. Тактические приемы прокурора: понятие, основания применения и источники происхождения	136
18. Туганов Ю.Н., Аулов В.К., Петухов Н.А. Внедрение мировой юстиции в Российской Федерации: Верховный Суд и его роль в сохранении целостности страны (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации)	142
19. Федотов А.В. Сущность взаимодействия и сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств	153

Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика

20. Борисов А.В. О некоторых проблемах квалификации преступлений против несовершеннолетних ...	158
21. Гирько С.И., Харченко С.В. Некоторые особенности формирования следственно-оперативной группы для решения задач раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами организованной преступной структуры	163
22. Давыдова Е.Ю. Сравнительно-правовой анализ норм уголовного права, предусматривающих ответственность за преступления, совершенные в отношении воинских захоронений в России и Республике Беларусь.....	168
23. Елистратов К.Е. Тактика осмотра места происшествия	172
24. Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в контексте последних изменений уголовного законодательства (ст. 157 УК РФ)	178
25. Новикова О.В. О некоторых аспектах практики назначения наказания за транспортные преступления	186
26. Смирнов Д.В., Власов С.Ю. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов	191
27. Суденко В.Е. Доказательства: понятие, содержание, проблемные вопросы	200

28. Шеншин В.М., Семенова В.В.

Публичное распространение заведомо ложной информации
об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации
как преступление, посягающее на общественную безопасность **206**

29. Юрченко А.В.

К проблеме возбуждения уголовных дел по факту совершения незаконной
добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических
ресурсов посредством использования интернет-мессенджеров **212**

Военные проблемы международного права

30. Заневская Н.А.

Срочное захоронение погибших в условиях вооруженного конфликта **217**

Указатель сокращений

абз. — абзац

ВАИ — Военная автомобильная инспекция

ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения

ВУ — Военный университет

ГДР — Германская Демократическая Республика

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГОСТ — Государственный стандарт

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГПС — Государственная противопожарная служба

гл. — глава

дис. — диссертация

ДНР — Донецкая Народная Республика

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации

ЕГРЮЛ — Единый государственный реестр юридических лиц

ЕС — Европейский Союз

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

ЛНР — Луганская Народная Республика

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МГБ — Министерство государственной безопасности

МГП — международное гуманитарное право

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социального развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности

НК РФ — Налоговый кодекс Российской Федерации

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ООН — Организация Объединенных Наций

ОУН — организация украинских националистов

п. — пункт

подп. — подпункт

ПСЗИ — Полное собрание законов Российской империи

РБ — Республика Беларусь

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Роскомнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Роструд — Федеральная служба по труду и занятости

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УГиКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика

ФГАУ — федеральное государственное автономное учреждение

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение

ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГОС — федеральный государственный образовательный стандарт

ФКУ — федеральное казенное учреждение

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации

ЦРУ — Центральное разведывательное управление

ч. — часть

Правовое обеспечение национальной безопасности

Применение Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом на воздушном и водном транспорте

© Попов Константин Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), член Российской Академии Юридических Наук, член Ассоциации юристов России, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Аннотация. В статье проведен анализ правовой регламентации применения оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде, во внутренних водах, в территориальном море и при обеспечении безопасности национального морского судоходства.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; террористический акт; обеспечение безопасности; Вооруженные Силы Российской Федерации; борьба с терроризмом; обстоятельство, исключающее преступность деяния; правомерное причинение вреда.

The use of the Armed Forces of the Russian Federation in the fight against terrorism by air and water transport

© Popov K.I.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology" of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), member of the Russian Academy of Legal Sciences, member of the Russian Bar Association, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes the legal regulation of the use of weapons and military equipment by the Armed Forces of the Russian Federation to eliminate the threat of a terrorist act in the air, inland waters, in the territorial sea and while ensuring the security of national maritime navigation.

Keywords: terrorism; extremism; terrorist act; security; Armed Forces of the Russian Federation; fight against terrorism; a circumstance excluding the criminality of the act; lawful harm.

В настоящее время противодействие терроризму¹ — одной из глобальных угроз и проблем человечества — является важнейшей комплексной общегосударствен-

ной задачей, для выполнения которой требуется мобилизация всех ресурсов. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 одной

¹ Происходит от лат. *terror* — «страх», «ужас».

из основных угроз государственной и общественной безопасности является распространение международного терроризма, деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная, в том числе, на дестабилизацию работы, уничтожение или нарушение функционирования транспортной инфраструктуры.

При противодействии терроризму, масштабы которого во всем мире возрастают год от года, правоохранительные органы постоянно ведут поиск новых средств, позволяющих им успешно противостоять этому явлению. Решая данную задачу, каждое государство должно стремиться к эффективному подавлению террористической деятельности и одновременному обеспечению прав человека и его основных свобод.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

Согласно ст. 2 указанного закона противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на принципах обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина; законности; приоритета защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности; а также неотвратимости наказания за осуществление террористической деятельности, соразмерности мер противодействия терроризму степени террористической опасности и др.

Ст. 6 предусматривает возможность применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом для:

1) пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами;

2) пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном

море Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства;

3) участия в проведении контртеррористической операции;

4) пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации.

В соответствии со ст. 7 указанного закона при пресечении террористических актов в воздушной среде Вооруженные Силы Российской Федерации применяют оружие и боевую технику в целях устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или в целях пресечения такого террористического акта.

В случае если воздушное судно не реагирует на радиокоманды наземных пунктов управления прекратить нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации и (или) на радиокоманды и визуальные сигналы поднятых на его перехват летательных аппаратов Вооруженных Сил Российской Федерации либо отказывается подчиниться радиокомандам и визуальным сигналам без объяснения причин, Вооруженные Силы Российской Федерации применяют оружие и боевую технику для пресечения полета указанного воздушного судна путем принуждения его к посадке. Если воздушное судно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, оружие и боевая техника применяются для пресечения полета указанного воздушного судна путем его уничтожения.

В случае если имеется достоверная информация о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, Вооруженные Силы Российской Федерации применяют оружие

и боевую технику для пресечения полета указанного воздушного судна путем его уничтожения.

Аналогичные жесткие меры регламентированы ст. 8 указанного закона при пресечении террористических актов во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и при обеспечении безопасности национального морского судоходства.

Так, если плавательное средство не подчиняется требованиям об остановке и (или) невозможно принудить его к остановке и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его остановки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, оружие военных кораблей (летательных аппаратов) Вооруженных Сил Российской Федерации применяется для пресечения движения плавательного средства путем его уничтожения.

Конкретный порядок применения указанных жестких мер регламентирован Положением о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта, а также Положением о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и при обеспечении безопасности национального морского судоходства, в том числе в подводной среде, или для пресечения такого террористического акта, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму».

Таким образом, допускается вынужденное правомерное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам путем уничтожения воздушных и морских судов с их экипажами и пассажирами. Иными словами, допускается причинение смерти пассажирам воздушного либо мор-

ского судна (заложникам, захваченным террористами) Вооруженными Силами Российской Федерации для предотвращения гибели большего числа людей.

Однако государство поставлено в настоящее время в чрезвычайно сложные условия. Противодействие терроризму путем применения самых жестких и бескомпромиссных мер путем привлечения Вооруженных Сил Российской Федерации является вынужденной необходимостью для обеспечения безопасности граждан.

Терроризм как одна из разновидностей экстремизма¹ (от лат. *extremus* — «крайний, чрезмерный») — одно из наиболее опасных уголовно-правовых и социальных явлений, борьба с которым необходима серьезная, последовательная и, в определенной степени, беспощадная. Но при этом она должна строиться на строгом соблюдении закона и гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина.

Согласно ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» государство осуществляет компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта. Компенсация морального вреда, причиненного в результате террористического акта, осуществляется за счет лиц, его совершивших. Возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета.

Предупреждение (профилактика) терроризма предполагает, в том числе, совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, а также лиц, пострадавших в результате террористического акта².

Вместе с тем вред, причиненный при пресечении террористического акта пра-

¹ См. ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

² См.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.).

вомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежит.

Последнее обстоятельство вызывает особый интерес в уголовно-правовом смысле и корреспондируется с положениями ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму» о правомерном причинении вреда при проведении контртеррористических мероприятий.

К сожалению, до настоящего времени отсутствует системный подход в разработке правовых средств и методов противодействия терроризму. Отсутствие терминологической четкости отрицательно сказывается не только на статистическом учете преступлений террористического характера. Не решены вопросы, связанные с выработкой единого определения терроризма, эффективного уголовно-правового механизма борьбы с этим явлением.

Так, в Федеральном законе «О противодействии терроризму» регламентируются основания причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, в том числе жизни, в целях пресечения террористической угрозы. Социально подобная мера вполне обусловлена, однако с уголовно-правовой точки зрения она весьма сомнительна, поскольку в действующем УК РФ в главе 8 не предусмотрено соответствующего обстоятельства, исключающего преступность деяния.

При этом неопределенность в понятии терроризма позволяет относить к нему довольно широкий круг преступных деяний, обладающих различной степенью общественной опасности (например, диверсию, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, организацию экстремистского сообщества, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой и др.), распространяя на них правовой режим контртеррористической операции.

С учетом вышесказанного возникает необходимость совершенствования и обеспечения согласованности правовых

механизмов противодействия терроризму и их четкой законодательной регламентации.

Итак, согласно ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму», которая называется «Правомерное причинение вреда», лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются *правомерными*.

Таким образом, при проведении контртеррористической операции на основании и в пределах, которые установлены законом, допускается вынужденное правомерное причинение вреда жизни, здоровью и имуществу террористов, а также иным правоохраняемым интересам. При этом военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований, участвующие в борьбе с терроризмом, освобождаются от ответственности за вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Именно на этом законном основании Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации — Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно официально ставил задачи по уничтожению лиц, причастных к совершению преступлений террористического характера, а также участников незаконных вооруженных формирований, отказывающихся добровольно либо по требованию властей сложить оружие и оказывающих вооруженное сопротивление.

По действующему законодательству такие действия, направленные на причинение вреда законным интересам личности, общества или государства при проведении антитеррористических мероприятий, не могут быть квалифицированы ни по одному уголовно-правовому основанию, ис-

ключающему преступность деяния, и формально подпадают под действие норм Особенной части УК РФ.

Представляется, что в ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму» закреплено новое, самостоятельное, ранее не известное российскому уголовному закону обстоятельство, исключаящее преступность деяния (обстоятельство правомерного причинения вреда). Его правовая регламентация на уровне только указанного закона недостаточна, поскольку согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации состоит только из действующего Уголовного кодекса. Следовательно, налицо пробел в праве, который должен быть устранен посредством дополнения гл. 8 УК РФ новой уголовно-правовой нормой следующего содержания:

«Статья 42.1. Пресечение террористических актов

Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий при проведении контртеррористической операции действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации».

Полагаем, что реализация указанных предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства будут служить повышению эффективности противодействия терроризму и правовой защиты лиц, его осуществляющих, в том числе военнослужащих.

Проблемы образовательного стандарта «Правовое обеспечение национальной безопасности»

© **Потапов Михаил Григорьевич**,
профессор кафедры гражданского права, доцент,
Новосибирский военный ордена Жукова
институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской
Федерации

Аннотация. В статье обозначены проблемы исключения слова «профессиональное» из словосочетания «высшее образование», а также вопросы понимания правового обеспечения национальной безопасности, квалификационных требований к педагогическим работникам вуза, универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Сделаны выводы о том, что федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности должен содержать профессиональную направленность, иметь официальную, нормативно закреплённую дефиницию его наименования, учитывать квалификационные характеристики должностей специалистов высшего профессионального образования по юридическому направлению и научным юридическим специальностям, а также раскрывать универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции с целью их определения, конкретизации и реализации в образовательном процессе.

Ключевые слова: образовательный стандарт, высшее профессиональное образование, правовое обеспечение национальной безопасности, квалификационные характеристики, универсальные, общепрофессиональные, профессиональные компетенции.

Problems of the educational standard "Legal provision of national security"

© **Potapov M.G.**,
Professor of the Civil Department, Associate
Professor, Novosibirsk Military Order of Zhukov
Institute named after General of the Army
I.K. Yakovlev Troops of the National Guard of the
Russian Federation

Annotation. The article outlines the problems of excluding the word "professional" from the phrase "higher education", as well as issues of understanding the legal support of national security, qualification requirements for university teaching staff, universal, general professional and professional competencies. It is concluded that the federal state educational standard of higher education in the specialty 40.05.01 Legal support of national security should contain a professional orientation, have an official, normatively fixed definition of its name, take into account the qualification characteristics of the positions of specialists in higher professional education in the legal direction and scientific legal specialties, as well as to disclose universal, general professional and professional competencies in order to determine, specify and implement them in the educational process.

Keywords: educational standard, higher professional education, legal support of national security, qualification characteristics, universal, general professional, professional competencies.

Актуальность темы обусловлена необходимостью подготовки специалистов в сфере правового обеспечения национальной безопасности общества и государства, поскольку существуют внутренние и

внешние угрозы для существования и функционирования России, под которыми понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба нацио-

нальным интересам Российской Федерации¹. В этой связи можно полагать, что подготовка кадров в этой сфере должна определяться целями и задачами выявления, изучения, снижения, минимизации и (или) устранения в определённой мере внутренних и внешних угроз национальной безопасности России.

Однако, специалисты одними из внутренних угроз безопасности России в сфере образования называют ФГОСы 3+, которые не соответствуют «... задаче повышения качества образования: концентрация усилий на формальном закреплении в образовательных программах количества компетенций, получаемых обучающимися, что в конечном итоге и подлежит контролю вместо полученных знаний и навыков; отсутствие в ФГОСах положений, касающихся содержания изучаемого материала и контента дисциплин»².

В так называемых «форсайт-проектах» Агентства стратегических инициатив⁴, в частности, предлагается: 1) рассматривать образование как рынок,

как одну из сфер платных услуг широкого профиля; 2) отказ от антропоцентристских⁵ установок традиционной педагогики в сфере образования и переход к ценностям трансгуманизма⁶; 3) замена к 2035 г. педагогов электронными тьюторами, аватарами и введение самостоятельной образовательной траектории по выбору обучающегося; 4) отмена экзаменов внедрением внешнего аудита, создание профилей компетенций, которые заменят сначала диплом об образовании, а затем и трудовые книжки; 5) исключение государства из образовательной политики и разрушение российского культурного канона, девальвация исключений русских культурных кодов⁷.

Между тем в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. одной из целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала является повышение уровня образования населения, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина (п. 32). Для достижения этой цели, согласно Стратегии, необходимо, в частности, решить задачи предоставления гражданам широких возможностей для получения среднего и высшего *профессионального* (курсив — П.М.) образования, профессиональной подготовки и переподготовки на протяжении всей жизни в соответствии с потребностями рынка труда (подп. 13 п. 33). Очевидно, что эти цель и

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

² Коблова Ю.А. Угрозы экономической безопасности России в сфере образования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 2 (81). С. 48.

³ По мнению исследователей, «форсайт — это технология ожидаемого прогнозирования, построения, взвешенного способа, ответственного образа будущего в любой сфере культуры, в том числе и в образовании». См.: Сиагев С.Ю., Науменко Р.А. Осмысление вектора развития процесса глобализации и построения общества 5.0 в форсайт-проекте «Образование 2015—2035» // Методолого-теоретический и технологический ресурс развития информационно-технологической образовательной среды. М. — Караганда: Ваш формат, 2018. С. 151—157.

⁴ Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов учреждено распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2011 г. № 1393-р. Источниками финансового обеспечения Агентства являются: а) имущественные взносы учредителя, т.е. Правительства Российской Федерации; б) добровольные имущественные взносы и пожертвования, получаемые от российских и иностранных юридических и физических лиц; в) иные источники, не запрещенные законодательством Российской Федерации.

⁵ Антропоцентризм (от др.-греч. ἀνθρώπος — человек и лат. centrum — центр) — философское идеалистическое и мировоззренческое представление, согласно которому человек есть средоточие Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий. См.: Вершков А.В. Антропоцентризм и современность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук 2014. № 5-1. С. 309—315.

⁶ Трансгуманизм — современная философская доктрина, утверждающая, что человек не сохраняет свои природные качества по мере своего развития и под действием генной инженерии превращается в существо, подобное вещи, которое в зависимости от обстоятельств имеет различные интеллектуальные, креативные, физические и другие свойства. См.: Луков В.А. Трансгуманизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 245—252.

⁷ Окладникова Е. А. Образование к 2030 и 2035 гг.: форсайт-технологии и телеология рисков и благоприобретений // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 138

задачи Стратегии национальной безопасности Российской Федерации нуждаются в их понимании и механизме решения и достижения, а также соотношении и корреляции между собой. Действительно, что представляет собой сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; повышение уровня образования населения, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина? Каким образом, какими силами, средствами и ресурсами эта цель может быть достигнута? Что означает предоставление гражданам широких возможностей для получения высшего *профессионального* образования и повышение его качества? Каков механизм решения этих задач? Очевидно, следует не только найти ответы на поставленные вопросы, но и необходимо разработать целый комплекс нормативных правовых актов, дополняющих, развивающих, реализующих данную Стратегию. Те организационные основы и механизмы реализации Стратегии, которые обозначены в её пунктах 102—106, также требуют осмысления и конкретизации. В противном случае Стратегия так и останется декларативным, декоративным, номинальным, формальным, неработающим документом.

В предыдущих стратегиях, в частности, 2009¹ и 2015² годов, высшее образование не рассматривалось как профессиональное. Однако федеральными законами от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» и от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» предусматривалось высшее *профессиональное* (курсив — П.М.) образование. С принятием и вступлением в силу с 1 сентября 2013 г. Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 273) упомянутые федеральные законы признаны утратившими юридическую силу, и с этого времени высшее образование не стало рас-

сматриваться как профессиональное, поскольку это слово было исключено не только из текстов нормативных правовых актов, но и из лексикона и риторики государственных и политических деятелей. При этом учреждения высшего профессионального образования стали называться образовательными организациями высшего образования, что предусмотрено подп. 4 п. 2 ст. 23 ФЗ № 273, определяющей типы образовательных организаций. В этой связи возникают вопросы: почему и зачем исключено слово «профессиональное» применительно к высшему образованию? Какие есть мотивы, аргументы и обоснования такого исключения слова «профессиональное»? Несомненно, ответы на эти вопросы видимо есть у авторов данных новелл, однако, к сожалению, так называемым «широкой общественности» и «профессиональному сообществу» они не известны.

Можно предполагать, что одной из причин исключения слова «профессиональное» применительно к высшему образованию является ч. 3 ст. 43 Конституции Российской Федерации, где речь идёт о праве каждого на конкурсной основе бесплатно получить *высшее образование* в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии, т.е. в словосочетании высшее образование нет слова «*профессиональное*». Однако, в других статьях Конституции Российской Федерации закреплён термин «профессия»: 1) в ч. 1 ст. 37: каждый имеет право свободно выбирать род деятельности и *профессию*; 2) в ст. 119: судьями могут быть граждане России, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической *профессии* не менее пяти лет.

В ряде статей Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закреплены термины «*профессиональное* развитие человека» (п. 1 ст. 2), «вид *профессиональной* деятельности» (п. 5 ст. 2), «обязательные требования к образованию определенного уровня и (или) к *профессии*» (п. 6 ст. 2), «будущая *профессиональная* деятельность» (п. 24 ст. 2), которые несомненно относятся и

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

применимы в том числе и к высшему образованию.

Следует также учитывать *профессиональные стандарты*, предусмотренные ст. 195.1—195.3 ТК РФ, представляющие собой характеристики квалификаций, необходимых работникам для осуществления определенного вида *профессиональной деятельности*, в том числе выполнения определенной трудовой функции, применяемые и к работающим выпускникам образовательных организаций высшего образования. В настоящее время Минтрудом России в юриспруденции утверждено три профессиональных стандарта: следователь-криминалист¹; специалист по конкурентному праву²; специалист по операциям с недвижимостью³.

В федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности закреплено, что данный стандарт представляет собой совокупность обязательных требований при реализации основных *профессиональных* образовательных программ высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (п. 1.1), и которым установлены универсальные (п. 3.2), *общепрофессиональные* (п. 3.3) и *профессиональные* (п. 3.4) компетенции⁴.

Таким образом, высшее образование, с одной стороны, по мысли авторов новелл, не является профессиональным, с другой, оно реально сопряжено с профессией, профессиональным развитием, профессиональной деятельностью, профессиональными стандартами, профессиональными образовательными программами, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями. Следовательно, исходя

из логики и содержания названных нормативных регуляторов, а также здравого смысла высшее образование не может не быть профессиональным. При этом необходимо реализовать подп. 13 п. 33 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г., предусматривающий высшее *профессиональное* образование, и на основе которого должна выстраиваться вся система нормативных правовых актов в этой сфере.

Решая вопросы научно-теоретической идентификации национальной безопасности к практике её правового обеспечения и в высшем профессиональном образовании, необходимо учитывать понятийный аппарат применяемых терминов. Известно, что одной из проблем федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности является понимание последнего. К сожалению, определения этого термина нет не только в данном Стандарте, но и в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», в ст. 5 которого говорится о правовой основе обеспечения безопасности, которую составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты её субъектов федерации, органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности. Очевидно, что данная правовая основа обеспечения национальной безопасности является бланкетной и весьма абстрактной, поскольку отсылает не только другим, но и к неопределенному числу иных нормативных правовых актов, что осложняет поиск конкретных источников права, являющихся этой самой правовой основой.

Таким образом, федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение нацио-

¹ Приказ Минтруда России от 23 марта 2015 г. № 183н.

² Приказ Минтруда России от 9 октября 2018 г. № 625н.

³ Приказ Минтруда России от 10 сентября 2019 г. № 611н.

⁴ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, утв. приказом Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1138.

нальной безопасности должен быть не только профессиональным применительно к высшему образованию, но и его наименование должно иметь официальную, нормативно закреплённую дефиницию, что позволит понять цели, задачи и алгоритм действий подготовки специалистов по данному направлению. При этом следует учитывать виды или формы правового обеспечения национальной безопасности в духовно-культурной, образовательной, медицинской, демографической, фармакологической, политической, экономической, финансовой, социальной, военной, правоохранительной, экологической, судебной, технологической, информационной и других сферах общественной и государственной жизнедеятельности.

Ещё одной из проблем данного образовательного стандарта высшего образования является квалификация педагогических работников вуза, которая должна «отвечать квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках и (или) профессиональных стандартах (при наличии)»¹. Ранее уже упоминалось, что Минтрудом России в юриспруденции утверждено три профессиональных стандарта: следователь-криминалист; специалист по конкурентному праву; специалист по операциям с недвижимостью, и нет профессионального стандарта специалиста по правовому обеспечению национальной безопасности. Что касается квалификационных характеристик должностей руководителей и специалистов высшего профессионального образования, то они утверждены приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11 января 2011 г. № 1н². Однако, во-первых, в

Положении о Министерстве здравоохранения Российской Федерации нет полномочий по утверждению этих самых квалификационных характеристик³, и в этой связи возникает вопрос о легальности (законности) этих самых квалификационных характеристик специалистов высшего профессионального образования; во-вторых, в квалификационных характеристиках должностей специалистов высшего профессионального образования установлены универсальные (т.е. имеющим отношения и к техническим, и гуманитарным, и многим другим вузам и направлениям подготовки) должностные обязанности и требования к квалификации этих самых специалистов (высшее образование, стаж работы, ученая степень), но не указываются так называемые направления или профили образования преподавателей и не упоминается о их научных специальностях.

В анализируемом образовательном стандарте нуждаются в понимании, конкретизации и правовом механизме реализации универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. В самом деле, что понимать, в частности: 1) под способностью выпускника осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий; 2) под его обязанностями по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства при соблюдении норм права и нетерпимости к противоправному поведению; 3) под его профессиональными компетенциями? Очевидно, что эти компетенции нуждаются также в конкретизации и механизме, алгоритме их реализации.

Таким образом, федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение нацио-

¹ П. 4.4.2 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, утв. приказом Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1138.

² Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11 января 2011 г. № 1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел "Квалификационные характеристики должностей руко-

водителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования"».

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации».

нальной безопасности должен, во-первых, содержать профессиональную направленность на правовое обеспечение национальной безопасности, во-вторых, иметь официальную, нормативно закреплённую дефиницию термина «правовое обеспечение национальной безопасности», что позволит понять цели, задачи и последовательность действий подготовки специалистов по данному направлению, в-третьих, учитывать квалификационные характеристики должностей специалистов высшего профессионального образования по юридическому направлению и научным юридическим специальностям, в-четвёртых, рас-

крывать универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции с целью определения, конкретизации и реализации в образовательном процессе.

Библиография

1. Коблова, Ю.А. Угрозы экономической безопасности России в сфере образования / Ю.А. Коблова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2020. — № 2 (81). — С. 45—48.
2. Окладникова, Е.А. Образование к 2030 и 2035 гг.: форсайт-технологии и телеология рисков и благоприобретений // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 125—149.

Теория и история военного права

Правовая регламентация в сфере военного строительства

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, ФГКВБОУ ВО
«Военный университет имени князя Александра
Невского» Министерства обороны Российской
Федерации

Аннотация. В статье анализируется сущность и необходимость использования правовых средств в сфере военного строительства современного Российского государства. Автор анализирует понятия социального и военного управления, соотносит их с необходимостью осуществления правовыми средствами в целях прозрачности и предсказуемости процедур, соответствия принципу законности. Кроме того, автором выявляются цели и направления военного строительства, пробелы в правовом регулировании военного управления.

Ключевые слова: военное управление, военное строительство, административный аппарат, организация обороны, правовое регулирование, военное право, военная безопасность.

Legal regulation in the field of military construction

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Prince Alexander
Nevsky Military University of the Ministry of Defense of
the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the essence and necessity of using legal means in the field of military construction of the modern Russian state. The author analyzes the concepts of social and military administration, correlates them with the need to implement legal means in order to ensure transparency and predictability of procedures, compliance with the principle of legality. In addition, the author identifies the goals and directions of military construction, gaps in the legal regulation of military administration.

Keywords: military administration, military construction, administrative apparatus, defense organization, legal regulation, military law, military security.

В самом общем смысле под управлением понимается руководство чем-либо или кем-либо. В кибернетике управление трактуется как «целенаправленное воздействие субъекта управления — управляющей системы — на объект управления — сложную динамическую систему». Немного уточнив данное определение под социальные системы, получаем следующую дефиницию: управления — это вид человеческой деятельности, заключающийся в сознательном и целенаправленном воздействии на людей, объекты и — через них — на процессы в интересах придания им желательных параметров функционирования и развития (характера, направленности,

динамики и т.п.). Управление есть процесс в целях достижения желаемого результата, а система управления — механизм, который обеспечивает этот процесс.

Любое управление включает в себя основные управленческие функции: планирование, организацию деятельности, регулирование (в т.ч. правовое), контроль.

Управление необходимо там и тогда, когда возникает потребность в распределении ресурсов и согласовании деятельности некоторого количества людей, процессов. В государственной сфере такое согласование усилий происходит посредством наделения управленцев властными полно-

мочиями по отношению к управляемым ресурсам.

П. 2 ст. 3 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» закрепляет следующее определение: «Государственное управление — это деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». Но управление не сводится к просто функционированию властных структур. Основная цель управления — это согласование и координация деятельности других субъектов. В управлении эти воли могут, как совпадать, так и не совпадать. В сформированной системе управления объект управления реагирует на управляющее воздействие, подчиняется субъекту управления. В этом и заключается одна из функций власти — диктат своей воли со стороны субъекта управления и исполнение воли управляющего субъекта управляемыми. Субъект управления формирует и реализует «господствующую волю», а объект управления подчиняется ей.

Одним из признаков государственного управления является его всеобщность, т.е. распространение его на все правоотношения, где существует необходимость в обеспечении исполнения законодательства или охране прав субъектов. Вместе с тем, государство не должно распространять свое регулирующее воздействие на все сферы человеческой жизни, часть из них не подлежит регулированию правом (творчество, дружба, оправление естественных или религиозных потребностей и т.п., если указанные деяния не причиняют вред иным лицам).

С организационной точки зрения государственное управление — это властное упорядочивающее воздействие субъекта управления (специальных органов власти либо должностных лиц) на объекты управления (общество, организации, граждан и проч.).

Государственное управление призвано осуществлять исполнительную власть, т.е. по сути практическую властно-

административную деятельность специально созданных государством структур и их должностных лиц. Оно реализуется государственным аппаратом власти, а конкретно — служащими данного аппарата власти.

Возникновение класса управленцев основывается на принципе рационального разделения труда, возникающего в результате необходимой специализации выполнения трудовой функции на профессиональной основе. В этих целях выстраивается система управленческих должностей, каждая из которых дополняет другую, при этом, в идеале, должности не дублируют друг друга, а все в совокупности позволяют выполнять функцию организации. Результатом же труда конкретного руководителя выступает управленческое решение, реализуемое в т.ч. подчиненными; это решение и является произведенным руководителем товаром (причём, одним из самых ценных).

Таким образом, администрацией в юридической науке именуют аппарат власти, органы, совокупность лиц, которые управляют, руководят действиями других людей. Администрирование — это как раз то, что делает администрация, администраторы, т.е. управление, руководство людьми. Власть здесь выступает специфическим средством, обеспечивающим следование управляемых воле административного аппарата.

В управлении важны аналитические качества и оперативность принятия решений. Любое управление основано на получении и обработке информации. Власть в том и заключается, чтобы направлять поток информации и целеуказания между различными уровнями иерархии¹.

Стоит отметить, что любое социальное управление должно соответствовать критерию законности. Принцип законности в деятельности государственных служащих пришел на смену личному характеру связей между чиновником и его господином (правителем). Закон стал катализатором

¹ Фуссел К. Упраздните бюрократию в своей команде // Harvard Business Review – Россия. 2016. 21 июля.

разложения системы харизматического правления, основанного на личном усмотрении правителя и существующем обычае повиновения произволу. С теоретической точки зрения развитие права и правовых процедур проходило через четыре этапа: от харизматического «открытия закона» пророками — к созданию и открытию права нотаблями, от навязывания (октроирования) законов светскими и духовными властями — к систематическому государственному законодательству и развитию и применению права учёными юристами на основе соответствующей профессиональной квалификации¹.

Если раньше споры и разногласия жителей выносились на суд местного правителя, который мог судить так, как ему заблагорассудится, то постепенно жизнь людей всё более регламентировалась письменным законом, а не решением правителя. В европейских странах эпохи Просвещения постепенно провозглашались принципы равноправия, справедливости, уважения прав и свобод личности. Это находило своё отражение в основных законах, конституциях.

Русский философ и правовед Б.Н. Чичерин приводит замечательный пример из немецкой истории: «Фридрих II возрадовался, когда мельник, которому он грозил отнятием имущества, отвечал: “Вам это не удастся; есть судьи в Берлине!²”».

В историческом плане изъятие некоторой части властных полномочий у единоличного правителя в угоду обезличенной Инструкции рассматривалось как позитивный процесс развития общества и одновременно вело к развитию класса бюрократии. Можно в этом плане привезти в качестве примера формулировку п. 18 Свода военных постановлений от 1869 г.: «Никто из служащих в исполнение возложенных на него обязанностей не должен смотреть ни на какое лицо, ни на какие предложения, а тем менее на партикуляр-

ные письма, хотя бы от первейших лиц в государстве, но обязан исправлять свое дело по точной силе и словам закона»³.

При таком укладе общественных отношений всё больше и больше в вопросах управления имел вес не усмотрение правителя, а писанный закон, и всю большую значимость набирали сведущие в написании и толковании законов специалисты (судьи, дьяки, прочие чиновники).

Право достигло своего апогея, когда оно освободило человека от неограниченного усмотрения любого правителя, любого гражданского или военного чиновника, любого бюрократа. Когда усмотрение абсолютное, человек всегда страдал⁴. Поэтому для превращения служилых людей в рациональный инструмент государства необходимо обезличивание управленческого аппарата, необходимо свести каждого чиновника до роли шестерёнки огромной машины, на рычаге управления которой лежит закон и воля верховной власти. Чем сильнее разрасталась бюрократия, тем острее ощущалась необходимость замены ручного управления через специально назначенных для решения конкретной проблемы чиновников управлением посредством многообразного действия инструкции.

Стало быть, разнообразные нормативные акты и заранее известные процедуры деятельности чиновников стали одним из эффективных средств предупреждения произвола должностных лиц. В государственном управлении функция регламентации деятельности является одной из главных, а объектом управления, как правило, выступает однородная деятельность управляемых субъектов, выделяемая по разным основаниям. В качестве такого основания можно выделить однородную непрофессиональную деятельность, например, уплату налогов, выборы органов власти. Другим основанием является одно-

¹ Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). Ростов-на-Дону. 1998.

² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 3. С. 507.

³ Голов Г.В. Прохождение службы по военному ведомству. (Книга 7 Свода военных постановлений 1869 г. с изменениями и дополнениями). Петроград, 1917.

⁴ Старых Ю.В. Усмотрение в налоговом правоприменении / под ред. М.В. Карасевой. М.: Юриспруденция, 2007.

родная профессиональная деятельность, которая объединяет субъектов, расположенных на определенной территории. В качестве таких общностей выступают большие профессиональные группы: военнослужащие, судьи, преподаватели, публичные должностные лица и т.д. Фактически законы и другие нормативные акты служат средством управления как населением, так и самим аппаратом государства.

Таким образом, нормативная регламентация деятельности аппарата власти пришла на смену системе патриархальной, средневековой администрации, при которой обычному рядовому человеку без денег и связей добиться справедливости во взаимоотношениях с представителем государства зачастую было практически невозможно: сроков рассмотрения дел не существовало, порядок их производства и подведомственность были крайне неопределенны, а главное — во всём господствовали произвол, личное усмотрение со своими неперенными спутниками — взятками, вымогательством, протекцией.

Видный немецкий философ Г. Гегель ещё в начале XIX в. заметил, что «управление есть, прежде всего, формальное выполнение законов и их поддержание»¹. В условиях, когда «до Бога высоко, а до царя далеко», правовой акт становится средством, упорядочивающим и оберегающим общественные отношения.

Закон превратил чиновника из простого слуги своего правителя в должностное лицо, обладающее определённой компетенцией и решающее определённые вопросы. Теперь такой чиновник на законном основании представляет власть в отдельных жизненных сферах и ситуациях, и для этого ему уже не требуется авторитет конкретного Вождя, достаточно самого правового акта о своих полномочиях. Вместе с тем, чиновник — хоть и носитель власти, однако он осуществляет её не от своего имени, а от лица верховной власти, в интересах некой общности людей. Закон в демократическом государстве является следствием определенного компромисса и баланса интересов, он «схватывает» некие

общие (абстрагированные и концентрированные) потребности, интересы и цели государства, общества, определенных социальных групп населения.

Таким образом, административная власть трансформировалась от функции прямого управления к функции исполнения государственных задач, организации исполнения законов и оказания публичных услуг.

На сегодняшний день принцип законности обязывает всех субъектов права соблюдать действующее законодательство, сами властные государственные органы также обязаны действовать строго в рамках предоставленных им полномочий. Эти полномочия, в свою очередь, также определяют в нормативных правовых актах.

Конечно, не всегда обилие документов по правовому регулированию того или иного вопроса говорит о том, что такое регулирование действительно состоялось². Кроме требования соответствия законодательству государственное управление должно также соответствовать критерию эффективности. Для государства понятие «эффективность» интегрально охватывает и вбирает в себя понятия справедливости, оптимальности, силы, разумности, целесообразности, обоснованности. При этом, как указывает П. Даезинг, «критерий эффективности применим только к средствам, но не к целям»³.

Закон устанавливает правила поведения в обществе, принуждает к выполнению этих правил под угрозой санкций. Закон, в том числе, и защищает людей от произвола правителей, его должностных лиц.

По справедливой оценке видного английского учёного Людвиг фон Мизеса, главенство закона означает, что ни судья, ни какое-либо должностное лицо не имеет права вмешиваться в дела и обстоятельства жизни частного гражданина, если только действующий закон не требует от них это-

² Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.

³ Цит. по Барциц И.Н. Конституционное право на хорошее (эффективное) управление: критерии, показатели, оценки // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 64—71.

¹ Гегель Г. Философия истории / Соч. Т. 8. М., 1935.

го или не даёт им на это полномочий¹. Правитель не может вторгаться в личную жизнь своих подданных, своё вмешательство он должен ограничивать рамками служебной необходимости и только в публичных интересах. Суверен и сам повинется законам, сохраняя за подданными их естественную свободу и собственность².

Любое администрирование (в т.ч. государственное) предполагает, что орган власти разработал подробные инструкции для каждого исполнителя, постаравшись предусмотреть в них все типовые ситуации, способные возникнуть в практике деятельности. Таким образом, аппаратом власти созданы правила, которые ... регламентируют деятельность управляемых субъектов даже без его непосредственного вмешательства и контроля³.

В демократическом государстве организация государственной службы предполагает господство общеобязательных регламентированных заранее известных процедур, исполнение которых не должно зависеть от того, кто именно и по отношению к кому их выполняет. Все люди должны быть равны перед единым порядком. Унификация (приведение к единой системе для всех) становится гарантией против недостатков конкретных людей и возможных злоупотреблений чиновников.

Вместе с тем, важно не смешивать правовое регулирование государственного управления и правоприменительную деятельность государственных органов в отношении управляемых объектов.

Итак, государственное управление — это управление, которое должно следовать детально разработанным правилам и предписаниям, установленным властью вышестоящего органа (или законодательством). Обязанность любого подчиненного данным правилам субъекта — выполнять то, что велят ему эти правила и предписания.

¹ Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос, антикапиталистическая ментальность. М.: «Дело», 1993. С. 89.

² История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: «Норма-Инфра», 2022. С. 182.

³ Елина И.Е., Елин А.В. Управление: философские аспекты. М., 2009. С. 39.

Его свобода действовать в соответствии с собственными убеждениями и желаниями ограничена законом, отходит на второй план.

Государственное управление распространяется на многие сферы общественных отношений, в т.ч. и на защиту своего существования и суверенитета. Любое государство, желающее сохранить свой суверенитет, вынуждено участвовать в военной деятельности, формы и объем которой дифференцированы в зависимости от приоритетов внешней и внутренней политики. В этой связи можно говорить об обороне как одной из основных функций государства.

Следует согласиться с мнением В.А. Затонского о том, что функции государства — это то, что кроме него никто в обществе исполнять либо не должен, либо не способен, либо ему этого делать нельзя, запрещено, недопустимо ни при каких условиях, а также те дела (часть дел), в которых государственное участие предусмотрено законом, договором, вытекает из его социального назначения либо обусловлено потребностями жизни общества⁴.

Применительно к обороне данный тезис подтверждается тем, что на законодательном уровне установлен запрет на создание и существование формирований, имеющих военную организацию или вооружение и военную технику либо в которых предусматривается прохождение военной службы (п. 9 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»).

Целями функции государства выступают результаты, которые должны быть получены в процессе осуществления функции. Военное управление осуществляется как в мирное, так и в военное время и сводится к руководству воинскими формированиями при подготовке и выполнении ими поставленных задач, а также выполнении мероприятий повседневной деятельности. Вместе с тем, целью примене-

⁴ Затонский В.А. Эффективная государственность в лично-правовом измерении: общетеоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. С. 11—12.

ния любых воинских формирований является выполнение поставленных задач мирного и военного времени (поддерживать надлежащий уровень боевой готовности, подготовить специалистов, своевременно обнаружить цели, обеспечить разведывательной информацией, организовать охрану, добиться победы над противником и т.п.), а, в конечном счете — обеспечить военную безопасность государства.

На всех этих уровнях военное управление предстаёт как деятельность, обусловленная возможностью войны и применением военных методов разрешения конфликтов¹. История военного искусства подтверждает, что даже начальное значительное преимущество в личном составе и вооружении при отсутствии превосходства в управлении приводит к поражению².

Категорию военного управления можно рассматривать в широком и узком смыслах. В широком смысле целью военного управления представляется обеспечение обороны страны, а средством достижения цели является военная организация. Соответственно, деятельность органов военного управления России имеет конкретную цель — поддержание военной безопасности государства. В свою очередь, военная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения³.

В узком смысле цель управления любым воинским формированием — обеспечить максимальную эффективность его применения при решении поставленных перед ними задач, а также поддержания

надлежащего уровня его боевой готовности.

Одна из главных целей военного управления заключается в определении структуры, состава, численности и обеспеченности военной организации, каждого ее элемента, сохранении или изменении достигнутого уровня ее состояния в соответствии с предназначением и решаемыми задачами, упорядочении и поддержании режима деятельности, своевременном приведении ее элементов в новое состояние с учетом развития и изменения военно-политической и военно-стратегической обстановки⁴. Соответственно, основным содержанием военного управления является определение целей и задач развития, жизнедеятельности, подготовки и применения военной организации государства, ее элементов, закрепления их в нормах права и целенаправленная деятельность по их осуществлению.

Оборона организуется и осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, настоящим Федеральным законом, законами Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами, в т.ч. приказами руководителей военных ведомств⁵.

В соответствии с п. 3 ст. 4 Конституции России Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Защита суверенитета и территориальной целостности в качестве функции государства провозглашена в п. 2.1 ст. 67 Конституции России. Одной из важнейших функций государственной деятельности являются оборона и безопасность, относящиеся к исключительному ведению Российской Федерации (п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации).

¹ Глухов Е.А. Специфика военного управления: правовой аспект // Военное право. 2020. № 2. С. 35—42.

² Иванец В.М., Лукьянич В.Н., Мельник В.Н. Особенности организации управления войсками в операциях с учетом динамики информационных процессов при переходе на военные сетевые технологии // Военная мысль. 2020. № 7. С. 90—101.

³ П. 8 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № ПР-2976.

⁴ Савченко В.Ф. Теория военного управления: история и современность // Военная мысль. 2007. № 11. С. 50—58.

⁵ Функция нормативно-правового регулирования деятельности подчиненных воинских формирований определена в Положении о Минобороны России, в положениях об иных военных министерствах и ведомствах.

Важнейшими международно-правовыми нормами, закрепляющими право государств, в том числе и Российской Федерации, на оборону, является п. 4 ст. 2 и ст. 51 Устава ООН, а также Декларация ООН о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств¹.

Раскрывая сущность обороны как области государственной деятельности и ее особенностей как предмета правового регулирования, необходимо исходить из определения обороны, данного в ст. 1 Федерального закона «Об обороне». В соответствии с этой статьей под обороной понимаются система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории.

В соответствии с п. 40 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² достижение целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм применения и способов действий Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности Российской Федерации и готовности сил и средств гражданской обороны.

Организация обороны среди прочих мер включает в себя правовое регулирование в области обороны (п. 3 ст. 2 Федерального закона «Об обороне»). Что касается административно-правового регулирования организации обороны в Российской Федерации, то к такому роду деятельности следует отнести воздействие публичных органов власти на общественные отношения в области обороны и воен-

ного строительства в целях их упорядочения и закрепления нормами права.

Составной частью государственной деятельности по обеспечению защиты Отечества является создание военной организации государства и осуществление руководства ею. Деятельность государства, направленная непосредственно на создание ее военной организации, а также необходимых условий для ее развития и осуществления эффективного руководства ею, именуется военным строительством³.

Будучи составной частью государственного строительства, военное строительство направлено на реализацию функции государства по обороне страны. Целью военного строительства является создание и укрепление военного потенциала государства, а основными задачами — строительство задействованных в оборонной деятельности государства воинских формирований⁴, создание военной организации⁵ в целом, а также необходимых условий для её развития и осуществления эффективного руководства ею.

Важно учитывать, что военное строительство как составная часть государственной деятельности осуществляется

³ Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. М.: За права военнослужащих, 2004. С. 23.

⁴ Воинское формирование — это обобщенное наименование подразделений, воинских частей, соединений и объединений всех федеральных органов государственной власти, в которых законом предусмотрено прохождение военной службы.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом России 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) определяет дефиницию «военная организация государства» как совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации (пп. «к» п. 8).

¹ Принята 9 декабря 1981 г. Резолюцией 36/103 на 36-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права. 1996. С. 99—102.

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

непрерывно, безостановочно, а не по мере необходимости¹.

Военное строительство, строительство Вооруженных Сил как составные части государственной деятельности осуществляются в соответствии с требованиями, закрепленными в юридических нормах, в системе складывающихся правовых отношений между людьми и организациями. Военно-правовые нормы закрепляют государственную политику по вопросам военного строительства, принципы этого строительства, формы устройства военной организации, а также порядок их комплектования личным составом, правовые основы государственного руководства и управления ими.

В современных условиях основными направлениями правового регулирования военного строительства являются:

— выработка правовых принципов военного строительства и военного управления;

— определение функций органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в области обороны;

— закрепление системы устройства воинских формирований, их статуса и общей организации;

— установление системы, статуса органов военного управления, а также полномочий их должностных лиц и правовое обеспечение их деятельности;

— установление порядка взаимодействия органов военного управления и их должностных лиц со сторонними организациями и гражданами;

— обеспечение законности в военном управлении;

— определение степени и форм участия государственных структур, органов местного самоуправления, организаций и населения в военном строительстве;

— комплектование воинских формирований личным составом;

— организация военной службы, федеральной государственной службы и тру-

да гражданского персонала в воинских формированиях;

— укрепление воинской дисциплины;

— регламентация обеспечения (снабжения) войск (сил) материально-техническими средствами и ресурсами, ведения войскового хозяйства;

— обеспечение военнослужащих всеми видами положенного довольствия;

— мобилизационная подготовка и мобилизация воинских формирований.

Вышеприведенный перечень не является исчерпывающим, т.к. развитие средств вооружения, изменение тенденций воздействия на потенциальные угрозы в сфере военной безопасности, развитие экономического и социального состояния населения неминуемо повлекут изменения в направлениях военного строительства.

Отношения по поводу военного строительства условно могут быть объединены в две группы:

а) отношения, складывающиеся внутри военной организации (внутренние или внутриорганизационные);

б) отношения между военной организацией и системами более высокого уровня, в том числе в связи с осуществлением государственного руководства военным строительством; комплектованием вооружённых сил личным составом; обеспечением (снабжением) войск (сил) материально-техническими средствами и ресурсами.

Воинские отношения преимущественно складываются в сфере исполнительной власти. Преобладание административно-правовых аспектов является особенностью правового регулирования военной деятельности в государстве. Сама исполнительно-распорядительная деятельность органов государства, направленная непосредственно на организацию обороны, создание, укрепление и использование Вооруженных Сил, относится к военному управлению и является одной из областей государственного управления².

Особенностью административно-правового регулирования организации

¹ Романов П.И. Правовые основы строительства Вооруженных Сил СССР. М.: ВЮА, 1958. С. 128, 137.

² Виноградов Н.А. Предмет, система и источники военно-административного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1944.

обороны является заблаговременная подготовка пакета документов, регулирующих деятельность государства в военное время. С началом войны обороняющееся государство в целях самосохранения и выживания должно произвести следующие действия, направленные на структурную перестройку своей организации: 1) ввести военное положение (на всей территории страны или в отдельных ее местностях); 2) создать чрезвычайный высший орган государственной власти, в руках которого должна быть сосредоточена полнота всей власти; 3) организовать на определенных территориях комитеты обороны, аналогичные чрезвычайному высшему государственно-му органу; 4) перевести транспортную систему на военное положение; 5) организовать охрану и оборону стратегически важных объектов экономики и жизнеобеспечения населения; 6) изменить режим труда (трудовые отношения) в соответствии с требованиями военного времени; 7) ввести необходимые ограничения прав и свобод граждан; 8) усилить уголовную ответственность за ряд общественно опасных в этих условиях деяний; 9) осуществлять мероприятия гражданской обороны, направленные на защиту населения от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий; 10) осуществить перевод деятельности экономики страны на условия военного времени, органов государственной власти на работу в условиях военного времени, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований на структуру и штаты военного времени и др.¹

Для того чтобы такая организационная перестройка могла быть проведена с началом войны достаточно эффективно и быстро, следует еще в мирное время разработать пакет законодательных и подзаконных документов, направленных на регулирование вышеуказанных общественных отношений. Тогда с началом угрожае-

мого периода или войны государство сможет оперативно построить надежную оборону и выстоять в войне.

Таким образом, нормы военно-административного права регулируют отношения, возникающие в области военного управления, и в качестве главного объекта изучения имеет управление (государственное управление) и все отношения, связанные с военным управлением. Следовательно, военно-административное право — это, по сути, правовая оболочка военного управления, управленческой деятельности, процесса управления и его организации (структуры).

К особенностям правового регулирования в области обороны также относится использование административно-правовых режимов в качестве регуляторов функционирования государства в этой области, введения определенных государственных состояний, таких как состояние войны, военное положение, ведение территориальной и гражданской обороны, мобилизации², предоставление широких полномочий в сфере обороны органам военного управления, в т.ч. права на ограничение некоторых прав граждан и организаций.

Учитывая изложенное, система правовых актов является тем средством, с помощью которого осуществляется воздействие государства на общественные отношения. Именно посредством норм военного права осуществляется строительство и регламентация деятельности военной организации государства; вся управленческая деятельность армии происходит в рамках нормативно-правового регулирования. И хотя одним из основных принципов строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими является принцип единоначалия, выражающийся в праве командира отдавать обязательные для исполнения приказы, такого рода приказы все равно должны соответствовать законам и Общевоинским уставам Вооруженных Сил Рос-

¹ Кучма Ю.Н. Законодательство военного времени - средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

² Попова Н.Ф. Административно-правовое регулирование организации обороны в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2019. № 8. С. 40—44.

сийской Федерации (ст. 33 и 41 УВС ВС РФ¹).

Различного рода правовые акты служат средством управления войсками, организации их боевой подготовки, регулирования многообразных отношений, возникающих в процессе строительства военных организаций, их повседневной жизнедеятельности. Предписания, содержащиеся в актах военного управления, юридически обязывают или управомочивают лиц, на которых эти акты распространяются, совершать определенные действия либо воздерживаться от их совершения². Причем речь идет не только о единичных деяниях, но и о об определенных алгоритмах действий широкого круга лиц, об установлении правил поведения и закреплении функциональных обязанностей.

Управленческая деятельность по реализации этих функций имеет целью повышение готовности органов публичной власти (в первую очередь — военных ведомств) к работе в военное время. Она осуществляется посредством правотворчества — издания различного рода нормативных правовых актов и правоприменения — реализации юридических норм, регулирующих различные вопросы этой деятельности.

Деятельность государства представляет собой процесс формирования и осуществления соответствующей государственной политики, который обеспечивается не только системой правовых норм, но и соответствующей системой государственных органов. Задачи и функции государственной деятельности реализуются в конкретных действиях органов и должностных лиц, ее осуществляющих³. Не является исключением и военная сфера деятельности государства. Для осуществления функции обороны страны государство нуждается в определенной системе госу-

дарственных органов и соответствующем законодательстве, которым определяются характер, направление, способы деятельности этих органов и их должностных лиц, а также поведение военнослужащих в отношениях, непосредственно связанных с прохождением ими военной службы⁴.

Военное строительство относится к тем областям государственной жизни, в которых необходима наиболее полная правовая регламентация. Вместе с тем, как констатировали депутаты Государственной думы, до настоящего времени в России не удалось сформировать в полной мере упорядоченную и сбалансированную систему законодательства в сфере обороны. Законодательно не решенными остаются вопросы построения военной организации государства, не обозначены задачи и направления ее деятельности, а также о деятельности ее составляющих; не решены вопросы о главном руководящем органе в военное время и его задачах, порядке функционирования и полномочиях⁵.

К дефектам правового регулирования можно отнести и отсутствие единого открытого нормативного акта о тенденциях развития военной организации государства. По данным СМИ, осенью 2020 г. были утверждены Концепции строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, а также одноименные Концепции иных военных ведомств⁶. Указанные документы носят закрытый характер, и что самое главное — не распространяются ни на кого, кроме одного конкретного военного ведомства, в отношении которого они и приняты. Насколько они интегрированы и взаимоувязаны друг с другом, с бюджетным законодательством, с законодательством об обороне, не ясно.

¹ Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495.

² Тарадонов С.В. Акты военного управления как источник военного права // Военное право. 2021. № 2. С. 59—67.

³ Тонков Е.Е. Модернизация юридических форм государственной деятельности : монография. М.: Юрлитинформ, 2011.

⁴ Бирюков Ю.М. Советское военное законодательство и его роль в строительстве и укреплении Вооруженных Сил СССР : дис. ... канд. юрид. наук. М. 1968. С. 11.

⁵ Вылугин В.В. Проблемные вопросы законодательной базы Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности государства и возможные пути их решения // Совершенствование военного законодательства. М.: Издание Государственной Думы. 2013. С. 18.

⁶ Рос. газ. 2019. 22 ноября.

Теория российского военного права сегодня еще отстает от реальных запросов в области военного строительства в Российской Федерации¹. Нормативное регулирование процесса строительства военной организации зачастую запаздывает за фактически проводимыми мероприятиями военной реформы, что влечет непредсказуемость поведения субъектов правоотношений, незапланированность бюджетных трат, несогласованность с иными государственными мероприятиями².

Недостаточно однозначно проведено разграничение между военной и правоохранительной службой, в результате статус военнослужащих имеют и те граждане, кто по роду своей деятельности не привлекается к мероприятиям, связанным с вооруженной защитой Отечества (военные пожарные МЧС России, военные прокуроры и следователи)³.

До настоящего времени не созданы специальные внешние по отношению к армии общественные структуры, осуществляющие контроль за социальными вопросами в ней. Существующие в настоящее время организации (общественные советы, родительские комитеты военнослужащих, профессиональные союзы лиц гражданского персонала и т.п.), во-первых, по специфике своих целей могут контролировать лишь небольшую часть социальных вопросов военнослужащих, а во-вторых, их деятельности мешает и бездействие законодателя, не создающего право-

вые и финансовые механизмы их функционирования⁴.

Подводя итог настоящей статье, считаю необходимым сослаться на п. 35 Военной доктрины Российской Федерации⁵, где указано, что повышение эффективности функционирования системы государственного и военного управления является одной из основных задач развития военной организации. Решение этой задачи можно добиться только, правильно выбирая приоритеты управляющего воздействия, а также своевременно корректируя правовые нормы, необходимые для достижения поставленных целей.

Библиография

1. Барциц, И.Н. Конституционное право на хорошее (эффективное) управление: критерии, показатели, оценки / И.Н. Барциц // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 11. — С. 64—71.
2. Бирюков, Ю.М. Советское военное законодательство и его роль в строительстве и укреплении Вооруженных Сил СССР : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.М. Бирюков. — М., 1968.
3. Виноградов, Н.А. Предмет, система и источники военно-административного права : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Виноградов. — М., 1944.
4. Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. — М.: За права военнослужащих, 2004. — 640 с.
5. Вылугин, В.В. Проблемные вопросы законодательной базы Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности государства и возможные пути их решения / В.В. Вылугин // Совершенствование военного законодательства. — М.: Издание Государственной Думы, 2013. — 64 с.
6. Гацко, М.Ф. Теоретические основы и проблемы правового регулирования военного строительства в Российской Федерации / М.Ф. Гацко // Вооружение и экономика. — 2009. — № 3. — С. 122—141.
7. Глухов, Е.А. Охрана общественного порядка и борьба с правонарушениями: военная или правоохранительная служба / Е.А. Глухов, С.А. Строков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 6. — С. 106—112.
8. Глухов, Е.А. Специфика военного управления: правовой аспект / Е.А. Глухов // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 35—42.

¹ Гацко М.Ф. Теоретические основы и проблемы правового регулирования военного строительства в Российской Федерации // Вооружение и экономика. 2009. № 3. С. 122—141.

² См. подробнее: Харитонов С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 113—116; Харитонов С.С. О субъектах военно-политической работы в контексте военного строительства: правовые аспекты // Военно-юридический журнал. 2020. № 4. С. 7—10.

³ Глухов Е.А., Строков С.А. Охрана общественного порядка и борьба с правонарушениями: военная или правоохранительная служба // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 6. С. 106—112.

⁴ Глухов Е.А. О необходимости общественного контроля в армии // Военное право. 2017. № 5. С. 5—13.

⁵ Утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

9. Глухов, Е.А. О необходимости общественного контроля в армии / Е.А. Глухов // Военное право. — 2017. — № 5. — С. 5—13.
10. Голов, Г.В. Прохождение службы по военному ведомству (Книга 7 Свода военных постановлений 1869 г. с изменениями и дополнениями) / Г.В. Голов. — Петроград, 1917.
11. Елина, И.Е. Управление: философские аспекты / И.Е. Елина, А.В. Елин. — М., 2009. — 132 с.
12. Затонский, В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: общетеоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Затонский. — Саратов, 2009. — 421 с.
13. История политических и правовых учений / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — М.: «Норма-Инфра», 2022. — 704 с.
14. Иванец, В.М. Особенности организации управления войсками в операциях с учетом динамики информационных процессов при переходе на военные сетевые технологии / В.М. Иванец, В.Н. Лукьянчик, В.Н. Мельник // Военная мысль. — 2020. — № 7. — С. 90—101.
15. Кучма, Ю.Н. Законодательство военного времени – средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный анализ) : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Н. Кучма. — М., 1995. — 191 с.
16. Макаренко, В.П. Вера, власть и бюрократия (критика социологии М.Вебера) / В.П.Макаренко. — Ростов-на-Дону, 1998. — 302 с.
17. Мизес, Л. Бюрократия. Запланированный хаос, антикапиталистическая ментальность / Л. Мизес. — М.: «Дело», 1993. — 238 с.
18. Попова, Н.Ф. Административно-правовое регулирование организации обороны в Российской Федерации / Н.Ф. Попова // Административное право и процесс. — 2019. — № 8. — С. 40—44.
19. Романов, П.И. Правовые основы строительства Вооруженных Сил СССР / П.И. Романов. — М.: ВЮА, 1958.
20. Савченко, В.Ф. Теория военного управления: история и современность / В.Ф. Савченко // Военная мысль. — 2007. — № 11. — С. 50—58.
21. Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень) / В.Д. Сорокин. — СПб., 2003. — 661 с.
22. Старых, Ю.В. Усмотрение в налоговом правоприменении / под ред. М.В. Карасевой] / Ю.В. Старых. — М.: «Юриспруденция», 2011. — 300 с.
23. Тарадонов, С.В. Акты военного управления как источник военного права / С.В. Тарадонов // Военное право. — 2021. — № 2. — С. 59—67.
24. Тонков, Е.Е. Модернизация юридических форм государственной деятельности : монография / Е.Е. Тонков. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 256 с.
25. Фуссел, К. Упраздните бюрократию в своей команде] / К.Фуссел // Harvard Business Review — Россия. — 2016. 21 июля.
26. Харитонов, С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 113—116.
27. Харитонов, С.С. О субъектах военно-политической работы в контексте военного строительства: правовые аспекты / С.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 4. — С. 7—10.
28. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. — М., 1894. — Ч.3.

Происхождение названия «Уголовное право»: история научного интереса

© Зюбанов Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье приводятся различные версии происхождения прилагательного «уголовное». Научный интерес к вопросу о его истоках не угасает уже на протяжении двух столетий.

Ключевые слова: уголовное право, научный интерес, происхождение названия, преступление, наказание.

The origin of the name «Criminal Law»: the history of scientific interest

© Zyubanov Yu. A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Resume. The article presents various versions of the origin of the adjective "criminal". Scientific interest in the question of its origins has not faded for two centuries.

Keywords: criminal law, scientific interest, origin of the name, crime, punishment.

Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах.

Н.Г. Чернышевский

Откуда пошло название многозначного термина «уголовное право»?

Конкретизация этим термином отрасли законодательства и права, науки права, учебной дисциплины (учебного курса) многих приводит в недоумение: почему они названы именно *уголовным правом*? Вопрос о происхождении данного устойчивого словосочетания и времени его образования не лишен научного интереса. Уже на протяжении длительного времени имеет место желание узнать ответы на них. Первое исследование по данной направленности стартовало более двух веков назад и впоследствии вылилось в комплексное научное рассмотрение истоков наименования. С тех пор стремление разгадать его природу проявляют не только правоведы, но и исследователи других сфер деятельности.

Дебютное суждение о происхождении русского термина «уголовное наказание», по всей видимости, принадлежит

М.М. Сперанскому. Он связывает его с законами, предусматривающими суровые наказания. Эти слова цитирует Н.С. Таганцев. На одной из страниц в сноске его лекций по русскому *уголовному праву* (1902 г.) значится: «В объяснениях к проекту, представленных в 1824 г. в Государственный Совет, было указано: “законы наказательные, объемлющие проступки, суть законы исправительные; те же, все объемлют преступления, суть законы уголовные”. Уголовные наказания, указывается далее, “суть те, где дело идет о голове, т.е. о жизни, *diminutio capitis*, а жизнь каждого лица в обществе есть троякая: физическая, политическая и гражданская; две последние именуется правами состояния. Всякое наказание, непосредственно удручающее или умаляющее бытие или состояние лица, есть наказание уголовное”»¹.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. СПб, 1902. Т. 1. С. 210.

С той поры многие авторы учебных изданий по *уголовному праву* непременно предваряют изложение материала словами о происхождении этого названия. А.Ф. Кистяковский учебник по общей части (1875 г.) начинается с параграфа «Определение уголовного права». По его мнению, этот термин имеет «двойкий смысл». Прежде всего, он обозначает «совокупность законов» о преступлениях и наказаниях. Во-вторых, «им именуется та наука, которая исследует, определяет и излагает понятия о преступлении и наказании». Как наука она появилась на свет «гораздо позже» всей «совокупности уголовных законов»¹.

В процессе написания учебника по общей части *уголовного права* Н.С. Таганцев (1902 г.) использует упомянутые работы М.М. Сперанского и А.Ф. Кистяковского. Он развивает идею двусмысленности и пишет, что «преступное деяние как юридическое отношение заключает в себе два отдельных момента: отношение преступника к охраняемому законом юридическому интересу — преступление и отношение государства к преступнику, вызываемое учиненным им преступным деянием, — наказание»².

В связи с приводимой полемикой нельзя обойти вниманием трактовку фразы в толковом словаре В.И. Даля (1863—1866 гг.), хотя он не говорит о праве, а изъясняет словосочетание «уголовное дело». Это устойчивое высказывание равнозначно по смыслу таким словам как «преступлень» или «уголовщина» либо «уголовь» и «уголовье», «за что виновный подлежит смертной казни, или тяжкой, торговой каре»³.

Дебаты ученых советских времен относительно этого вопроса не отличаются особой активностью. Тем не менее, в учебной литературе (1968 г.) признается весьма вероятная связь термина «уголов-

ное право» с одним «из основных наказаний старого русского права — головничеством». И далее М.Д. Шаргородский проявляет солидарность со старорежимной позицией относительно получения этой отрасли своего названия. Оно происходит «от двух своих основных институтов: либо от наказания — “Strafrecht”, “droit penal”, “наказательное право”, “prawo karne” и т.д., либо от преступления — “criminal law”, “droit criminele”». И уже вошло в традицию при рассмотрении этого вопроса ссылаться на слова М.М. Сперанского о том, что русский термин «уголовное право» происходит «от того, что законы уголовные — это те, где дело идет о голове, т.е. жизни — “diminitio capitas”»⁴. Хотя тот говорил не о таком законе, а об *уголовном* наказании, но с тех пор эта цитата трактуется именно так.

В постсоветский период к данному вопросу проявляется всеохватывающий интерес. Интернет-пространство пестрит авторскими объяснениями разнохарактерного профиля на сей счет. Практически каждый учебник начинается с вариаций о глубинных корнях прилагательного *уголовный* и его этимологии.

К числу исследователей, внесших весомый вклад в разработку этой задачи следует отнести А.В. Наумова. Он первым в новейшее время после смены *уголовного* законодательства (1996 г.) обращается к вопросу о зарождении российской науки *уголовного* права и истокам появления ее имени. Заинтересованность связана с тем, что «точное происхождение названия “уголовное право” в русском языке до сих пор не выяснено». В связи с чем он продолжает традицию классического изложения учебного материала и начинает свой учебник с предложения: «Вначале несколько слов о названии уголовного права». Отечественное понятие «как бы объединяет обе идеи (и преступления, и наказания), не отдавая предпочтения ни одной из них». Еще в древности «уголовными стали называться такие законы, в которых речь шла об ответственности головой, т.е.

¹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. Киев, 1875. С. 1, 5.

² Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 19—22.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4: Р – V – Офрмл. ООО «Диамант». СПб.: ООО «Диамант», 2002. С. 467.

⁴ Курс советского уголовного права. (Часть Общая). Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ. 1968. С. 7.

жизнью». В первых памятниках Древней Руси «ответственность головой вообще связывалась с ответственностью субъекта за те или иные поступки и что истоки такой ответственности можно отыскать в кровной мести». И далее А.В. Наумов заключает: «подобное объяснение следует считать вполне правдоподобным». По крайней мере «понятие уголовного права всегда связывалось с правом (законом), определяющим наказание за преступное поведение»¹.

В новейшее время стародавняя традиция написания учебников продолжается. Изложение специального материала предваряет дискурс о понятии этого права и причинах подобного поименования. По поводу известнейшего русского словосочетания «уголовное право» А.И. Бойко (1999 г.) высказывает свою точку зрения согласно которой «этимологические корни прилагательного “уголовное” теряются в глубине веков». Вот почему «наиболее правдоподобным выглядит мнение, что терминологическое обозначение древнейшей отрасли права у восточных славян происходит от самого распространенного рецепта ответственности за обиду (преступление): “голова не имати”». Другие исследователи «склонны увязывать название отрасли с наименованием одного из наказаний по Русской Правде — головничеством». Для специалистов вполне очевидно, что «существующее название отрасли не тяготеет ни к одному из трех слагаемых предмета уголовного права — преступлению, преступнику и наказанию». Это обстоятельство, по мнению автора, продиктовано народной проничательностью, которая «лишний раз демонстрирует здравый ум и осмотрительность, оставляя вопрос о приоритетах уголовного права для научных дискуссий»².

По объяснению А.Н. Игнатова (2000 г.) термин «уголовное право» сложился «исторически от употреблявшегося в древности понятия “отвечать головой”, т.е. жизнью, за совершение наиболее опас-

ных деяний» и он «является специфически русским»³.

Н.И. Ветров пишет (2002 г.) о продолжающейся дискуссии ученых в связи с тем, что «точное происхождение названия этой отрасли права до сих пор не выяснено». Далее он приводит откорректированное мнение М.М. Сперанского о суровом характере законов, «где дело идет о голове, т.е. о жизни». Не исключает он «связь термина “уголовное право” с одним из основных наказаний старого русского права — головничеством»⁴.

Пяти томный курс *уголовного права* (2002 г.) начинается с рассмотрения вопроса о происхождении изучаемого термина. Его авторы этимологически связывают «слово “уголовный”» со словом «голова», которое в древнерусском языке имело значение “убить”»⁵.

А.В. Бриллиантов (2015 г.) вновь обозначает проблему и констатирует: «этимология понятия “уголовное право” точно не установлена до настоящего времени». Однако «наиболее вероятная версия состоит в его соотношении с тем, что в Древней Руси и позднее наказание за определенные деяния состояло в выдаче виновного головой или ответственности головой, т.е. ответственности жизнью»⁶.

Одновременно с объяснением происхождения заданного поименования в учебных изданиях выходят отдельные публикации, посвященные истолкованию этого термина. О.И. Смирнова в исследовании о древнерусской культуре и терминологии (1991 г.) связывает «этимологию современного прилагательного *уголовный*» с древнерусским словом «голова», т.е. убитый человек. На самом деле слово *голова* имеет «сложную семантическую структуру и большое количество фразеологизмов,

³ Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х томах. Т. 1. Общая часть. М.: НОРМА, 2000. С. 1.

⁴ Ветров Н.И. Уголовное право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. С. 7.

⁵ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. д.ю.н., проф. Н.Ф. Кузнецовой и к.ю.н., доц. И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 1.

⁶ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 12.

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Изд. БЕК, 1996. С. 1.

² Уголовное право. Общая часть : Учебник / под ред. В.Н. Петрашева. М.: ПРИОР, 1999. С. 14.

многие из которых отражают ситуации, понятия и представления, восходящие к древним историческим эпохам». Это заключение автор подтверждает словами многочисленных исследователей, в том числе Е.Ф. Карского комментирующего «слово *голова*». Оно в Правде Русской по древнейшему списку употребляется как в обычном смысле, так и «встречается в значении “убитого человека”». Причем в последнем значении «сохранилось оно в таком смысле и до сих пор: уголовное право»¹.

Ю. Голик и С. Елисеев (2002 г.) отмечают далеко не праздный характер вопроса о происхождении этого словосочетания, потому как «язык закона живет по законам жизни языка. И по своим законам». Они проводят анализ «понимания самого термина “уголовное право”», заглядывают в историю и приводят спектр мнений о его становлении. Авторы называют конкретный период зарождения устойчивых словосочетаний «с прилагательным “уголовный” в качестве определения». Они «впервые появились в российском законодательстве в последней четверти XVIII века». Затем, «с появлением права, эпитет “уголовное” стал ассоциироваться именно с той его отраслью, которая карала за наиболее тяжкие посягательства на наиболее ценные общественные отношения». Заключают свое исследование авторы выводом, что «в отличие от других языков ... русский язык исторически предписал говорить об уголовном праве как о праве жизни (право у головы), которая может быть изменена или даже прервана властью в случае совершения лицом осуждаемых обществом действий. Таким образом, уголовное право — это право на применение наказания». Однако «у государства есть не только право наказывать, но и обязанность наказывать виновных. Такое понимание роли государства было характерно для Российского государства». И наконец, Ю. Голик и С. Елисеев предсказывают по-

следствия его генезиса. Были времена, когда «уголовного права не было», наступило время, когда «уголовное право есть» и вероятно в будущем «уголовного права не будет. Останется только жизнь, которую сегодня охраняет уголовное право»².

Несколько статей, посвященных данной тематике (2009—2010 гг.), излагают взгляды различных авторов относительно понятия *уголовного* права, а также истоков происхождения его названия. Приводится краткий исторический обзор религиозных канонов и античных положений, которые ответственность человека напрямую связывают с органом, принимающим решение о неправомерном поведении. Анализируются значения терминов «голова», «головник» и «головничество» в отечественном законодательстве³.

В довольно объемной статье Г.О. Бабкова (2014 г.) анализирует понятия *криминальный* и *уголовный* в законопроектах времен Екатерины II. Данный кропотливый труд позволил выявить те документы, в коих употребляются эти термины. Среди них выполненный в 1774—1775 гг. перевод проекта «Преступнического или розыскаго суда, по которому сыдебные места, производящая сии суды поступать должны». В окончательном варианте Екатерина II «последовательно заменяла словом *уголовный* слово *преступнический*». Подобную замену понятий императрица производит и в материалах к обнародованному 8 апреля 1768 г. «Начертанию о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения». В нем она также «использовала слово *уголовный*: в данном случае вместо прилагательного *криминальный*». Словосочетание *уголовное дело* впервые «фиксируется в 1731 г. в “Немецко-латинском и русском лексиконе” Э. Вейсмана». Один из его переводов гласит: «за уголовное дело в тюрьму посажену быти, в уголовном, головном деле держатися». По смыслу данного написания явствует, что «в качестве синонима уго-

¹ Смирнова О.И. Древнерусская терминология и культура (семантические модификации слова голова и лексикографическая практика). Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Часть 1. М., 1991.

² Голик Ю., Елисеев С. Понятие и происхождение названия «Уголовное право» // Уголовное право. 2002. № 2. С. 14—16.

³ Зюбанов Ю.А. Понятие уголовного права // Фемида № 7 (163). Алматы: ЗАН, 2009. С. 20—23.

ловный» используется «слово “головной”». Таким образом, заключает Г.О. Бабкова, в представлении отечественного законодателя, «стремившегося очистить язык правоотношений от заимствований и тем самым поставить его в один ряд с европейскими языками, слово *уголовный* и его производные несли достаточную “древность”, чтобы быть понятными для всех и гарантировать единство словопотребления и правоприменения в системе судопроизводства»¹.

Рассматривая общетеоретические вопросы *уголовного права*, связанные с пониманием и определением понятия отрасли, Н.В. Генрих и В.Е. Квашиш (2016 г.) отмечают, что «к настоящему времени в правовой литературе сложилась довольно пестрая картина разнообразных суждений и взглядов на понятие ... уголовного права». Данное разнообразие «объясняется сложностью и многосторонностью самого феномена права и особенностями проявления уголовного права в его существенно различных ипостасях, а в субъективном плане — политическими и идеологическими причинами, а также разными мировоззренческими суждениями исследователей». Все «подходы к анализу и трактовке понятия “уголовное право” в литературе авторы связывают с его историческим происхождением и корнями, с его этимологией, а также с разным значением этого понятия в той или иной правовой культуре». От примата двух идей зависит «наименование уголовного права как отрасли права», а именно «какая идея в той или иной культуре права — идея преступления или идея наказания — является господствующей». Таким образом, заключают авторы в современной правовой культуре «термин “уголовное право” исключает такого рода двойственность, он объединяет в

себе и идеи преступления, и идеи наказания»².

Вызывает изрядный интерес и национальный статус термина. К его исконно русским корням склоняется значительная часть правоведов. Однако некоторые прочат ему иностранное, в том числе латинское происхождение. К их числу принадлежит известный филолог Б.В. Казанский. В работе «Приключения слов», первое издание которой состоялось в 1931 г., воспроизводится авторская версия родословной термина «голова». Сразу следует отметить, что данное произведение неоднократно переиздавалось и в аннотации издателей оно значится как «научно-популярное и занимательное издание». Тем не менее, в нем автор подтверждает сакральный статус этого органа, ведь «голова недаром помещается выше других частей человеческого тела», а «человек издавна понял — головой! — что ей надлежит господствовать над телом». И далее он пишет следующее: «Латинское *caput* (*caput*), которое значит голова, имеет еще более разнообразное потомство». В том числе «Уголовный — еще один перевод с латинского»³.

Один из современных исследователей уверенно описывает процесс создания этого слова «в конце XVIII — нач. XIX вв. на пустом месте». Будто бы это происходило так: «Чаще всего брали латинские, немецкие, французские слова и калькировали их на русский, то есть буквально переводили части слова и складывали вместе». Так, «лат. *crimen capitalis* — “главное, старшее” преступление (по порядку расследования) — от лат. *caput* — “голова” — ну и вот “головное, оголовное”, а вскоре уже — “уголовное” преступление. Ну то есть “уголовный” = “главный”»⁴.

По одной из версий обыденно-бытового отображения действительности этот термин происходит от слова «угол». Оно и определяет значение прилагательно-

¹ Бабкова Г.О. Понятия криминальный и уголовный в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II // Гиштории российские, или Опыт и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского: сборник статей. М.: Древлехранище, 2014. С. 161—206.

² Генрих Н.В., Квашиш В.Е. Понятие уголовного права. Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 38—45.

³ Казанский Б.В. Приключения слов. Родословная «головы» (гл. 7). URL: libma.ru

⁴ Кузьмишин Е.Л. Почему уголовное право называется «уголовным»? URL: yandex.ru

го¹. Человека, избличенного в совершении тяжкого преступления, фактически загоняют в жизненный угол, а выход из него один, понести заслуженное наказание, именуемое углом или четвертаком — 25 лет нахождения в казенном углу, т.е. в местах лишения свободы. Пожалуй, это единственное исключение, которое не вызывает исследуемое прилагательное с *головой* человека. У других исследователей не вызывает сомнений тот факт, что прилагательное *уголовное* заключает в себе понятие *головы*.

Итак, даже далеко не полное изложение накопленного материала впечатляет своим изобилием исследовательских версий и их интерпретаций. Все они пытаются подтвердить свою гипотезу и выяснить происхождение названия *уголовное право* однообразным способом. В данном познавательном процессе рассматривается лишь прямая связь между этим прилагательным и каким-либо древним понятием или зарубежным словом. Другие вероятностные идеи, включая поэтапные и промежуточные варианты его формирования не обсуждаются. Это противоречит условиям принципа детерминизма, требующего «рассматривать вещи в самодвижении и развитии». Причем «требование рассматривать вещь в ее движении и развитии составляет важнейший момент содержания принципа историзма»². В нашей работе поиск корней постигаемого названия производится с точки зрения поэтапной эволюции значения термина *голова* и существовавшего в законах обозначения дел о преступных деяниях. Общеизвестно, что именно данным прилагательным и его синонимами издавна именуют собранные и систематизированные в определенном порядке документы и предметы, составляющие содержание дела, которое в дальнейшем подлежит судебному рассмотрению, в том числе «о голове, т.е. о жизни». Об этом свидетельствуют нормативные акты, толкование, изложенное в словаре В.И.

Даля³. Однако, несмотря на очевидный исторический приоритет словосочетания *уголовное дело*, попыток объяснить его наименование не предпринималось, что вызывает справедливое недоумение.

Одним словом, упомянутые принципы нацеливают провести исследование основной версии об ответственности *головой*. Этот процесс изучения как того требует диалектический метод познания охватывает главные хронологические вехи эволюции человека, учитывает влияния религиозной идеологии, а также этапы развития отечественного и зарубежного законодательства.

Библиография

1. Генрих, Н.В. Понятие уголовного права / Н.В. Генрих, В.Е. Квашиш // Общество и право. — 2016. — № 1 (55). — С. 38—45.
2. Голик, Ю. Понятие и происхождение названия «Уголовное право» / Ю. Голик, С. Елисеев // Уголовное право. — 2002. — № 2. — С. 14—16.
3. Зюбанов, Ю.А. Понятие уголовного права / Ю.А. Зюбанов // Фемида. — 2009. — № 7 (163). — Алматы. ЗАН. — С. 20—23.
4. Кистяковский, А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть / А.Ф. Кистяковский. — Киев, 1875. — 413 с.
5. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А.В. Наумов. — М.: Изд. БЕК, 1996. — 560 с.
6. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая / Н.С. Таганцев. — СПб., 1902. — 825 с.
7. Чернышевский, Н.Г. Избранные философские сочинения. В 3 т. Т. 1. Под общ. ред. и с предисл. М.М. Григорьяна; АН СССР, Ин-т филос. / Н.Г. Чернышевский. — М.: Госполитиздат, 1950.

¹ Уголовное право Российской Федерации: понятие, предмет, методы, задачи и система. URL: stud-me.org

² Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М.: Политиздат, 1983. С. 174—175.

³ Даль В.И. Указ. раб. С. 467.

Исторический опыт обеспечения денежным довольствием военнослужащих (на примере Отдельного корпуса внутренней стражи Российской империи)

© Лысенков Сергей Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
© Вишняков Максим Михайлович,
адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье раскрываются вопросы денежного довольствия различных категорий военнослужащих Отдельного корпуса внутренней стражи, состоящего из жалования, прогонных и столовых денег.

Ключевые слова: денежное довольствие, офицеры, нижние чины, столовые деньги, прогонные деньги.

Historical experience of providing cash allowance for military personnel (using the example of the Separate Internal Guard Corps Russian imperial)

© Lysenkov S.G.,
Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (History), Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation
© Vishnyakov M.M.,
adjunct of the St. Petersburg Military Order of the Zhukov Institute of National Guard Troops

Annotation. The article reveals the issues of monetary allowance of various categories of military personnel of the Separate Internal Guard Corps consisting of salaries, run and table money.

Key words: cash allowance, officers, lower ranks, canteen money, run money.

В Российской империи с 1811 г. функционировали подразделения внутренней стражи, которые в 1816 г. оформились в Отдельный корпус внутренней стражи (ОКВС), просуществовавший до 1864 г. Внутренняя стража организационно входила в структуру военного министерства, и на этом основании личный состав корпуса относился к категории военнослужащих.

Продолжительность военной службы составляла 25 лет и более, была сопряжена с повышенным риском для жизни и здоровья. Военнослужащий, находясь на служ-

бе, не мог заниматься иной деятельностью, которая могла бы приносить доход для него и членов его семьи. Кроме того, необходимо иметь в виду, что батальоны внутренней стражи и инвалидные команды пополнялись ветеранами, не способными к полевой службе по возрасту или по состоянию здоровья, признанными не годными к военной службе, что требовало дополнительного попечения государства о них. Поэтому государство брало на себя обязательство по обеспечению военнослужащих всеми видами довольствия, наиболее важ-

ным из которых было денежное довольствие.

В военном министерстве за денежное довольствие военнослужащих отвечал комиссариатский департамент, главные задачи которого состояли в выплате жалования, столовых денег и пенсий по соответствующим воинским званиям, должностям и знакам отличия, прогонных денег командируемым. В обязанности данного департамента входило также обеспечение военных госпиталей вещами, припасами и материалами, содержание лазаретов, покупка лошадей, заготовка материалов для пошива и ремонта обмундирования и снаряжения, отпуск средств на канцелярские расходы.

К предмету денежного довольствия войск в первой половине XIX в. относились денежные оклады, отпускаемые из казны в личное распоряжение военнослужащих. Денежные оклады офицерам предназначались для удовлетворения всех их материальных потребностей: в продовольствии, обмундировании, снаряжении и т.п., а нижние чины денежные оклады получали для удовлетворения своих личных потребностей, так как всем остальным они обеспечивались в натуральном виде.

В целях стимулирования безупречной службы для всех категорий военнослужащих было предусмотрено путевое довольствие, единовременные выплаты, вознаграждения, добавочное жалование за орден, за выслугу лет, за достижение сверх установленной продолжительности службы и другие выплаты.

Но не только выплаты предусматривались для военнослужащих. Например, из жалования офицеров производились также и вычеты на госпиталь и медикаменты, а из столовых денег — в пенсионный и инвалидный капиталы. Вычеты из всего причитающегося содержания производились: за пожалование орденами — в капитул орденов, при производстве в очередной чин или назначения на высшую должность — в государственный доход, в офицерские собрания, в офицерские заемные капиталы, на образование собственного капитала каждого участника и на уплату долгов в случае требований кредитора. Из жалова-

ния нижних чинов производились вычеты только на госпиталь и медикаменты.

На основании указа «О прибавке жалования штаб и обер-офицерам и о производстве столовых денег генералам против табелей, у сего прилагаемых» от 12 декабря 1816 г. жалование офицерам было увеличено. Именной указ императора Александра I начинался словами «Возвышение цен на все предметы жизнедеятельностных потребностей сделали оклады получаемого войсками нашими жалованья недостаточными». В связи с этим всем штаб и обер-офицерам от прапорщика до полковника с 1 января 1817 г. было прибавлено жалование выше ранее утвержденных окладов. «Мы видели в жалованье вашем скудность, в сравнении с получаемым подчиненными вашими жизнесоразмерность настоящим вашим нуждам и давно желали содержание ваше увеличить. Обширные и необходимые государственные надобности по сие время сделать сего не позволяли. Ныне же при первой самой возможности Мы с совершенным удовольствием исполняя то, о чем всегда помышляли»¹.

Несмотря на то, что корпус входил в состав вооруженных сил, уровень материального обеспечения офицеров внутренней стражи отличался от войсковых. Так, полковник армейской пехоты в 1816 г. получал 1 200 руб., прапорщик — 450 руб., а во внутренней страже — 800 и 225 руб. соответственно.

Денежное довольствие военнослужащих ОКВС с годами изменилось незначительно. Например, Штатная ведомость 1862 г. Архангельского батальона внутренней стражи свидетельствует о том, что оклады офицерского состава в год составляли: батальонный командир — 441 руб., младший штаб-офицер — 348 руб., капитан — 276 руб., штабс-капитан — 249 руб., поручик — 219 руб., подпоручик — 201 руб., прапорщик — 183 руб. Сверх жало-

¹ Именной Указ, объявленный Начальнику Главного Штаба. О прибавке жалования штаб и обер-офицерам и о производстве столовых денег генералам против табелей, у сего прилагаемых. 12 декабря 1816 года // ПСЗИ. Т. 33. № 26557. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

вания доплачивались столовые деньги батальонному командиру — 280 руб. 20 коп., младшему штаб-офицеру — 93 руб. Оклады нижних чинов были значительно ниже: фельдфебель — 10 руб. 65 коп., каптенармус — 4 руб., 80 коп., унтер-офицер — 4 руб. 5 коп., барабанщик и горнист — батальонный (3 руб. 75 коп.), ротный (2 руб. 70 коп.), рядовой — 2 руб. 70 коп. Для нестроевых чинов оклад зависел от вида служебных обязанностей: батальонный писарь 1-го разряда — 10 руб. 63 коп., 2-го разряда — 4 руб. 80 коп., фельдшер — 23 руб., 35 коп., цирюльник — 2 руб., 70 коп., закройщик — 16 руб. 95 коп., снаровщик — 8 руб. 40 коп., батальонный ложник — 16 руб. 95 коп., ложник — 2 руб. 70 коп., батальонный слесарь — 16 руб. 93 коп., слесарь — 2 руб. 70 коп., плотник — 2 руб. 70 коп., денщик — 2 руб. 10 коп.¹

Жалование и столовые деньги выдавались личному составу по третям года таким образом, чтобы к первому числу месяца каждой новой трети войска были уже обеспечены деньгами. Квартирные деньги отпускались по истечении каждой трети года².

Столовые деньги составляли оклад, присваиваемый офицерам за действительное исполнение должности и поэтому отпускались со дня вступления в должность, а не со дня приказа о назначении на нее³.

Произведенные в следующие чины получали жалование по новому чину со

дня объявления офицерам — в Высочайших приказах, а нижним чинам — в приказах по батальону или команде.

Офицерскому составу при увольнении в отпуск на продолжительное время для лечения от болезней или ран могло сохраняться полное содержание, но после получения высочайшего на то соизволения⁴. При нахождении офицеров в отпуске менее 28 дней жалование выплачивалось по общим правилам без каких-либо вычетов.

Штаб и обер-офицерам, находящимся в отпуске без жалования и не прибывшим своевременно к месту службы по причине болезни жалование не выплачивалось за все время неявки⁵.

Для генералов, штаб и обер-офицеров, назначенных временно исполнять вакантные должности, полагалось выплачивать содержание, которое соответствовало этим должностям.

Военнослужащим, находящимся под следствием и судом, выплачивалось половина жалования, а в случае их оправдания полагалась выплата оставшейся суммы⁶. Нижним чинам, ранее отказавшимся от производства в офицеры и получавшим две трети жалования прапорщика, выплата жалования прекращалась с момента предания суду⁷.

При переводе во внутреннюю стражу

¹ Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. [Санкт-Петербург] : Приложение: Штатная ведомость о числе чинов, какое полагается иметь в Архангелогородском батальоне внутренней стражи : Приложение к: «Санкт-Петербургские Сенатские ведомости». № 84. 19 октября 1862 г.

² Именной Указ из Военной Коллегии. Об удовольствовании войск денежным жалованием к 1 числу каждой наступающей трети. Май 1808 г. // ПСЗРИ. Т. 30. № 23048. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

³ Именной Указ, объявленный Начальнику Главного Штаба. О прибавке жалования штаб и обер-офицерам и о производстве столовых денег генералам против табелей, у сего прилагаемых. 12 декабря 1816 г. // ПСЗИ. Т. 33. № 26557. С. 1116. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

⁴ Именной Указ Военному Министру. О порядке увольнения в отпуск офицеров. 25 апреля 1834 г. // ПСЗРИ-2. Т. 9. № 7025. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835.

⁵ Именной Указ Начальнику Главного Штаба. О сроке производства жалования Штаб и Обер-офицерам, не явившимся к своим командам по болезни. 16 октября 1828 г. // ПСЗРИ-2. Т. 3. № 2347. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

⁶ Именной Указ, данный военной коллегии. О производстве половинного жалования находящимся под судом генералитету, штаб и обер-офицерам. 7 августа 1801 г. // ПСЗРИ-1. Т. 26. № 19966. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

⁷ Именной указ, объявленный в приказе Военного Министра. О прекращении выдачи двух третей прапорщичьего жалования нижним чинам, подвергшимся военному суду. 13 октября 1834 г. // ПСЗРИ-2. Т. 9. № 7458. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835.

нижних чинов, неспособных к полевой службе из-за болезней и полученных в сражениях увечий, жалование по полевым окладам, получаемым в действующих войсках, сохранялось по мирному времени¹. В случае присвоения этим военным служащим унтер-офицерского звания во внутренней страже жалование выплачивалось по армейскому унтер-офицерскому окладу².

При нахождении в командировке по делам службы более трех месяцев в Грузии и Царстве Польском офицерам полагалось выплачивать добавочное жалование³.

В случаях нахождения в командировке генералов, штаб и обер-офицеров более четырех месяцев положенное жалование им выплачивалось комиссариатской комиссией по месту пребывания, при предъявлении аттестата и письменного заявления. О всех выплатах чиновники комиссариатской комиссии извещали батальоны и команды внутренней стражи. Лица, не получившие во время командировки жалование по выданным аттестатам, имели возможность получить довольствие по прибытию к месту службы по ранее выданным аттестатам. В случае утраты аттестата жалование военным служащим мог получить только при предъявлении справок о том, что по аттестату выдача жалования ранее не производилась.

При увольнении со службы военно-

служащие удовлетворялись жалованием по день исключения из списков команд, о чем делались отметки в аттестатах.

Для военным служащих были предусмотрены основания, по которым прекращались выплаты жалования. Так, офицерам, уволенным в отпуски по домашним обстоятельствам продолжительностью свыше 28 дней, выплата установленных жалования и содержания прекращалась⁴.

Выдача жалования ранее установленного срока запрещалась, но в исключительных случаях для обер-офицеров при крайней нужде «по недостаточному состоянию, для исправления своих нужд» была возможность получить довольствие за треть года при наличии поручительства и разрешения комиссариатского департамента⁵.

Офицерам, убывающим для приема рекрутов, выплачивались дополнительные столовые деньги из казенной палаты: штаб-офицерам по два, а обер-офицерам по одному рублю пятьдесят копеек в сутки на каждого.

Нижние чины могли получать добавочное жалование за выполнение некоторых казенных работ и за знаки отличия военного ведомства. Были предусмотрены наградные деньги за Высочайшие смотры, за примерное исполнение особых обязанностей, за похвальные поступки и человеколюбивые подвиги. Например, мастеровым нижним чинам за пошив рекрутской одежды производилась сдельная доплата: за фуражную шапку — 10 коп., за шинель — 75 коп., за брюки — 50 коп., за галстук — 5 коп., за пару сапог — 1 руб., за ранец — 20 коп. А за поимку беглых крестьян нижним чинам внутренней стражи и жан-

¹ Именной Указ Управляющему Военным Министерством. О производстве жалования нижним чинам, распределенным в гарнизоны и служащим инвалиды, по неспособности к полевой службе за ранениями, в последнюю войну полученными. 30 января 1815 г. // ПСЗРИ-1, Т. 33. № 25774; Именной Указ Военному Министру. О производстве полевого жалования нижним чинам, кои по неспособности к полевой службе поступать будут во Внутреннюю Стражу. 16 июня 1833 г. // ПСЗРИ-2, Т. 8. № 6267. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1834.

² Именной Указ Военному Министру. О производстве жалования по армейскому окладу унтер-офицерам, произведенным из рядовых и поступивших во Внутреннюю Стражу за ранами. 16 февраля 1833 г. // ПСЗРИ-2, Т. 8. № 5981. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1834.

³ Свод военных постановлений. Ч. 4. Устав хозяйственный, книга 3. СПб 1839. С. 108—109.

⁴ Именной Указ Военному Министру. О порядке увольнения в отпуск Офицеров. 25 апреля 1834 г. // ПСЗРИ-2, Т. 9. № 7025. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835.

⁵ Именной приказ, объявленный военной коллегии Министерством военных сухопутных сил. О невыдаче жалования впредь генералитету и штаб и обер-офицерам, пенсионерам и состоящим на инвалидном содержании. 11 мая 1808 г. // ПСЗРИ-1, Т. 30. № 23014. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

дармских подразделений полагалась выплата по 10 руб. каждому¹.

Военнослужащим для проезда к новому месту службы, для проведения инспектирования подчиненных частей, при следовании в командировку по служебным делам, при увольнении со службы «за ранами, увечьями, и при отправлении заболевших офицеров из команд в госпитали из госпиталей обратно к командам»², на оплату обывателям за пользование подводами от казны отпускались прогонные деньги.

Генералам, штаб и обер-офицерам, переводимым к новому месту по служебной необходимости, прогонные деньги выдавались на весь маршрут, а при переводе по собственному желанию выдача прогонных денег не была предусмотрена. Например, именным указом «Об изменениях в распределении батальонов Внутренней Стражи по округам, в нумерации округов и батальонов и в расположении Округных Управлений» было определено: «С перемещением по настоящему расписанию некоторых Округных Управлений и Дежурств в другие места, генералам, штаб и обер-офицерам отпустить для переезда к новым местам прогонные деньги по положению. Нижним чинам сих Управлений и дела оных перевезти на обывательских подводах за контрамарки, полагая одну одинокую подводу на каждых двух человек и для дел, по весу тяжести»³. Вместе с тем, особые условия расчета прогонных денег были предусмотрены при следовании по Закавказскому краю.

Офицерам, переводимым из гарнизон-

ных батальонов в инвалидные команды, прогонные деньги выдавались из батальонных сумм с обязательством вернуть их после получения жалования из комиссариатского ведомства. Состоящим при внутренних гарнизонных батальонах сверх штата штаб-офицерам для осмотра уездных инвалидов и этапных команд два раза в год выдавались прогоны на 3 лошади.

Для сопровождения арестантов офицерам выплачивали прогонные деньги до губернского города, а не от одного этапа до другого⁴.

Офицерам выдавались прогонные деньги для следования в госпитали и обратно по выздоровлению к месту службы: штаб-офицерам на 3 лошади, обер-офицерам на 2 лошади. Штаб и обер-офицерам, увольняемым со службы по причине полученных в сражениях ран и увечий, для проезда к месту пребывания выплачивались прогонные деньги по занимаемому чину на любое расстояние, но выходящим вторично в отставку выплата уже не полагалась.

Прогонные деньги также выдавались на объезды для смотра войск, причем не иначе как по маршрутам, которые прилагались при затребовании средств, посылаемых в комиссариатскую комиссию с обоснованием, какие именно по каждому маршруту требуются суммы на прогоны.

При отправлении к мужьям солдатских жен или возвращении престарелых солдатских вдов на родину прогонные деньги выдавались на все расстояние.

Военнослужащие ОКВС при отставке от службы с принятием Общего устава о пенсиях и единовременных пособиях получали право на пожизненную пенсию, размер которой определялся сроком службы, чином, а также должностным разрядом.

Однако денежное содержание, выдаваемое офицерам ОКВС не позволяло им удовлетворять свои потребности. В отличие от армии многие офицеры, проходившие службу в корпусе внутренней стражи, были беспоместные (произведенные в

¹ Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 1286. Оп.4 Д.605. Дело по отношению начальника Штаба его императорского величества, о выдаче нижним чинам корпуса жандармов и внутренней стражи по 10 рублей за поимку беглых (28 февраля 1829 г. — 6 октября 1833 г.).

² Свод военных постановлений. Ч.4. Устав хозяйственный книга 3. СПб, 1839. С. 1018.

³ Именной указ. Об изменениях в распределении батальонов Внутренней Стражи по округам, в нумерации округов и батальонов и в расположении Округных Управлений. 28 июля 1863 г. // ПСЗРИ-2. Т. 38 № 39920. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866.

⁴ Свод военных постановлений. Ч. 4. Устав хозяйственный. Кн. 3. СПб 1839. Ст. 233.

офицеры лица не дворянского происхождения), поэтому единственным источником их дохода оставалось жалование.

Таким образом, с момента возникновения войск внутренней стражи существовала потребность в организации финансового обеспечения военнослужащих. Формирование, развитие и совершенствование этого вида обеспечения военнослужащих являлось неотъемлемой частью государственной политики. Поэтому его необходимо рассматривать как деятельность ор-

ганов государственного и военного управления, командиров и начальников по реализации установленных для них полномочий, направленных на обеспечение условий для нормальной жизнедеятельности военнослужащих и членов их семей.

Библиография

Тютюнов, Н.В. История формирования отечественной системы пенсионного обеспечения военнослужащих / Н.В. Тютюнов // Социально-политические науки. — 2012. — № 2. — С. 91—97.

Военно-административное право

Правовой инструментарий информационной войны: базовые ценности военной организации государства и юридические технологии их разрушения

© Аулов Владимир Константинович,
кандидат юридических наук, судья в отставке,
доцент

Аннотация. В статье исследуется проблематика разрушения базовой ценности военной организации государства — военно-правового института единоначалия и девальвации презумпции законности приказа как ключевого элемента юридической конструкции данного института. Автор приходит к выводу о присутствии в военно-уголовном законодательстве сознательно организованного системного дефекта, отрицательно влияющего на систему управления войсками. Выявленный дефект, по мнению автора, может являться результатом информационной операции воздействия на российскую правовую систему в рамках ведущейся в настоящее время информационно-психологической войны.

Ключевые слова: незаконный приказ, приказ, крайняя необходимость, освобождение от уголовной ответственности, информационная операция, информационно-психологическое воздействие, информационная война, институт единоначалия, базовые ценности объекта информационного воздействия.

Legal tools of information warfare: basic values of the military organization of the state and legal technologies of their destruction

© Aulov V.K.,
retired judge, Candidate of Law, Associate Professor

Abstract. The article examines the problems of the destruction of the basic value of the military organization of the state - the military-legal institute of unity of command and the devaluation of the presumption of legality of the order as a key element of the legal structure of this institution. The author comes to the conclusion that there is a consciously organized systemic defect in the military criminal legislation that negatively affects the command and control system of the troops. The revealed defect, according to the author, may be the result of an information operation of influence on the Russian legal system within the framework of the information and psychological war currently underway

Keywords: illegal order, order, extreme necessity, exemption from criminal liability, information operation, information and psychological impact, information war, institute of unity of command, basic values of the object of information impact.

По мнению начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации В.В. Герасимова, «трансформация современных конфликтов приводит к изменению вкладов военных и невоенных видов борьбы в общий политический ре-

зультат войны»¹. Военные эксперты также установили, что основным невоенным видом борьбы является информационно-психологическое воздействие, поражающие свойства которого по критерию цена/результативность оцениваются в четыре

¹ Герасимов В.В. Современные войны и актуальные вопросы организации обороны страны // Вестник академии военных наук. 2017. № 2. С. 9—13.

раза выше, чем те же самые параметры «чисто военных» видов борьбы¹.

Исходя из этого очевидно, что личный состав Вооруженных Сил Российской Федерации а priori является целевой аудиторией адресного информационно-психологического воздействия противника.

Целью такого воздействия, согласно руководящим документам иностранных государств, является подрыв морального духа, создание обстановки неуверенности и беспокойства среди личного состава, снижение его боеспособности².

Достижение указанной цели обеспечивается разрушением базовых ценностей объекта информационного воздействия. Применительно к военной организации, такими базовыми ценностями являются военно-правовой институт единоначалия и презумпция законности приказа как важнейший элемент юридической конструкции данного института.

Особенность юридической конструкции института единоначалия в Российской Федерации состоит в коллизии между нормами, наделяющими командира (начальника) правом отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение мерами принуждения (вплоть до применения оружия в отдельных случаях), и нормами, устанавливающими для исполнителя приоритет оценки приказа (распоряжения) как безусловно законного вместо его безоговорочного и точного выполнения. Так, абз. 3 ст. 30, ст. 31, 33 УВС ВС РФ, ст. 9 ДУ ВС РФ в своей логической взаимосвязи утверждают единоначалие как основной принцип строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими.

Формулировки ч. 2 ст. 42 и ст. 332 УК РФ в совокупности со ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и воен-

ной службе»³ и ст. 41 УВС ВС РФ, по сути, девальвируют единоначалие, возлагая на военнослужащего обязанность по безупречно точной идентификации приказа (распоряжения) как законного.

Анализ научных публикаций свидетельствует о том, что разрешению названного выше противоречия не уделяется должного внимания. Предмет подавляющего большинства исследований ограничен изучением юридической категории «незаконного приказа» и смежных с ней понятийных категорий. Достаточно отметить, что методология военного права использовалась только лишь в двух диссертациях, защищенных в 2008 и 2011 годах⁴.

В результате решение проблемы усматривается в преодолении коллизии на основе института крайней необходимости. Высказываются суждения о том, что «если у подчиненного нет иного выхода, кроме как выполнить или не выполнить полученный незаконный (преступный) приказ, он должен действовать таким образом, чтобы его действиями был причинен вред меньше того вреда, который наступил бы, если бы он действовал иначе»⁵.

Существует точка зрения, что «выполнение юридической обязанности по реализации актов применения права, причиняющее вред охраняемым уголовным законом интересам, при соблюдении специальных предписаний уголовного кодекса не содержит противоправности или виновности, исключает преступность деяния, возможность привлечения к уголовной ответственности и применение мер наказания, а

³ Последняя устанавливает, что командирам (начальникам) запрещается отдавать приказы (приказания) и распоряжения, не имеющие отношения к исполнению обязанностей военной службы или направленные на нарушение законодательства Российской Федерации.

⁴ Сидоренко В.Н. Уголовная ответственность военнослужащих за неисполнение приказа : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2008; Калмыков В.В. Расследование неисполнения боевых приказов и распоряжений в районах вооруженного конфликта: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2011.

⁵ Тищенко А.Г. Должен ли исполняться военнослужащим незаконный приказ? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2001. № 11. С. 43—47.

¹ Гареев М.А. Итоги деятельности академии военных наук за 2016 год и задачи академии на 2017 год // Там же. С. 14—22.

² Устав США FM33-1 «Психологические операции».

при нарушении этих предписаний предусматривает смягчение мер такого наказания»¹.

Ряд исследователей видят выход в модернизации УК РФ.

Б.В. Сидоров и И.А. Гумеров предлагают ч. 2 ст. 42 УК РФ дополнить предложением: «При неисполнении заведомо законных приказа или распоряжения в предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса случаях подчиненное лицо несет уголовную ответственность»². Р.Н. Котьяш полагает необходимым внести в диспозицию ст. 332 УК РФ положение о том, что за исполнение заведомо незаконного приказа уголовная ответственность исключается³. А.С. Некоз пытается разрешить противоречие, через осмысление «... наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, на стороне исполнителя и (или) на стороне пособника...»⁴.

Сквозной темой практически всех исследований является обсуждение требований к «законности» приказа⁵. Об этом писали В.В. Арестов, М.С. Гринберг, Д. В. Веденин, Р.А. Загидуллин, Т.Ю. Леонова В.И. Михайлов, В.Н. Сидоренко, И.Г. Соломоненко и ряд других авторов⁶.

Значительный по объему блок публикаций посвящен анализу собственно правовой природы приказа. Это статьи и диссертации С.В. Бошно, В.Я. Григенча, Ю.Е. Духовник, А.В. Киселева, А. Е. Лондарской, Д.Б. Макарова, И.В. Талаева, Г.А. Трофимовой, Н.В. Чернышова⁷.

деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999; Веденин Д.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 87; Гринберг М.С. Технические преступления. Новосибирск, 1992. С. 110; Загидуллин Р.А. Понятие и признаки незаконного и необоснованного приказа // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 9. С. 21—26; Леонова Т.Ю. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1(10). С. 206—214; Михайлов В.И. Нормативное регулирование исполнения приказа и некоторые вопросы уголовного права // Государство и право. 1996. № 12. С. 66; Соломоненко И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение. Ставрополь 2000. С. 42; Сидоренко В.Н. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния в условиях военной службы // Российский военно-правовой сборник. 2004. № 1. С. 113—116.

⁷ Бошно С.В. Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 51—60; Григенча В.Я. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 10; Духовник Ю.Е. Уголовно-правовая оценка деяний при мнимом исполнении приказа или распоряжения // Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докл. VII Межд. науч.-практ. конф. Редкол.: Ю.П. Шкаплеров [и др.]. 2019. С. 32—34; Киселев А.В. Уголовно-правовые аспекты отдания и неисполнения приказа // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 1 (40). С. 673-677; Лондарская А.Е. Совершенствование реализации нормативных правовых актов в органах военного управления : дис ... канд. юрид. наук. М., 2010; Макаров Д.Б. Уголовно-правовая характеристика неисполнения приказа военнослужащим // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 242—245; Талаев И.В. Понятие «приказ» в законодательстве и уголовно-правовой доктрине России // Российское правосудие. 2019. № 12. С. 90—94; Трофимова Г.А. Приказ (распоряжение) как квалификационный уголовно-правовой признак // Гражданин и право. 2018. № 4. С. 39—44; Чернышов Н.В. Приказ в системе нормативных правовых актов: общетеоретический аспект // Теория государства и права. 2020. № 4 (20). С. 232—242; Чернышов А.В. Отличие приказа

¹ Девятко А.Ю. Исполнение приказа или распоряжения военнослужащими как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

² Сидоров Б.В., Гумеров И.А. Исполнение приказа или распоряжения: социально-правовая природа, вопросы ответственности, наказания и совершенствования уголовного закона за деяния, совершаемые во исполнение приказа или распоряжения // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 283—287.

³ Котьяш Р.Н. Незаконный приказ: проблема ответственности за исполнение // Законность. 2006. № 4 (858). С. 55.

⁴ Некоз А.С. Уголовно-правовая оценка пособничества при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 158—162.

⁵ Бобров И.А. О правомерном и неправомерном исполнении приказа или распоряжения // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 2 (11). С. 115—117.

⁶ Арестов В.В. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа или распоряжения как обстоятельства, исключающие преступность

Другим значимым лейтмотивом публикаций выступает детальный разбор юридически целесообразного порядка действий субъектов, получивших незаконный приказ¹.

Несмотря на разброс мнений по поводу совершенствования правового регулирования института «незаконного приказа» и осмысления его места в правовой системе России, общим для всех работ является отсутствие научного интереса к трем важнейшим аспектам:

— первый: исторический контекст, заставивший законодателя дополнить правовую реальность специальным основанием освобождения от уголовной ответственности — за неисполнение незаконного приказа;

— второй — номинация в УК РФ ответственности без вины за выполнение заведомо «незаконного приказа», то есть на принципе объективного вменения;

— третий — семантические приемы и юридико-технические особенности, положенные в основу усиления негативного потенциала отрицательной экспликации словосочетания «незаконный приказ».

Давая оценку перечисленным проблемам, прежде всего, следует отметить, что политико-идеологический разгром Советского Союза был обеспечен именно информационно-психологическим воздействием². Среди прочих, в ходе такого воздействия была успешно решена задача по девальвации института единоначалия в военной организации СССР. Средством решения этой задачи было внедрение в общественное правосознание стереотипа восприятия приказа как правового явления, чья законность требовала обязательного дополнительного подтверждения.

от иных правовых актов органов исполнительной власти // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45. № 3. С. 565—571.

¹ Комиссаров А.В. Миняйленко Н.Н. Принцип единоначалия в деятельности органов военного управления внутренних войск (теоретико-правовой аспект) // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2015. № 9 (219). С. 7—12.

² Подробнее об этом: Зиновев А.А. Интервью газете «Завтра» // Газета «Завтра». 2008. 28 янв.

Здесь следует отметить беспрецедентный уровень интенсивности и цинизма пропагандистской кампании 1989—1991 гг. по внедрению в общественное правосознание манипулятивного штампа о «незаконности приказа».

Обосновывалось такое внедрение прежде всего ссылками на важнейшие документы, подводящие правовые итоги Второй мировой войны, — Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси и Приговор Международного Военного Трибунала³.

Из публикации в публикацию содержание этих документов умышленно искажалось. Многократно повторялись сентенции о том, что Нюрнбергский трибунал якобы «... установил, что наличие преступного приказа не освобождает исполнителя от ответственности, хотя и может рассматриваться как повод для смягчения наказания»⁴.

Далее подверстывается вывод, что будто бы «... эта норма была возведена в ранг общего принципа международного права согласно резолюции № 95(1) Генеральной Ассамблеи ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала», принятой 11 декабря 1946 г. на 55-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН»⁵.

В действительности же в ст. 8 Устава Международного Военного Трибунала

³ Международный Военный Трибунал учрежден в соответствии с Соглашением между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси 8 августа 1945 г. Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540388/> (дата обращения: 25.09.2021).

⁴ Додонов В.Н. Исполнение приказа вышестоящих лиц как обстоятельство, исключающее преступность деяния, в современном уголовном праве // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2008. № 4 (6). С. 20—23.

⁵ Додонов В.Н. Там же.

(как в остальном тексте Устава) составной термин «незаконный приказ» отсутствует. Из содержания данной статьи Устава: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности ...» следует, что в решении Трибунала нет никаких требований, касающихся дифференциации приказа как «законного» или «незаконного».

Не обнаруживается термин «незаконный приказ» и в Принципе IV упомянутой выше резолюции Генеральной Ассамблеи ООН: «То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен»¹.

Продолжением манипулятивной технологии является умалчивание о том, что юрисдикция Трибунала распространяется только лишь на деяния, совершенные до его учреждения. В силу этого обстоятельства оценки Трибунала не имеют преюдициального значения и не порождают правовых последствий в современных правовых реалиях.

Промежуточным результатом информационно-психологической операции стало принятие Закона Российской Федерации от 21 апреля 1992 г. № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Названный Закон дополнил Основной Закон РСФСР статьей 67.4, часть третья которой гласила: «Исполнение явно преступного приказа влечет за собой ответственность по закону».

Экстраординарный факт внесения нормы о незаконности приказа непосредственно в Конституцию только что победившей молодой российской демократии косвенно подтверждает чрезвычайную

жизнестойкость общественного правосознания, противостоявшего разрушению ценностной установки «приказ командира — закон для подчиненного».

Причина такой исключительной устойчивости заключается в том, что правовое регулирование оснований, исключаящих привлечение к уголовной ответственности, еще в досоветский период российской государственности — начиная с Воинского Устава о наказаниях 1869 г. — формулировало презумпцию законности любого приказа. Термин «незаконный приказ» как правовая категория в дореволюционном военно-уголовном законодательстве отсутствовал. Все приказы считались законными «по умолчанию»².

Ключевую роль в формировании российской военно-правовой традиции сыграла также и ст. 8 Дисциплинарного Устава Красной Армии: «Приказ командира и начальника закон для подчиненного. Он должен быть выполнен безоговорочно, точно и в срок. Невыполнение приказа является преступлением и карается судом военного трибунала»³.

С незначительными редакционными правками формула, возводящая приказ командира до уровня закона, действовала до распада СССР. После изъятия из Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР положения о том, что приказ командира является законом для подчиненного, Советский Союз⁴ продержался всего 10 дней и прекратил свое существование с принятием «Декларации в связи с созданием Содружества Независимых Государств от 26 декабря 1991 г.»⁵.

² Цит. по: Воинский устав о наказаниях / Изд. 2-е, доп. позднейш. узакон. и распоряжен. по 1879 г. Казань: Универ-я типогр., 1879.

³ Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 356 от 12 октября 1940 г.

⁴ Декларация Совета Республик Верховного Совета СССР в связи с созданием Содружества Независимых Государств от 26 декабря 1991 г. № 142-Н (Совет республик Верховного Совета СССР).

⁵ Указ Президента СССР от 13 декабря 1991 г. «О внесении изменений в Дисциплинарный устав Вооруженных сил СССР».

¹ Работа Комиссии международного права, третье издание, ООН, Нью-Йорк, 1982 год. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 25.09.2021).

Юридическая формула «незаконный приказ» также не была известна советскому военно-уголовному законодательству.

В этот период управленческие решения, повлекшие причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, квалифицировались как должностные преступления¹. Действия лиц, понимавших незаконность распоряжений, но претворивших их в жизнь — как соучастие в должностных преступлениях. Отношения субординации в военной организации государства и право командира (начальника) принимать директивные решения, обязательные для исполнения подчиненными, под сомнения не ставились².

При таком варианте правового регулирования не было объективной необходимости номинирования в уголовном законодательстве категории «незаконный приказ». Правоприменительная практика надежно защищала от уголовной ответственности лиц, причинивших исполнением приказа вред охраняемым уголовным законом интересам, через правовой механизм крайней необходимости.

Все это во многом обусловило надежное функционирование системы управления войсками Красной Армии и, как следствие, победу Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Тем не менее, после распада СССР советская версия юридической конструкции института единоначалия оказалась демонтированной. Ценность единоначалия, лежащая в основе системы управления войсками, была существенно трансформирована юридической новеллой «незаконного приказа». Задача адекватного выбора основания освобождения от уголовной ответственности исполнителя приказа значительно усложнена необходимостью раз-

граничения правовых институтов, сформированных ст. 39 и 42 УК РФ.

Отвечая на вопрос о причинах, заставивших при конкретизации основания освобождения от уголовной ответственности за исполнение приказа использовать идеологему «незаконности», следует иметь в виду, что новые подходы к уголовно-правовой политике могли быть выработаны за пределами России и «навязаны победителем побежденной стороне»³.

Распространение этой точки зрения блокируется. Высказываются мнения что такого рода предположения относятся к области политической мифологии⁴ и не соответствуют действительности⁵. Утверждается, что «появление данной нормы в УК РФ не является замыслом теоретиков, оно вызвано объективными потребностями практики». Заявляется (со ссылкой на учебники по советскому уголовному праву 1968 и 1981 г. издания), что «... появлению в УК РФ статьи 42 предшествовала длительная практика применения аналогичных норм в общевоинских уставах, а также теоретическая проработка»⁶.

Однако Государственным департаментом США обнародована официальная информация, согласно которой эта страна непосредственно участвовала в разработке ряда первостепенной важности законов, включая Конституцию Российской Федерации⁷.

³ Мусин М. Влияние США на Конституцию России // Anna-news.info — Режим доступа: <https://politikus.ru/articles/politics/5300-marat-musin-vliyanie-ssha-na-konstituciyu-rossii.html> (дата обращения: 21.09.2021).

⁴ Балашов С.А. Конституцию Российской Федерации разработал USAID? // Ресурс «Центра научной политической мысли и идеологии». 2018. 12 дек. Режим доступа: <https://rusrand.ru/analytics/konstituciyu-rf-razrabotal-usaid> (дата обращения: 24.09.2021).

⁵ Крашенинников П.В. Как рождалась наша Конституция // Российская газета. 2017. № 281(7447). 11 дек.

⁶ Леонова Т.Ю. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1(10). С. 206—214.

⁷ USAID in Russia (англ.). USAID (18 September 2012). — «USAID-funded Rule of Law implementers helped draft the Russian Constitution, Part I of the

¹ Об этом подробнее: Комментарий Закона об уголовной ответственности за воинские преступления. М., 1981. С. 25; Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970. Т. 2. С. 399; Михайлов В. Преступный приказ: вопросы и решения // Российская юстиция. 1995. № 9. С. 47.

² Более подр. см.: Туганов Ю.Н. Правовые средства обеспечения воинской дисциплины : монография. Чита, 2008.

На присутствие иностранных субъектов при создании базовых руководящих документов российского законодательства указывал профессор Л.В. Головкин¹. Влияние американских консультантов на формирование правовой политики России подтверждает профессор В.В. Лунев². Депутат Государственной думы Е.А. Федоров в своем интервью 2013 г. утверждал, что Государственная Дума принимает законы, написанные американцами³. Кодекс чести судьи Российской Федерации, по признанию самих разработчиков, был создан под значительным влиянием американского «Кодекса поведения судей США»⁴. Документально подтверждается и текстуальное воспроизводство некоторых положений Профессионального кодекса американского судьи в Кодексе судейской этики⁵.

Что касается семантики и юридической технологии, использованных при внедрении категории «незаконный приказ» в уголовное законодательство, то обращает на себя внимание, противоречащий требованиям определенности и конкретности прием двойного отрицания в ч. 2 ст. 42 УК РФ.

Маркер негативности ч. 1 статьи 42 УК РФ кумулирует эффект двойного отрицания части второй. Но статья 42 УК РФ при этом не ограничивается упоминанием «не-

законности» как обстоятельства, исключаящего наказуемость за отказ от выполнения приказа. Во второй части этой структурной единицы казуальная семантика двойного отрицания формулирует презумпцию незаконности любого приказа.

На фоне отсутствия уголовной ответственности за издание «незаконного приказа» содержание анализируемой статьи уголовного закона порождает проблемы уяснения сущностных параметров всех приказов командиров (начальников).

В самой общей форме исполнителю предлагается достоверно установить соответствие отданного приказа следующим критериям: 1) приказ отдан компетентным органом (лицом) в пределах своей компетенции; 2) приказ не противоречит закону, как по его содержанию, так и по его форме; 3) соблюдены процессуальные и иные правила отдачи приказа; 4) по своему содержанию приказ не предписывает исполнителю совершения незаконных действий (бездействия)⁶.

О.Г. Строкова в своей диссертации дополняет логическую цепочку последовательных вопросов, подлежащих разрешению исполнителем при получении каждого приказа: имеет ли место «... а) исполнение незаконного приказа, б) неисполнение незаконного приказа, в) неисполнение законного приказа, г) исполнение законного приказа, повлекшее вредные последствия»⁷.

Очевидно, что такого рода последовательное построение сможет осуществить далеко не каждый военнослужащий, получивший приказ.

В то же самое время дореволюционный законодатель требовал от исполнителя только лишь способности руководить своими действиями и ясного понимания про-

Russian Civil Code, and the Russian Tax Code. USAID assistance led directly to the adoption of the 2001 Land Code which provided the right to buy, sell, and own urban and rural land in Russia» // United States Agency for International Development. Режим доступа: <https://www.usaid.gov/> (дата обращения: 24.09.2021).

¹ Журнал Законодательство. 2012. № 8.

² Лунев В.В. Прежде чем предлагать очередную реформу, необходимо изучить реалии // Выступление на Круглом столе «Следственная власть: «за» и «против». 5 октября 2016 г. – Режим доступа: <https://www.iuaj.net/node/2100> (дата обращения: 24.09.2021).

³ Гарбузняк А.Ю. Евгений Федоров: Госдума принимает законы, написанные американцами // Аргументы и факты. 2013. 10 окт.

⁴ См. об этом: Ведерникова О.Н. Предупреждение коррупционного и иного противоправного поведения: опыт судей России и США // Криминологический ежеквартальный альманах «Организованная преступность, терроризм и коррупция». 2003. № 1.

⁵ Ткачев В.Н. От кодекса чести — к кодексу этики // Закон. 2005. № 5. С. 116—119.

⁶ Журавлев М.П. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния : учеб. пос. по курсу «Уголовное право. Общая часть», «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния». М.: РУДН, 2014. С. 48.

⁷ Указанная проблема разрешена в диссертационном исследовании: Строкова О. Г. Приказ как особая разновидность правового акта: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2007.

тивоправности (преступности) тех действий, совершение которых требует от него инициатор приказа. Этот подход полностью соответствует принципу вины (ч. 1 ст. 5 УК РФ) как основополагающему понятию современного российского уголовного права.

В случае с изложением статьи 42 УК РФ законодатель требует от исполнителя четкого понимания незаконности приказа — феномена, выяснению сущности которого профессиональные юристы посвятили почти две тысячи исследований и еще не пришли к окончательному выводу¹. Этот подход означает объективное вменение, на недопустимость которого прямо указано в ч. 2 ст. 5 УК РФ.

Презумпция незаконности приказа при таком подходе также слабо согласуется с п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ, нормы которого разрешение вопросов законности/незаконности приказов относят к исключительной компетенции судов, но никак не военнослужащих.

К этому следует добавить, что научные исследования проводятся в неспешной академической тиши библиотек и кабинетов. Оценку же приказа исполнителям предлагается проводить в экстремальных условиях боевых действий и дефицита времени, при отсутствии всей полноты информации и под страхом уголовной ответственности.

Налицо классический манипулятивный прием подмены понятий из стандартного арсенала информационно-психологического воздействия.

Для реципиента, лишённого специальных познаний в юриспруденции, организуют ожидание вредных для себя последствий исполнения приказа еще до поступления самого приказа. Путем помещения диссонирующих материалов в единый нарратив ст. 42 УК РФ максимально затрудняется выработка однозначного отношения к изложенной в ней правовой ситуации.

В поле внимания получателя приказа одновременно находятся два информационных блока.

Позитивный — о том, что причинение исполнителем вреда охраняемым уголовным законом интересам во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения, не является преступлением. И негативный — о том, что получатель приказа, допустивший ошибку в его оценке, будет привлечен к уголовной ответственности.

Побудительная вербальная конструкция, скрытая в ч. 2 ст. 42 УК РФ, маскирует направленность на разрушение принципа единоначалия якобы заботой о безопасности реципиента, корректируя тем самым негативный блок.

Иллюзия выбора из двух вариантов поведения, каждый из которых одинаков опасен, поскольку несет угрозу уголовной ответственности, представляет собой логическую уловку. Посредством такой комбинации отключается критического сознание и у получателя приказа формируется убеждение, что ответственности можно избежать, только лишь как можно дольше имитируя проверку поступившего управленческого решения на «законность».

Заложенная в речевых стимулах текста ст. 42 УК РФ апелляция к авторитету закона имеет двух адресатов. У получателя приказа она запускает психологический механизм самооправдания, которое, по сути, представляет собой отказ от выполнения приказа. Командир (начальник) лишается возможности использования радикальных мер принуждения к выполнению приказа, поскольку основания для их применения выглядят не в полной мере легитимными.

Прямая зависимость восприятия уровня легитимности приказа от уровня должностного положения лица, отдавшего приказ, порождает включение вышестоящих командиров (начальников) в процесс доведения до личного состава управленческих решений своих подчиненных, отвлекая административно-организационные ресурсы на разрешение инспирированной проблемы.

¹ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU// Режим доступа: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 26.09.2021).

Итогом информационно-психологического воздействия на участников коммуникационного процесса, навязанного дискурсом «незаконности приказа», является разрушение единоначалия как базовой ценности военной организации и основы управления войсками. Подтверждением этому является значительное для мирного времени количество осужденных военнослужащих, действия которых были квалифицированы по ст. 332 УК РФ как неисполнение приказа¹.

Итак, разница между подходами к формулированию оснований освобождения от уголовной ответственности при выполнении приказа наглядно демонстрирует присутствие в действующем военном законодательстве сознательно организованного системного дефекта, отрицательно влияющего на систему управления войсками.

О том, что обнаруженный правовой изъян может являться результатом информационной операции воздействия на российскую правовую систему в рамках ведущейся в настоящее время информационно-психологической войны, свидетельствуют следующие признаки:

1) прямое участие иностранных субъектов в процедуре внедрения идеологии незаконности приказа в общественное правосознание и в блокировании информации о факте такого участия;

2) очевидная направленность идеологии на исключение Российской Федерации из числа субъектов политики через дезорганизацию управления государством и разрушения ценностной максимы «приказ командира — закон для подчиненного»;

3) маскировка указанной выше направленности специальными семантическими приемами организации текста в ст. 42 УК РФ;

4) масштабность информационно-психологического воздействия — одновременно на всех актуальных и потенци-

альных субъектов управленческих решений всех уровней;

5) вневременной характер институционализации термина «незаконный приказ», разрушительное психологическое действие которого на общественное сознание не прекращается с окончанием информационной операции воздействия на российскую правовую систему;

6) отсутствие правового смысла внедрения в законодательство термина «незаконный приказ» понятие которого, вопреки прямому запрету ч. 2 ст. 5 УК РФ, основано на принципе объективного вменения;

7) концентрация манипулятивных приемов, гарантированно запускающих психологический механизм одновременно уклонения исполнителя от выполнения приказа и самооправдания по этому поводу.

Таким образом, было бы ошибкой свести проблематику управления войсками исключительно к развитию технических средств управления², эффективности применения средств информатизации³ или же к компенсации недостаточности технической оснащённости войск «управленческой подготовкой военных кадров»⁴.

Возврат к отечественной ценностной парадигме понимания приказа начальника как закона для подчиненного, сможет устранить последствия деструктивного информационно-психологического воздействия на российскую правовую систему.

В юридико-техническом аспекте это означает корректировку уголовного законодательства и исключение из УК РФ статьи 42.

В аспекте правового обучения в Вооруженных Силах Российской Федерации такой возврат концентрирует внимание на усвоении военнослужащими и лицами гражданского персонала российской военно-правовой традиции с осмыслением норм международного гуманитарного пра-

¹ Судебный департамент: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?=79&item=3834> (дата обращения: 24.09.2021).

² Основы управления войсками в бою. М.: Воениздат, 1977. С. 51—57.

³ Кежаев В.А. Совершенствование управления войсками: аспект информатизации // Военная мысль. 1996. № 4. С. 42.

⁴ Воробьев И.Н. О тактике // Военная мысль. 2002. № 6 (11—12). С. 50—59.

ва через призму положений ст. 79 Конституции Российской Федерации¹.

В аспекте военно-политической профессиональной подготовки потребуется формирование у военнослужащих когнитивной основы защиты от информационно-психологического воздействия противника в рамках парадигмы «приказ командира — закон для подчиненного»².

В аспекте информационной безопасности презентация ранее скрытой угрозы идеологемы «незаконности приказа», как угрозы явной, облегчает противодействие ее разрушительному потенциалу.

Библиография

1. Арестов, В.В. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа или распоряжения как обстоятельства, исключающие преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Арестов. — Саратов., 1999. — 21 с.
2. Бобров, И.А. О правомерном и неправомерном исполнении приказа или распоряжения / И.А. Бобров // Евразийский Союз Ученых. — 2015. — № 2 (11). — С. 115—117.
3. Веденин, Д.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Веденин. — Екатеринбург, 1999. — 24 с.
4. Григенча, В.Я. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Я. Григенча. — Екатеринбург, 1997. — 18 с.
5. Девятко, А.Ю. Исполнение приказа или распоряжения военнослужащими как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Девятко. — М., 2004. — 21 с.
6. Додонов, В.Н. Исполнение приказа вышестоящих лиц как обстоятельство, исключающее преступность деяния, в современном уголовном праве / В.Н. Додонов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2008. — № 4 (6). — С. 20—23.
7. Загидуллин, Р.А. Понятие и признаки незаконного и необоснованного приказа / Р.А. Загидуллин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2008. — № 9. — С. 21—26.

8. Киселев, А.В. Уголовно-правовые аспекты отдания и неисполнения приказа / А.В. Киселев // Аллея науки. — 2020. — Т. 2. — № 1 (40). — С. 673—677.

9. Котяш, Р.Н. Незаконный приказ: проблема ответственности за исполнение / Р.Н. Котяш // Законность. 2006. — № 4 (858).

10. Леонова, Т.Ю. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния / Т.Ю. Леонова // Правовая культура. — 2011. — № 1(10). — С. 206—214.

11. Макаров, Д.Б. Уголовно-правовая характеристика неисполнения приказа военнослужащим / Д.Б. Макаров // Военное право. — 2018. — № 6 (52). — С. 242—245.

12. Михайлов, В.И. Нормативное регулирование исполнения приказа и некоторые вопросы уголовного права / В.И. Михайлов // Государство и право. — 1996. — № 12.

13. Сидоренко, В.Н. Уголовная ответственность военнослужащих за неисполнение приказа : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / В.Н. Сидоренко. — М.: ВУ, 2008. — 195 с.

14. Сидоренко, В.Н. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния в условиях военной службы / В.Н. Сидоренко // Российский военно-правовой сборник — 2004. — № 1. — С. 113—116.

15. Сидоров, Б.В. Исполнение приказа или распоряжения: социально-правовая природа, вопросы ответственности, наказания и совершенствования уголовного закона за деяния, совершаемые во исполнение приказа или распоряжения / Б.В. Сидоров, И.А. Гумеров // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 3. — С. 283—287.

16. Соломоненко, И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение / И.Г. Соломоненко. — Ставрополь, 2000.

17. Талаев, И.В. Понятие «приказ» в законодательстве и уголовно-правовой доктрине России / И.В. Талаев // Российское правосудие. — 2019. — № 12. — С. 90—94.

18. Тищенко, А.Г. Должен ли исполняться военнослужащим незаконный приказ? / А.Г. Тищенко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2001. — № 11. — С. 43—47.

19. Трофимова, Г.А. Приказ (распоряжение) как квалификационный уголовно-правовой признак / Г.А. Трофимова // Гражданин и право. — 2018. — № 4. — С. 39—44.

20. Туганов, Ю.Н. Правовые средства обеспечения воинской дисциплины : монография / Ю.Н. Туганов. — Чита, 2008. — 203 с.

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 7 декабря 2013 г. № 878 «О правовом обучении в Вооруженных Силах Российской Федерации».

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 февраля 2019 г. № 95 «Об организации военно-политической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Воинские должностные лица: полномочия и компетенции

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, докторант,
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется дефиниция «должностного лица» применительно к военнослужащим. Выявляются и иллюстрируются функции, являющиеся критериями для отнесения военнослужащего к должностным лицам. Вносятся предложения о необходимости проведения соответствия между задачами военных организаций и имеющимися штатами, а также функциями воинских должностных лиц.

Ключевые слова: военное управление, должностные лица, служебные функции, полномочия, воинская часть, компетенция, воинская должность.

Military officials: powers and competencies

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, doctoral
student, Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the definition of "official" in relation to military personnel. The functions that are criteria for assigning a serviceman to officials are identified and illustrated. Proposals are made on the need for a correspondence between the tasks of military organizations and the existing states, as well as the functions of military officials.

Keywords: military administration, officials, official functions, powers, military unit, competence, military position.

Структуру аппарата управления образуют входящие в него органы, реализующие свои полномочия через деятельность должностных лиц, и существующие между ними связи¹.

В основе понятия должностного лица лежит категория «должность» — исходная организационно-структурная единица государственного органа, несущего в себе часть его компетенции. Должностное лицо выступает одним из элементов системы публичной службы, причем, как отмечает Б.П. Курашвили, являясь его простейшей, или первичной структурной единицей².

---

¹ Аверьянов В.Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. Киев, 1979. С. 67.

² Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления. М., 1987. С. 199.

Система воинских формирований построена по иерархическому принципу в виде пирамиды с лицами начальствующего состава наверху и подчиненными внизу. Вся полнота власти принадлежит командиру на вершине пирамиды, и чем ниже уровня должностное лицо, тем меньшей властью он обладает. Иерархического типа организацию отличает строгая субординация и дисциплина, управляющее воздействие и движение командной, а также отчетной информации здесь организованы только по вертикали.

Каждый орган военного управления функционирует согласно определенной для него компетенции, в пределах предоставленных ему законодательством полномочий. В свою очередь, должностные права и обязанности сотрудников любого

воинского формирования производны от функций и полномочий самой военной организации, в штате которой они состоят, и направлены на их реализацию. Должностные лица выступают в качестве основных носителей полномочий в области реализации функций органа власти¹, а их должностные полномочия являются составной частью компетенции государственного органа, в котором проходят службу указанные сотрудники². Круг обязанностей должностного лица, таким образом, должен быть производным от компетенции самого органа публичной власти, не выходить за его пределы и соотноситься как часть с целым³.

Если компетенция государственного органа — это система его полномочий, то есть прав и обязанностей, носящих внешне властный характер, то правовой статус воинской должности, являющейся первичной структурной единицей государственного органа или организации, можно рассматривать как совокупность персонифицированных обязанностей и прав по исполняемой воинской должности, связанной с осуществлением государственных функций (применительно к военной службе — в сфере обороны и безопасности)⁴.

Согласно ст. 26 и 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на военнослужащего кроме должностных обязанностей возлагаются еще общие и специальные обязанности. Общие и специальные обязанности распространяются на всех военнослужащих вне зависимости от имеющихся воинских званий, прохождения военной службы по призыву или по контракту, в том числе и на тех, кто не

занимает воинских должностей (находится в распоряжении соответствующих начальников). Должностные же обязанности присущи занимаемой должности (даже временно замещаемой) и потому различны для разных военнослужащих. Именно должностным профессионализмом характеризуется любая государственная служба, в том числе и военная⁵.

В первую очередь, должностью определяется постоянная (а не на короткий временной промежуток, как например, для часового) компетенция воинского должностного лица, сфера его ответственности за порученное дело. В сфере своей компетенции любой государственный служащий (в т.ч. и военнослужащий) должен быть самостоятелен, в рамках своей компетенции самостоятельно принимать решения и проводить их в жизнь. Эти решения могут касаться как своих подчиненных (например, об удовлетворении рапорта подчиненного или дисциплинарной практики), так и взаимодействующих лиц (например, о заключении хозяйственного договора с контрагентом).

По общему правилу, военнослужащие проходят военную службу на воинских должностях, за исключением небольшого числа случаев (п. 1 ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). Следовательно, они наделяются полномочиями по занимаемой воинской должности, получают в свое распоряжение необходимый для ее осуществления потенциал прав и материальных средств, а также ответственности за надлежащее выполнение обязанностей. Именно должностью, главным образом, определяется содержание исполняемых военнослужащим обязанностей, именно должностью предопределяет требования, предъявляемые к претенденту для ее занятия.

Нельзя не согласиться с тем, что «должностное лицо, осуществляя свои полномочия, действует не как индивид, а как полномочный представитель организации-работодателя, его действия влекут

¹ Старилов Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1996. С. 276.

² Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997. С. 124.

³ Глухов Е.А. О необходимости разграничения компетенций руководителей по принятию решений в системе военного управления // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7. С. 81—90.

⁴ Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» (постатейный) / под ред. В.Г. Стрекозова. М. 1999.

⁵ Глухов Е.А. Влияние бюрократических процедур на управленческие решения // Военное право. 2018. № 3. С. 84—91.

юридические последствия для организации, и должны быть признаны действиями организации»¹.

Вместе с тем, не всех военнослужащих, замещающих воинские должности, можно отнести к воинским должностным лицам в ракурсе административно-управленческих правоотношений. Ведь сущностным в понятии воинского должностного лица является не замещение военнослужащим какой-либо воинской должности, и даже не ее наименование, а характер (содержание) выполняемых им функций по конкретной должности². То есть принципиальным в данном вопросе является объем и характер исполняемых полномочий и реализуемых функций, возможность своей волей породить юридические явления.

Из анализа положений ст. 285 УК РФ, ст. 2.4 КоАП РФ, п. 5 ст. 4 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в их взаимосвязи следует, что воинскими должностными лицами могут быть признаны лишь служащие, которые замещают в воинских структурах должности, связанные с осуществлением функции:

- а) представителя власти;
- б) организационно-распорядительной деятельности;
- в) административно-хозяйственной деятельности.

Причем для отнесения к должностному лицу достаточно исполнения хотя бы одной из вышеуказанных функций. Сроки наделения вышеуказанными функциями могут быть различны (постоянно, временно, разово, по специальному полномочию).

Как пояснил Верховный Суд Российской Федерации, к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости,

либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом или находящимися в их служебном подчинении отдельными сотрудниками, с формированием кадрового состава и определением функциональных обязанностей, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п. К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником справки о заболевании, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

Как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за ними)³.

Что касается воинских должностных лиц, то к ним относятся должностные лица органов военного управления, командиры (начальники) воинских частей, начальники органов военной полиции, начальники гарнизонов, иные лица, постоянно, временно или по специальному полномочию

¹ Бахрах Д.Н. Коллективные субъекты административного права // Правоведение. 1993. № 3. С. 66—73.

² Зателепин О.К., Фатеев К.В. К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2003. № 9—10.

³ Пункты 3—5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

выступающие от имени военных организаций, осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, принимающие решения либо совершающие действия (бездействие), имеющие обязательный характер и затрагивающие права и свободы иных лиц. К ним, в том числе, относятся руководители управлений, департаментов, учреждений и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов»¹.

Использование высшей судебной инстанцией формулировки «в том числе» означает, что кроме руководителей различного уровня воинских формирований относятся и иные лица при наличии у них управляющих (административных) функций. Причем к таковым могут быть отнесены не только военнослужащие, но и лица гражданского персонала, замещающие воинские должности руководителей либо выполняющие функции администрирования в органах военного управления.

Компетенция должностного лица может быть направлена либо во вне (т.е. решения должностного лица влекут юридически значимые последствия для сторонних физических лиц и организаций), либо распространяться внутри своего ведомства (даже не обязательно внутри своего воинского формирования).

Взаимоотношения воинских должностных лиц между собой базируются на основе иерархического подчинения нижестоящего органа управления вышестоящему, соответственно, подчинения нижестоящего должностного лица вышестоящему. Иерархическая структура подчинения определяется штатами мирного и военного времени.

По мнению автора, к числу общих полномочий, исполнение которых свидетельствует о причислении служащего к

должностному лицу, необходимо относить следующие:

1) отдавание приказов и распоряжений (как письменных, так и устных);

2) подписание документов, порождающих соответствующие юридические последствия;

3) применение мер юридической ответственности и поощрения;

4) применение оружия, специальных средств, физической силы в соответствии с полномочиями;

5) осуществление контроля в порядке служебной подчиненности;

6) внесение предложений об организации деятельности органа государственного управления в вышестоящий орган²;

7) осуществление управляющего воздействия в сфере своей компетенции на других лиц;

8) распоряжение материальными и денежными ресурсами организации, ведение их учета и финансовой отчетности;

9) оценка и отражение в документах результатов деятельности иных лиц;

10) подготовка документов, влияющих на прохождение военной службы (трудоуводящую деятельность) личным составом;

11) подготовка и заключение договоров со сторонними лицами;

12) принятие решений по поступившим документам;

13) обеспечение всеми положенными видами довольствия подчиненных;

14) реализация возложенных на должностное лицо полномочий и функций от лица органа государственной власти.

Представляется важным, что должностное лицо не просто выполняет управленческие функции, соблюдая установленный для него алгоритм действий, но и обладает определенной дискреционной самостоятельностью в вопросе принятия управленческих решений. В отсутствие дискреционных полномочий решения должностного лица теряют силу самостоятельности и индивидуальности, т.е. являются, по сути, не его решениями, а меха-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

² Черногоров Д.А. Должностное лицо как субъект административного права // Административное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 626—637.

ническим следованиям алгоритмам их автора.

Следует отметить и неприменение принципа свободы трудового договора по отношению к военнослужащим в части определения объема обязанностей по занимаемой должности. Здесь должностные обязанности по типовым воинским должностям в воинской части (полку) унифицированы и определены в гл. 3 УВС ВС РФ — нормативном правовом акте, утвержденном Президентом Российской Федерации. Поэтому ни один воинский начальник, включая и руководителей военных организаций, не вправе их изменить или уменьшить, а также освободить подчиненных должностных лиц от их исполнения. В этом проявляется одно из существенных отличий регламентации деятельности воинских должностных лиц от сотрудников, работающих по трудовому договору, чьи обязанности определяются по соглашению между работником и руководителем организации.

Вместе с тем, принцип единоначалия и обязательности приказа на военной службе означают и то, что объем обязанностей по занимаемой воинской должности может быть изменен (как правило, расширен) любым командиром без согласия самого военнослужащего, ее занимающего. В целях служебной необходимости в обязанности военнослужащего могут вменяться исполнение обязанностей по нештатным воинским должностям, исполнение обязанностей временно отсутствующих военнослужащих, исполнение обязанностей членов различного рода комиссий и т.п.¹

В зависимости от специфики направления деятельности выделяются следующие три типа управленческих должностей в военной организации:

— должности, связанные с определением целей, принятием решений, организацией их реализации и оценкой конечных результатов. Это профиль должностной деятельности командиров и начальников;

— должности, в большей степени включающие операции, связанные с ква-

лифицированной разработкой отдельных вопросов при подготовке и реализации управленческих решений либо с разработкой их вариантов (альтернатив). Это профиль должностной деятельности военных специалистов;

— должности, в которых преобладают работы, связанные со сбором, хранением и передачей информации, необходимой при подготовке, принятии и реализации управленческих решений. Это профиль должностной деятельности технического персонала².

Должности руководителей воинских формирований именуется командирами и начальниками. Различие понятий «командир» и «начальник» заключается, главным образом, в функциональном назначении возглавляемых ими органов и соответственно этому исполняемых функций.

Командир осуществляет функцию командования, а не просто руководства. Функция командования заключается в руководстве вооруженной борьбой, в которой обе стороны преследуют одну и ту же цель — разгромить друг друга с наименьшими потерями для себя. И система командирской подготовки, организованная в Вооруженных Силах уже в мирное время, направлена на овладение командирами тех навыков, знаний, умений и качеств, которые необходимы для исполнения обязанностей при организации боевых действий, управлении воинскими формированиями во всех видах боевых действий, изучении средств вооружения и техники при их применении для организации боевых действий.

Воинские формирования, возглавляемые командирами, как правило, имеют боевое предназначение и вооружение для нанесения вреда противнику. Начальники же возглавляют те воинские формирования, которые предназначены, главным образом, для обеспечения деятельности структур, имеющих боевое предназначение (начальники служб, складов, оркестров, учебных центров и т.п.). Они по роду своей должности чаще выполняют адми-

¹ Глухов Е.А. Право на труд или обязанность трудиться // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 5. С. 38—43.

² Справочник командира : практическое издание / Авт. коллектив: Бадэко В.И. и др. М.: За права военнослужащих, 2006.

нистративно-хозяйственные функции, не связанные непосредственно с организацией боевых действий. Следовательно, любой командир является начальником для своих подчиненных, но не любой начальник является командиром. Командиры (командующие) наделяются как командными полномочиями, т.е. полномочиями по оперативному управлению боевыми действиями подчиненных частей, соединений, войск, так и административно-хозяйственными. Начальники наделяются только административно-хозяйственными полномочиями¹. Схожие суждения в свое время высказывали профессор А.М. Добровольский² и профессор Н.А. Виноградов³.

В сфере военно-служебных отношений на руководителей воинских формирований возлагается полная ответственность за результаты деятельности возглавляемого им воинского формирования либо порученного направления деятельности. В идеале компетенция и обязанности воинского руководителя устанавливаются исходя из всех задач возглавляемого воинского формирования и направлены на их реализацию. Сфера принимаемых воинским должностным лицом решений, в свою очередь, зависит от возложенных на него функциональных обязанностей и его полномочий. Наиболее широкий круг полномочий предоставляется руководителям самостоятельных воинских формирований: отдельных войсковых частей, соединений и объединений. Командир (начальник) несет персональную ответственность перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделе-

ния и каждого военнослужащего (ст. 33 УВС ВС РФ).

Сфера деятельности военных руководителей весьма широка, и кроме собственно военных функций, направленных на достижение победы в будущей войне и подготовки к ней, включает в себя еще и администрирование по текущим вопросам всестороннего обеспечения жизнедеятельности возглавляемой структуры и социального обеспечения подчиненных⁴. Решения командира (начальника) по внутренним вопросам бывают не менее значимыми, но эти решения уже не производны от функции возглавляемого им органа власти, они направлены на самообеспечение органа военного управления⁵. Известный американский социолог С. Хантингтон назвал такое положение «взваливанием на военных гражданских функций», что отвлекает их от выполнения своих прямых обязанностей⁶. А учитывая задачи по осуществлению обороны Отечества и специфические методы их выполнения, можно констатировать довольно объемный элемент неопределенности⁷, нечеткой регламентации в деятельности военных структур.

Чрезмерная разнородность задач, функций и звеньев военных организаций затрудняет руководство воинскими коллективами, не позволяет создать единый алгоритм для всех возможных ситуаций и различного уровня командиров. Функциональные обязанности воинских руководителей не только не однообразны, не могут быть сведены к набору стандартных процедур, но и не ограничиваются пределом

¹ Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М. 2004.

² Содержание командной деятельности составляет обучение личного состава военному делу и использование его в боевых операциях // Добровольский А.М. Военно-административное право : лекции, читанные в 1913—1914 гг. СПб., 1914. С. 1—87.

³ Под командованием Виноградов Н.А. предлагал понимать ту деятельность органов строевого управления, которая направлена на организацию и укрепление боеспособности воинских частей и соединений и на использование войск в боевых операциях // Долгопятов Г.М., Виноградов Н.А. Военная служба в СССР. М., 1954.

⁴ Ст. 75—86, 93—94 УВС ВС РФ.

⁵ Борков В.Н., Глухов Е.А. О принятии решений за пределами компетентности руководителями публичных органов власти (на примерах выполненных контрагентами работ) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 10. С. 47—58.

⁶ Huntington Samuel P. Soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations, Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1957. pp. 7—18.

⁷ Неопределенность и риски всегда были неотъемлемым атрибутом любой войны, — писал генерал Карл фон Клаузевиц. Недостоверность известий, вмешательство случайностей и противодействие противника приводят к тому, что воюющий сталкивается не с тем, что он предполагал.

контроля служебных мероприятий сроками только служебного времени. Например, при совершении преступлений, происшествий, иных внештатных ситуаций командир приступает к исполнению обязанностей военной службы даже без приказа о том вышестоящего начальника.

Отсюда следует и наделение воинских руководителей широким пределом усмотрения при принятии ими решений при разрешении широчайшего круга вопросов.

Управленческая деятельность любого руководителя во многом и сводится к принятию разнообразных решений, выбору различных возможных вариантов поведения и разрешения возникших насущных вопросов. В лучшем случае сфера принимаемых должностным лицом решений должна быть производной от его компетенции¹ и возложенных на возглавляемый им орган власти задач. То есть компетенция и обязанности должностного лица должны быть производны от правоспособности и функций органа публичного управления, в котором данный чиновник служит, и направлены на их реализацию. Однако приведенный тезис является верным лишь отчасти: он применим в отношении деятельности руководителя при взаимоотношениях со сторонними лицами в рамках возложенных на орган власти функций. Эта деятельность сводится к взаимоотношению с клиентами органа власти (гражданами и организациями), оказанию им всевозможных услуг, осуществлением контрольно-надзорной деятельности, обеспечение интересов государства.

Согласно ст. 53 ГК РФ юридическое лицо, в т.ч. и орган публичной власти, приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы. В соответствии со ст. 273 ТК РФ руководитель организации — физическое лицо, которое осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа. Именно руководи-

тель учреждения указывается в ЕГРЮЛ как лицо, действующее от имени организации без доверенности².

Из приведенных положений закона вытекает и правомочие руководителя военной организации подписывать служебные документы от лица возглавляемой им организации. Только после его подписи и простановки необходимых реквизитов такие документы выражают мнение возглавляемой военной организации во взаимодействии с третьими лицами. Здесь необходимо сделать оговорку, что право подписи служебных документов принадлежит не только руководителю военной организации. Такое право в воинской части, соединении предоставлено также и заместителям командира в пределах их полномочий, однако это не касается документов, направляемых сторонним лицам (не в органы военного управления), а также документов распорядительного характера: приказов, директив, приказаний и указаний (п. 53 Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации³).

Исходя из степени индивидуализации, полномочия должностных лиц делятся на:

а) исключительные (те, которые воинское должностное лицо должно реализовывать самостоятельно, не имея возможности их передать подчиненным). Сюда относятся функции общего планирования, контроля, постановки задач, организации защиты государственной тайны, финансового документооборота, организации выполнения возглавляемой военной структурой выполнения задач по предназначению и некоторые другие;

б) полномочия, исполнение которых может быть поручено кому-либо из подчиненных. К такого рода полномочиям можно отнести передачу функций по контролю разнообразных сфер деятельности внутрипроверочным комиссиям, распределение сфер ответственности среди своих заме-

¹ Под компетенцией понимается круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом (Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935—1940).

² Подп. «л» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

³ Утверждена приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170.

ститителей, выдача доверенностей на осуществление сделок или представление интересов и т.п.;

в) полномочия, реализуемые совместно, т.е. осуществляемые с единоличным субъектом или коллегиальным органом. К указанной группе мероприятий можно отнести деятельность командира (начальника) в составе военного совета (ученого совета), взаимодействие с правоохранительными органами в вопросах предупреждения и расследования преступлений (присшествиях), выполнение мероприятий в составе совместных группировок сил (средств) с иными силовыми органами.

Что касается распорядительных прав воинских должностных лиц, не занимающих должности командиров воинских организаций и их структурных подразделений, то здесь необходимо отметить следующее.

Во-первых, с учетом специфики военно-служебных отношений властные полномочия воинские должностные лица могут приобретать не только в связи с замещением определенной воинской должности, но и в связи с наличием определенного воинского звания, возводящего такого военнослужащего в ранг начальника и предоставляющего ему право отдавать обязательные для выполнения приказы. Согласно ст. 36 УВС ВС РФ по своему воинскому званию начальниками являются проходящие военную службу:

маршалы, генералы армии, адмиралы флота — для старших и младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов;

генералы, адмиралы, полковники и капитаны 1 ранга — для младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов;

остальные старшие офицеры — для прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов;

младшие офицеры — для сержантов, старшин, солдат и матросов;

прапорщико и мичманы — для сержантов, старшин, солдат и матросов одной с ними воинской части;

сержанты и старшины — для солдат и матросов одной с ними воинской части.

Во-вторых, административными полномочиями военнослужащие могут наделяться при исполнении ими не только должностных, но и специальных обязанностей (в составе караула, внутреннего наряда, старшего команды, участия в выполнении специальных заданий и операций, учений, тренировок и т.п.). Например, часовой в любом случае обладает полномочиями власти, вне зависимости от занимаемой воинской должности.

В-третьих, ряд воинских должностных лиц приобретают административные полномочия в период выполнения лишь некоторых функций из большого перечня своих обязанностей. В качестве примера можно привести военных педагогов, оценивающих знания обучающихся в период сдачи экзаменов и зачетов; военных врачей, определяющих наличие заболевания или состояние годности к военной службе; инспекторов ВАИ, проверяющих правильность составления путевой документации.

В-четвертых, к специфическим проявлениям административных полномочий у воинского должностного лица можно отнести наличие у него контрольных функций по отношению к не подчиненным ему лицам. Так, например, даже при отсутствии отношений власти-подчинения между начальником службы воинской части и командиром подразделения, у первого из них есть возможность контролировать и воздействовать на второго (в том числе через общего для них командира). Согласно ст. 114 УВС ВС РФ начальник службы полка по своей специальности имеет право давать указания и рекомендации командирам подразделений по боевой подготовке личного состава и эксплуатации вооружения, военной техники и другого военного имущества. Подобные же полномочия имеют нештатные должностные лица гарнизона по вопросам их специальности в отношении командиров воинских частей гарнизона и начальников соответствующих служб этих воинских частей¹, хотя по штату они друг другу не подчинены.

В-пятых, наблюдается недостаточная точность в определении полномочий

¹ Ст. 36 УГ и КС ВС РФ.

должностных лиц категории «заместитель командира» воинской части или подразделения. В частности, согласно ст. 96, 98, 100, 102 и 104 УВС ВС РФ все заместители командира воинской части являются прямыми начальниками для всего личного состава полка, причем без каких-либо исключений субъектного состава. Буквально толкуя данные формулировки, можно сделать вывод о том, что они являются начальниками и друг для друга, и для тех лиц, которые подчинены только командиру воинской части (например, помощники командира по правовой и финансово-экономической работе). Не приведены в Общевоинских уставах и разграничения полномочий заместителей командира воинской части применительно к курируемым направлениям деятельности, что приводит к возможности любого из них отдавать обязательные для исполнения приказы военнослужащим, занимающимся со всем иными направлениями деятельности (например, заместитель командира по тылу вправе отдавать приказы начальнику службы вооружения). Подобная же ситуация неопределенности полномочий имеется и на уровне воинских подразделений¹.

В-шестых, важной особенностью функционирования воинских должностных лиц является возможность их переназначения по мобилизационным планам на иные воинские должности при переводе на штаты военного времени². Сказанное означает и то, что уже в ходе мирного времени такие должностные лица должны заранее изучать и отрабатывать навыки исполнения обязанностей по той воинской должности, на которую они предназначаются в будущем. То есть они должны быть компетентны сразу по двум должностям: и по занимаемой, и по планируемой для замещения.

¹ Глухов Е.А. Воплощение принципа единоначалия в практику военного управления: дефекты и противоречия // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2021. № 11. С. 72—79.

² Глухов Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2017. № 4. С. 101—111.

Таким образом, среди военнослужащих трудно отыскать тех, кто при определенных обстоятельствах не может быть отнесен к должностному лицу. Проблемным же вопросом является согласование усилий всего личного состава воинского формирования для реализации всех возложенных на указанное воинское формирование задач. Одной из главных мер здесь является приведение должностных обязанностей всех служащих воинского формирования в соответствие с возложенными на него задачами. Следовательно, штаты воинских частей и полномочия воинских должностных лиц должны быть производны от возложенных на воинские части задач.

Библиография

1. Аверьянов, В.Б. Функции и организационная структура органа государственного управления / В.Б. Аверьянов. — Киев, 1979. — 150 с.
2. Бахрах, Д.Н. Коллективные субъекты административного права / Д.Н.Бахрах // *Правоведение*. — 1993. — № 3. — С. 66—73.
3. Борков, В.Н. О принятии решений за пределами компетентности руководителями публичных органов власти (на примерах выполненных контрагентами работ) / В.Н. Борков, Е.А. Глухов // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 10. — С. 47—58.
4. Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. — М.: За права военнослужащих, 2004. — 640 с.
5. Глухов, Е.А. Влияние бюрократических процедур на управленческие решения / Е.А. Глухов // *Военное право*. — 2018. — № 3. — С. 84—91.
6. Глухов, Е.А. Воплощение принципа единоначалия в практику военного управления: дефекты и противоречия / Е.А. Глухов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 11. — С. 72—79.
7. Глухов, Е.А. О необходимости разграничения компетенций руководителей по принятию решений в системе военного управления / Е.А. Глухов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-паровое обозрение. — 2021. — № 7. — С. 81—90.
8. Глухов, Е.А. Право на труд или обязанность трудиться / Е.А. Глухов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 5. — С. 38—43.
9. Глухов, Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности / Е.А. Глухов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 4. — С. 101—111.

10. Зателепин, О.К. К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву / О.К. Зателепин, К.В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2003. — № 9—10.

11. Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» (постатейный) / под ред. В.Г. Стрекозова. — М., 1999. — 480 с.

12. Курашвили, Б.П. Очерк теории государственного управления / Б.П. Курашвили. — М., 1987. — 294 с.

13. Манохин, В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование / В.М. Манохин. — М., 1997. — 296 с.

14. Справочник командира: практическое издание / Авт. коллектив: Бадэко В.И. и др. — М., 2006. — 448 с.

15. Стариков, Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 1996. — 478 с.

16. Черногоров, Д.А. Должностное лицо как субъект административного права / Д.А. Черногоров // Административное и муниципальное право. — 2014. — № 7. — С. 626—637.

17. Huntington Samuel P. Soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations, Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1957. pp. 7—18.

Информатизация военного образования в системе профессиональной подготовки военных кадров

© Мещангина Елена Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент,
Московский политический университет, кафедра
гуманитарных наук

Аннотация. В статье рассматривается федеральное законодательство в сфере военного образования. Информатизация военного образования в системе профессиональной подготовки военных кадров является первоочередной задачей на современном этапе развития страны. Развитие информационных технологий требует совершенствование правовой системы в данном направлении для безопасного функционирования информационно-технологических сетей, которые применяются в системе подготовки военных специалистов. Нормативно-правовое регулирование в сфере информационной безопасности способствует обеспечению безопасности государства с учетом правоприменительной практики применяемой в профессиональной деятельности выпускника военного вуза.

Ключевые слова: подготовка военных кадров, информационная безопасность, цифровые технологии, нормативно-правовое обеспечение, законодательство, компьютерные средства, государство, инновации, демократизация, глобализация, технологии, защита, национальные интересы.

Informatization of military education in the system of professional training of military personnel

© Meshchangina E.I.,
candidat of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow Polytechnic University

Abstract. The article discusses federal legislation in the field of military education. Informatization of military education in the system of professional training of military personnel is a priority task at the present stage of the country's development. The development of information technologies requires the improvement of the legal system in this direction for the safe functioning of information technology networks, which are used in the system of training military specialists. Regulatory and legal regulation in the field of information security contributes to ensuring the security of the state, taking into account the law enforcement practice applied in the professional activity of a graduate of a military university.

Keywords: military personnel training, information security, digital technologies, regulatory support, legislation, computer tools, the state, innovation, democratization, globalization, technology, protection, national interests.

В XXI веке развитие информационных технологий становится одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Повышение эффективности научных исследований в данной сфере не только определяет место и роль любого государства в мировой политике, но и определяет его национальные интересы в информационной сфере.

В современном мире существенно меняется содержание вызовов и угроз цивилизации. Человечество находится на грани глобальных катастроф, способных изме-

нить ход развития многих мировых держав. Расширение партнерских отношений между Западом и Востоком способствует формированию новых угроз всему человечеству. Развитие военных технологий создает новые угрозы, которые сначала скрыто, а позже открыто могут негативно влиять на международные отношения в целом. Кроме того, внедрение новых информационных технологий в военную сферу требует радикальных мер по изменению содержания и организации профессионального образования.

Сегодня меняются механизмы функционирования различных родов войск, которые требуют от будущих офицеров не только умения работать с высокотехнологичным оборудованием, осуществлять контроль за работой компьютерных механизмов, соблюдать регламент по защите информации, но и свободно ориентироваться в информационном пространстве современного социума. В связи с этим появляется потребность в военных специалистах, отвечающих запросам информационного общества, к которым предъявляются новые требования со стороны Минобороны России. В связи с этим необходимо отметить, что подготовка будущего офицера должна выстраиваться на основе научно-технических достижений и вступление России в мировое информационное пространство.

Внедрение современных информационных технологий в системы высшей военной школы создает новые перспективы для развития Вооруженных Сил Российской Федерации на ближайшее время. Кроме того, меняются требования к профессиональной подготовке военного специалиста, знания которого должны не только соответствовать требованиям со стороны государства, но и отвечать запросам социума.

Необходимо отметить, что сегодня обеспечение национальной безопасности государства становится все более сложным и комплексным мероприятием, затрагивающим вопросы борьбы с международным терроризмом, предотвращения региональных конфликтов в мире. Поэтому очень важно, чтобы формирование информационной культуры будущих офицеров выстраивалось на основе применения современных информационно-коммуникационных технологий в процессе подготовки военных специалистов.

Широкое применение современных электронных средств в образовательном процессе военных вузов обеспечивает оперативный доступ курсантов к интернет-ресурсам, услугам и обмену между ними. Электронное обучение не только повышает продуктивность занятий будущих офицеров, но и способствует мотивации обу-

чения курсантов. На основе вышесказанного можно отметить, что внедрение в образовательный процесс средств электронного обучения (компьютерных технологий) повышает качество образования и делает конкурентоспособным выпускника военного вуза.

Сегодня, в XXI веке, научные знания являются неотъемлемой составной частью общеобразовательной и профессиональной подготовки военных кадров, которые сочетаясь с техникой обеспечивают возможности для подготовки высококвалифицированного военного специалиста.

Необходимо отметить, что повышение информационной грамотности личного состава частей, дивизий и бригад, а также владение современными навыками переработки информации и способами принятия нестандартных решений способно обеспечить информационную компетентность военных специалистов в выполнении ими своих профессиональных задач по защите государства.

Формирование государственной политики в сфере информационных технологий началось с принятием Федерального закона от 8 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а последующем — Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы», постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта 2021 г. № 504-19 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество» и других. Иными словами, в законодательстве Российской Федерации на государственном уровне было закреплено регулирование в сфере применения информационных технологий в образовательной среде.

Процесс глобализации и виртуализации образования как составная часть изменений информационного обмена в России осуществляется путем повсеместного внедрения в образовательную деятельность новых информационных техноло-

гий¹. При этом информатизация выступает не только как процесс овладения информационными технологиями, но и как одна из человеческих ценностей современного общества. Использование потенциала компьютерных технологий и дальнейшее развитие информационно-образовательной среды военного вуза способствует индивидуализации профессиональной подготовки будущих офицеров и повышению гуманитарной составляющей образовательного процесса.

Применение компьютера как средства обучения вносит новый импульс информационному аспекту самостоятельной, познавательной деятельности обучающегося и усиливает диагностические, контрольные и оценочные функции образовательного процесса².

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что для достижения качества военного образования, необходимо внедрение новых форм обучения с применением информационных технологий. Использование в образовательном процессе военных вузов средств мультимедиа (электронные энциклопедии, компьютерные учебные фильмы), не только повышает уровень подготовки военных кадров, но и способствует формированию информационной культуры курсантов. Также, применение современных технологических ресурсов в образовательной среде военных вузов стимулируют визуальное и слуховое восприятие информации, что улучшает качество усвоения значительного объема учебного материала на занятиях. Кроме того, использование аудио- и видеоэффектов в учебном процессе делает его более содержательным и привлекательным для курсантов.

С принятием Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на

2017—2030 годы» фактически начался новый этап в развитии информационного пространства в стране. Создание и применение современных информационных и коммуникативных технологий способно обеспечить национальные интересы в образовании и социально-экономической сфере. Сегодня обеспечение конкурентоспособности в информационных технологиях на международном уровне является приоритетным направлением по реализации внутренней и внешней политики России.

Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 620 «О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» направлен на совершенствование государственной системы по защите от кибератак. В современных условиях развития мирового сообщества, желание каждой страны связано, с одной из первоочередных задач — обеспечение национальной безопасности государства.

Происходящие в мировом сообществе перемены заставляют критически проанализировать накопленный опыт в войнах и активно включиться в подготовку будущих офицеров в соответствии с требованиями со стороны государства и общества. Поэтому обеспечение национальной безопасности государства в эпоху информационных технологий становится все более сложным и комплексным мероприятием, которое затрагивает вопросы по борьбе с международным терроризмом, предотвращением региональных конфликтов в мире и т.д.

В военных вузах, очень давно осознали важность процесса информатизации, которая способствует освоению достижений современной науки и осуществлению защиты Отечества. Применение информационных технологий и внедрение отдельных элементов в учебную деятельность предопределили необходимость интенсивной информатизации военного образования.

Необходимо отметить, что информатизация образовательного процесса в во-

¹ Панков Н.А. Требуется время // Вестник военного образования. 2017. № 4(7). С. 5.

² Мещангина Е.И. Основные формы организации учебного процесса на основе использования информационных технологий в высшей школе России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 208.

енных вузах сегодня требует более конкретного понимания того, насколько новые требования к подготовке офицерских кадров могут быть реализованы в полном объеме. Кроме того, внедрение современных информационно-коммуникативных технологий в образовательную сферу военных вузов предусматривает новую постановку вопроса в оценке профессиональной деятельности военных кадров.

Совершенствование профессиональной подготовки будущих офицеров на основе применения цифровых инструментов в образовательной деятельности обеспечило качественно новый уровень развития высшей военной школы в XXI веке.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сделан определенный шаг в цифровую экономику. Подготовка высококвалифицированных кадров для цифровой экономики стало первоочередной задачей для системы образования. Формирование цифровой образовательной среды является ярким примером того, что новые цифровые технологии проникают во все уровни жизнедеятельности общества, включая и военное образование.

Сегодня становится реальной возможностью использование современных цифровых технологий в учебной деятельности военных вузов. Переход на электронные учебники является обязательным правилом военного образования. Рассматривая электронный учебник как среду «открытых знаний» с огромным количеством электронных ресурсов (мультимедиа, видео и аудио, веб-ресурсы), курсанты получают возможность индивидуализировать свое обучение, т.е. построить «индивидуальную траекторию» обучения, которая способствует развитию их личностных качеств необходимых при выполнении профессиональной деятельности.

Современные информационно-цифровые технологии предоставляют качественно новые возможности интенсификации образовательного процесса в военных вузах. Однако следует отметить, что

даже самые совершенные и продвинутые технологии не могут заменить преподавателя в образовательном процессе, потому что обеспечивают предметно-образное восприятие содержания объектов изучения, организацию совместной деятельности преподавателя и курсантов. Они являются лишь инструментом усиления отдельных компонентов педагогической деятельности, а именно обеспечивают зрелищность и звуковое сопровождение изучаемого материала, которое только расширяет смысловое содержание дисциплины.

Система военного образования является стратегически важной сферой жизнедеятельности общества и важнейшим инструментом формирования кадрового потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации. Быстрые темпы развития техники, внедрение научных достижений в военное дело, постепенное совершенствование технологических процессов требует от современного военного специалиста способность грамотно решать военные задачи в современных условиях. Поэтому образовательная деятельность военных вузов должна быть подкреплена соответствующей информационно-ресурсной средой, которая выступает одним из основных инструментов повышения качества учебного процесса. Единственной проблемой остается поиск ответа на вопрос о возможности обеспечения продуктивного применение современных цифровых технологий с учетом соблюдения требований информационной безопасности¹.

Можно сделать вывод, что использование средств информационно-коммуникационных и цифровых технологий в подготовке военных специалистов не только способствует успешной адаптации выпускников к динамично меняющимся социальным условиям в обществе, но и способствует формированию гражданской позиции курсантов². Кроме того, внедре-

¹ Корякин В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития // Вестник военного права. 2016. № 1. С.48.

² Мещангина Е.И. Особенности военно-профессиональной подготовки курсантов на современном этапе развития Российской Федерации // Военное право. № 5 (57). 2019. С. 107.

ние цифровых технологий придает новый импульс для дальнейшего развития информационно-содержательного аспекта в образовательной среде вуза и существенно повышает качество подготовки военных кадров. Только за счет современных инновационных технологий можно обеспечить новый уровень национальной безопасности и развития военной теории и практики.

Применение и использование современных информационных и цифровых ресурсов в военном образовании не имеет ограничений. Их многоплановый характер открывает дополнительные возможности для развития интеллектуального потенциала курсанта, что способствует успешной реализации служебно-боевых задач в будущей военно-профессиональной деятельности.

Созданная современная правовая база электронного обучения не только способствует освоению новых информационно-коммуникативных технологий, но и регулирует на государственном уровне законодательное обеспечение цифровизации си-

стемы высшего образования, в частности, и военного.

Военное образование, на протяжении многих лет справедливо определяется как важная составляющая государственной безопасности Российской Федерации. И поэтому высококвалифицированные кадры военных специалистов разных уровней являются той реальной силой, которая создает оборонный потенциал государства, его военную мощь.

Библиография

1. Корякин, В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития / В.М. Корякин // Вестник военного права. — 2016. — № 1. — С. 47—54.
2. Мещангина, Е.И. Основные формы организации учебного процесса на основе использования информационных технологий в высшей школе России / Е.И. Мещангина // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 21.
3. Мещангина, Е.И. Особенности военно-профессиональной подготовки курсантов на современном этапе развития Российской Федерации / Е.И. Мещангина // Военное право. — 2019. — № 5 (57). С
4. Панков, Н.А. Требуется время / Н.А. Панков // Вестник военного образования. — 2017. — № 4(7).

Совершенствование процедур принудительной высылки из Российской Федерации иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и освобождённых из-под стражи в зале суда

© Пичугин Денис Геннадьевич,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье обосновывается вывод о том, что существующий правовой механизм принудительной высылки из Российской Федерации иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и освобождённых из-под стражи в зале суда в связи с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, либо в связи с освобождением от отбывания назначенного наказания, не в полной мере отвечает целям противодействия незаконной миграции и требует совершенствования. Формулируются конкретные предложения по изменению действующего законодательства, регламентирующего выезд из Российской Федерации иностранных граждан рассматриваемой категории.

Ключевые слова: государственная граница, незаконное пересечение, уголовная ответственность, иностранный гражданин, освобождение из-под стражи в зале суда, административное выдворение, депортация, реадмиссия.

Improving the procedures for the forced expulsion from the Russian Federation of foreign citizens convicted of illegally crossing the State Border of the Russian Federation and released from custody in the courtroom

© Pichugin D.G.,
candidate of laws

Annotation. The article substantiates the conclusion that the existing legal mechanism for the forced expulsion from the Russian Federation of foreign citizens convicted of illegally crossing the State border of the Russian Federation and released from custody in the courtroom in connection with the imposition of a non-custodial sentence, or in connection with the release from serving the sentence imposed, is not in fully meets the goals of countering illegal migration and requires improvement. Specific proposals are formulated to change the current legislation regulating the departure from the Russian Federation of foreign citizens of the category in question.

Keywords: state border, illegal crossing, criminal liability, foreign citizen, release from custody in the courtroom, administrative expulsion, deportation, readmission.

Действующим законодательством установлена уголовная ответственность иностранных граждан за незаконное пересечение ими Государственной границы Российской Федерации. К уголовной ответственности иностранные граждане привлекаются за совершение следующих преступлений:

1) пересечение Государственной границы Российской Федерации без действи-

тельных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ч. 1 ст. 322 УК РФ);

2) пересечение Государственной границы Российской Федерации при въезде в Российскую Федерацию иностранным гражданином или лицом без гражданства,

въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешён по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 322 УК РФ);

3) вышеописанные деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 3 ст. 322 УК РФ).

Учитывая положения ст. 15 УК РФ, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 322 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести, так как максимальное наказание, предусмотренное за его совершение, не превышает трёх лет лишения свободы, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 322 УК РФ, — к категории преступлений средней тяжести (максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы), а преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 322 УК РФ, — к категории тяжких преступлений (умышленное деяние, за совершение которого максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы).

Согласно п. 1, 2 ч. 1 ст. 108 УПК РФ в отношении иностранных граждан, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 322 УК РФ, может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (иностранному гражданину не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, его личность не установлена, а по ч. 2, 3 ст. 322 УК РФ — так как санкциями данных правовых норм предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трёх лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения).

Проведённое нами исследование судебной практики позволяет сделать вывод, что иностранным гражданам за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 322 УК РФ, в подавляющем большинстве случаев (83 %) назначаются наказания, не связанные с лишением свободы, из них 29 % иностранных граждан освобождаются судом от отбывания назначенного наказания.

Сложившаяся судебная практика обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, санкциями ч. 1 и 2 ст. 322 УК РФ предусмотрены альтернативные виды наказаний, не связанные с лишением свободы (штраф, принудительные работы).

Во-вторых, исходя из смысла ч. 1 ст. 56 УК РФ, наказание в виде лишения свободы может быть назначено осуждённому, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьёй Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

В-третьих, в соответствии с ч. 5 ст. 72 УК РФ при назначении осуждённому иностранному гражданину, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

В-четвёртых, актами органов государственной власти Российской Федерации может объявляться амнистия, в результате которой осуждённым иностранным гражданам может быть назначено наказание, не связанное с лишением свободы, либо такие иностранные граждане могут быть вовсе освобождены от наказания¹.

Согласно ст. 311 УПК РФ иностранный гражданин, осуждённый за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 322 УК РФ, подлежит немедленному освобождению в зале суда в случаях вынесения:

- 1) оправдательного приговора;
- 2) обвинительного приговора без назначения наказания;

¹ См., напр.: Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД.

3) обвинительного приговора с назначением наказания и с освобождением от его отбывания;

4) обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно;

5) обвинительного приговора с назначением наказания и с применением отсрочки его отбывания.

Необходимо отметить, что действующее российское законодательство не содержит каких-либо правовых оснований, которые бы легализовали нахождение на территории Российской Федерации иностранного гражданина, осуждённого за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и освобождённого из-под стражи в зале суда.

В соответствии с абз. 9 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» законно находящимся на территории Российской Федерации признаётся иностранный гражданин, имеющий действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

Кроме того, при установлении законности въезда и пребывания иностранных граждан в Российской Федерации, а также оснований привлечения их к юридической ответственности следует руководствоваться положениями ч. 1 ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», согласно которым иностранный гражданин или лицо без гражданства являются незаконно находящимися на территории Российской Федерации и несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, если они:

– въехали на территорию Российской Федерации с нарушением установленных правил;

– не имеют документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации;

– утратили документы, подтверждающие право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, и не обратились с соответствующим заявлением в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции;

– уклоняются от выезда из Российской Федерации по истечении срока пребывания (проживания) в Российской Федерации;

– нарушили правила транзитного проезда через территорию Российской Федерации.

Следует заметить, что одним из признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ, является отсутствие у иностранного гражданина действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации (документа, удостоверяющего личность, либо визы, либо и того и другого).

А пересечение Государственной границы Российской Федерации при въезде в Российскую Федерацию иностранным гражданином, въезд которому в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешён по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации (состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ), является основанием признания нахождения данного иностранного гражданина на территории Российской Федерации незаконным с момента въезда.

Таким образом, иностранные граждане, осуждённые за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ч. 1, 2 ст. 322 УК РФ) и освобождённые из-под стражи в зале суда, имеет статус незаконно находящихся на территории Российской Федерации, так как въехали на её территорию с нарушением установленных правил и не имеют документов, подтверждающих право на пре-

бывание (проживание) в Российской Федерации.

Описанная ситуация порождает следующие противоречия, требующие нормативного разрешения.

Во-первых, иностранный гражданин, осуждённый по ч. 1 ст. 322 УК РФ и освобождённый из-под стражи в зале суда в связи с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, либо в связи с освобождением от отбывания назначенного наказания, не имеющий на момент освобождения из-под стражи действительных документов как на право пребывания (проживания) на территории Российской Федерации, так и на право выезда за её пределы, имеет статус незаконно находящегося на территории Российской Федерации, в силу чего должен покинуть её пределы. Однако, самостоятельно выехать из Российской Федерации иностранный гражданин указанной категории не может, так как наличие действительных документов, удостоверяющих его личность, и визы является обязательным условием для выезда из Российской Федерации (ст. 6, 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»). Также в силу недостаточной правовой регламентации затруднено осуществление процедур принудительного перемещения рассматриваемой категории иностранных граждан через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации (административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина; депортация; передача иностранного гражданина в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии).

Во-вторых, в силу того, что осуждённый иностранный гражданин на момент освобождения из-под стражи в зале суда не имеет действительных документов на право пребывания (проживания) в Российской Федерации, как правило, не владеет русским языком, не имеет места жительства на территории Российской Федерации и средств к существованию, то может стать либо объектом преступных посягательств, либо субъектом правонарушения или пре-

ступления, в том числе незаконного пересечения государственной границы в обратном направлении (из Российской Федерации).

В-третьих, в силу недостаточно чёткого разграничения компетенции между государственными органами, уполномоченными в сфере обеспечения законного выезда из Российской Федерации иностранных граждан, не имеющих действительных документов на право пребывания в Российской Федерации, неясными остаются следующие вопросы:

- государственный орган, осуществляющий оформление выездных документов (свидетельство на возвращение в страну гражданства, виза) на иностранных граждан, привлечённых к уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации по ч. 1 ст. 322 УК РФ и освобождённых из-под стражи в зале суда, не имеющих на момент освобождения действительных документов на право пребывания в Российской Федерации;

- государственный орган, на который возлагаются расходы, связанные с оформлением визы, приобретением проездных документов и содержанием указанных иностранных граждан на территории Российской Федерации;

- государственный орган, уполномоченный на осуществление контроля за иностранными гражданами, осуждёнными за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ, и освобождёнными из-под стражи в зале суда в связи с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, либо в связи с освобождением от отбывания назначенного наказания, не имеющими действительных документов на право пребывания в Российской Федерации, с момента освобождения из-под стражи и до момента получения ими выездных документов, а также в течение времени, отведённого на обжалование приговора в апелляционном порядке.

Указанные обстоятельства провоцируют длительное незаконное пребывание на территории Российской Федерации

иностранных граждан, привлечённых к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений, которое по смыслу действующего законодательства является нежелательным, а также являются предпосылками к противоправной деятельности со стороны иностранных граждан рассматриваемой категории, порождают споры о компетенции между государственными органами, уполномоченными в сфере обеспечения законности выезда из Российской Федерации иностранных граждан и контроля за их пребыванием (проживанием) на территории Российской Федерации.

Анализируя различные источники, определяющие правовой статус иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ч. 1, 2 ст. 322 УК РФ) и освобождённых из-под стражи в зале суда в связи с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, либо в связи с освобождением от отбывания назначенного наказания, можно сделать вывод, что основной обязанностью рассматриваемой категории иностранных граждан при описанных обстоятельствах является выезд за пределы территории Российской Федерации, помимо, безусловно, обязательств, вытекающих из существа назначенного наказания (если иностранный гражданин не освобождён от его отбывания).

Следует отметить, что напрямую такая обязанность (покинуть территорию Российской Федерации) в отношении иностранных граждан рассматриваемой категории в законодательстве не установлена. Однако, её наличие обосновывается совокупностью следующих обстоятельств.

Во-первых, как уже неоднократно отмечалось ранее, иностранные граждане, осуждённые за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 322 УК РФ, и освобождённые из-под стражи в зале суда, по смыслу действующего законодательства (абз. 9 п. 1 ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ч. 1 ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда

в Российскую Федерацию») являются незаконно находящимися на территории Российской Федерации.

Во-вторых, незаконность пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан влечёт за собой соответствующую реакцию со стороны государства. С одной стороны, согласно ч. 1 ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» за незаконное нахождение на территории Российской Федерации иностранные граждане несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (административную или уголовную), с другой стороны — согласно абз. 17 п. 1 ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» утрата или прекращение законных оснований (т. е. по сути их отсутствие) для дальнейшего пребывания (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации предполагает его депортацию, т. е. принудительную высылку из Российской Федерации.

В-третьих, согласно ч. 3 ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в отношении иностранного гражданина при наличии оснований, предусмотренных ст. 26 данного Закона, может быть вынесено решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию. В отношении иностранного гражданина при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 27 данного Закона, выносится решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию. В соответствии с ч. 4 ст. 25.10 данного Закона в отношении иностранного гражданина, незаконно находящегося на территории Российской Федерации, либо лица, которому не разрешён въезд в Российскую Федерацию, может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина в Российской Федерации. А исходя из положений ч. 5 ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», иностранный гражданин, в отношении которого принято решение о нераз-

решении въезда в Российскую Федерацию или решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, обязан выехать из Российской Федерации в порядке, предусмотренном федеральным законом. Иностранец, не покинувший территорию Российской Федерации в установленный срок, подлежит депортации (ч. 6 ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»). Аналогичные положения содержит и Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

В-четвёртых, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 27 во взаимосвязи с ч. 3 ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в отношении иностранного гражданина, имеющего неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления на территории Российской Федерации, выносится решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, что предполагает возложение на указанного иностранного гражданина обязанности покинуть территорию Российской Федерации.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что законодатель предоставляет возможность иностранным гражданам, которые находились на территории Российской Федерации на законных основаниях, но в последствии их утратили по различным причинам, самостоятельно покинуть территорию Российской Федерации в установленные сроки.

Обязанность выехать из Российской Федерации, предусмотренную ч. 5 ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», п. 1, 2 ст. 31 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», иностранец может исполнить при наличии у него действительных документов, удостоверяющих его личность, и визы, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации, федеральными законами или указами Президента Российской Федерации (основание

пропуска через Государственную границу Российской Федерации).

Перечисленным условиям в рамках исполнения обязанности выехать из Российской Федерации на момент освобождения из-под стражи в зале суда, как правило, отвечают только иностранные граждане, осуждённые по ч. 2 ст. 322 УК РФ. В отношении таких иностранных граждан уже имеется вынесенное ранее решение о неразрешении им въезда в Российскую Федерацию, как правило, такие иностранные граждане имеют действительные документы на право выезда из Российской Федерации.

Что касается иностранных граждан, осуждённых по ч. 1 ст. 322 УК РФ и освобождённых из-под стражи в зале суда, то самостоятельно выехать из Российской Федерации, как правило, они не могут, так как на момент освобождения из-под стражи в большинстве случаев не имеют действительных документов, необходимых для выезда из Российской Федерации, и требуется время для их оформления¹. Кроме того, как уже отмечалось ранее, на данную категорию иностранных граждан законодательством напрямую не возложена обязанность выехать из Российской Федерации в связи с отсутствием законных оснований для нахождения на её территории, а также не определён срок, в течение которого такой выезд должен быть осуществлён. Наличие обозначенного пробела в правовом регулировании вынуждает государственные органы задействовать сложные процедуры принудительной высылки из Российской Федерации иностранных граждан рассматриваемой категории (например, депортация с предварительным принятием решения о неразрешении въез-

¹ Например, в соответствии с п. 21 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению, выдаче, продлению срока действия и восстановлению виз иностранным гражданам и лицам без гражданства (утв. приказом МВД России от 4 декабря 2019 г. № 907) срок оформления визы составляет до двадцати рабочих дней с даты обращения заявителя в подразделение по вопросам миграции.

да в Российскую Федерацию или нежелательности пребывания в Российской Федерации), что увеличивает срок незаконного нахождения данных иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Правовое регулирование принудительной высылки из Российской Федерации иностранных граждан рассматриваемой категории также изобилует пробелами и противоречиями.

Действующим российским законодательством предусмотрены три процедуры принудительной высылки из Российской Федерации иностранных граждан в государство гражданства или постоянного проживания: административное выдворение за пределы Российской Федерации, депортация и реадмиссия.

Для того, чтобы исполнить административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина, осуждённого за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации по ч. 1 ст. 322 УК РФ и освобождённого из-под стражи в зале суда, необходимо предварительно привлечь такого иностранного гражданина к административной ответственности.

Однако, среди сотрудников правоохранительных органов распространено мнение, что незаконность пребывания такого иностранного гражданина на территории Российской Федерации порождается действиями её компетентных органов, осуществляющих уголовное преследование данного гражданина за незаконное пересечение им Государственной границы Российской Федерации. В силу указанного обстоятельства последовательно привлечь иностранного гражданина сначала к уголовной ответственности за незаконное пересечение им Государственной границы Российской Федерации (ч. 1, 2 ст. 322 УК РФ), а затем — после освобождения его из-под стражи в зале суда — и к административной ответственности за нарушение режима пребывания (проживания) в Российской Федерации проблематично.

Очевидно, что вышеописанный порядок принудительной высылки иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы

Российской Федерации (ч. 1, 2 ст. 322 УК РФ) и освобождённых из-под стражи в зале суда, посредством привлечения указанных граждан к административной ответственности за нарушение установленных правил въезда в Российскую Федерацию (ч. 1 ст. 18.8 КоАП РФ) либо за нарушение режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившееся в отсутствии документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации (ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ), с последующим административным выдворением за пределы Российской Федерации чреват правовыми конфликтами с органами, призванными обеспечивать законность в стране (органами прокуратуры, прежде всего), и не может рассматриваться как оптимальный.

Второй вариант принудительной высылки иностранных граждан из Российской Федерации — депортация. Основным отличием депортации от административного выдворения иностранного гражданина или лица без гражданства является то, что применение депортации не связано с совершением иностранным гражданином административного правонарушения. Таким образом, депортация — мера административного принуждения, а не вид наказания, вместе с тем её применение также исключает дальнейшее нахождение иностранного гражданина на территории Российской Федерации¹.

Обращает на себя внимание формулировка определения депортации, закреплённого в п. 1 ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Законодатель указывает, что депортация осуществляется в случае утраты или прекращения законных оснований для дальнейшего пребывания (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации. При этом за рамками определения остаётся изначальное отсутствие у иностранного

¹ Амельчаков И.Ф., Катаева О.В. Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3.

гражданина, прибывшего на территорию Российской Федерации, законных оснований для пребывания (проживания) на её территории.

Согласно действующему законодательству депортация иностранных граждан, привлечённых к уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и освобождённых из-под стражи в зале суда, может быть осуществлена при наличии принятого в отношении таких иностранных граждан решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию либо решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации и только в том случае, если иностранный гражданин не покинул территорию Российской Федерации в установленный срок.

Очевидно, что обозначенный правовой механизм депортации иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и освобождённых из-под стражи в зале суда, не позволяет оперативно выслать их из Российской Федерации, исключив тем самым длительное незаконное нахождение таких граждан на территории Российской Федерации, так как процедуры принятия решений как о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, так и о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации занимают продолжительное время. Кроме того, законодательно не определён срок, в течение которого иностранный гражданин, незаконно находящийся в Российской Федерации с момента въезда (незаконно пересёкший Государственную границу Российской Федерации), должен покинуть её территорию.

Таким образом, приходится констатировать, что существующий правовой механизм депортации за пределы территории Российской Федерации иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ч. 1 и 2 ст. 322 УК РФ) и освобождённых из-под стражи в зале суда в связи с назначением им наказания, не связанного с лишением свободы, либо в

связи с освобождением от отбывания назначенного наказания, не отвечает целям противодействия незаконной миграции и требует совершенствования.

И, наконец, третий вариант принудительной высылки иностранных граждан из Российской Федерации — реадмиссия. Рeadмиссия, как и депортация, является мерой принуждения, а не видом административного наказания. В национальном законодательстве понятие реадмиссии не определено. Институт реадмиссии — это категория международного права, реализуемая посредством заключения международных договоров как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Соглашение о реадмиссии закрепляет процедуры возврата и транзита лиц, которые не отвечают или перестали отвечать условиям въезда, пребывания или проживания в запрашивающем государстве¹.

В международных правовых актах, ратифицированных Российской Федерацией, под реадмиссией понимается передача Российской Федерацией иностранному государству незаконно находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства на основании международных договоров Российской Федерации о реадмиссии (в том числе в рамках ускоренной процедуры реадмиссии, осуществляемой в приграничных районах). В рамках процедуры реадмиссии осуществляется также приём Российской Федерацией иностранных граждан и лиц без гражданства от иностранных государств на основании международных договоров Российской Федерации о реадмиссии².

По своей целевой направленности реадмиссия состоит в принудительном прекращении противоправных действий иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушающих установленный режим пребывания, что сближает её с депортацией. Однако, в отличие от депортации и выдворения, которые применяются в односто-

¹ Амельчаков И.Ф., Катаева О.В. Указ. соч.

² Панкова О.В. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства: вопросы применения // Судья. 2015. № 11. 2016. № 3.

роннем порядке, реадмиссия применяется только в рамках межгосударственного взаимодействия на основании международных договоров Российской Федерации о реадмиссии, т. е., по сути, является «дипломатическим» способом высылки иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории договаривающихся государств¹.

В соответствии с п. 1.1 ст. 32.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» передаче иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии подлежит иностранный гражданин, въезд которого в Российскую Федерацию либо пребывание (проживание) которого в Российской Федерации признаны не соответствующими законодательству о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Кроме того, согласно п. 10 ст. 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане, подлежащие депортации, могут быть переданы Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что иностранные граждане, осуждённые за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ч. 1 и 2 ст. 322 УК РФ) и освобождённые из-под стражи в зале суда в связи с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, либо в связи с освобождением от отбывания назначенного наказания, как нарушившие установленный порядок въезда в Российскую Федерацию (что подтверждается вступившим в законную силу приговором суда) могут быть переданы в рамках процедуры реадмиссии государству, гражданство которого они имеют (либо на основании предполо-

жений об их гражданской принадлежности, а также имеющихся сведений об иностранном государстве, с территории которого это лицо въехало в Российскую Федерацию), но при условии, что между Российской Федерацией и таким иностранным государством заключён международный договор о реадмиссии.

Однако на практике реадмиссия применяется крайне редко. Во многом это объясняется значительными материальными и финансовыми затратами на её реализацию, связанными с документальным обеспечением лиц, подлежащих реадмиссии, содержанием их в специальных учреждениях МВД России, передачей принимающему государству, отсутствием необходимой инфраструктуры и чёткой регламентации механизма возмещения понесённых государством расходов². Кроме того, на сегодняшний день Российская Федерация имеет соглашения о реадмиссии далеко не со всеми государствами, включая даже те, с которыми она граничит.

Подводя итог анализу предусмотренных действующим законодательством процедур принудительной высылки из Российской Федерации иностранных граждан в государство гражданства или постоянного проживания, следует отметить, что ни одна из рассмотренных процедур не позволяет в полной мере исключить возможность длительного незаконного нахождения на территории Российской Федерации иностранных граждан, осуждённых за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ч.ч. 1 и 2 ст. 322 УК РФ) и освобождённых из-под стражи в зале суда в связи с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, либо в связи с освобождением от отбывания назначенного наказания. Исходя из этого, представляется целесообразным скорректировать правовое регулирование выезда из Российской Федерации иностранных граждан рассматриваемой категории, устранив выявленные нами пробелы и противоречия.

В этих целях предлагаем законодательно закрепить в качестве одного из ос-

¹ Паукова Ю.В. Административное выдворение, депортация и реадмиссия как механизм удаления иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации // Административное право и процесс. 2012. № 1. С. 56.

² Панкова О.В. Указ. соч.

нований для депортации иностранных граждан нарушение ими законодательства, регламентирующего въезд в Российскую Федерацию, повлекшее незаконность нахождения таких граждан на территории Российской Федерации. Реализация данного предложения позволит применять процедуру депортации к иностранным гражданам, въезд которых на территорию Российской Федерации признан в установленном законом порядке (например, вступившим в законную силу приговором суда) не соответствующим законодательству о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, без необходимости принятия промежуточных решений о неразрешении им въезда в Российскую Федерацию или о нежелательности их пребывания на территории Российской Федерации.

Данное предложение в полной мере коррелирует с предусмотренным Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (п. 1.3 ст. 32.2) аналогичным основанием передачи иностранных граждан иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии с учётом положений названного федерального закона о возможности применения процедуры реадмиссии в отношении иностранных граждан, подлежащих депортации, а также соотносится с положениями п. 12 ст. 32 данного федерального закона, предусматривающего возможность депортации иностранного гражданина, принятого Российской Федерацией от иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющего законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в случае, если между Российской Федерацией и государством гражданской принадлежности либо постоянного или преимущественного проживания данного иностранного гражданина не имеется международного договора о реадмиссии.

Таким образом, будет сформирован единый подход законодателя к принудительной высылке иностранных граждан,

нарушивших установленный порядок въезда на территорию Российской Федерации и не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, применяемый как при их депортации, так и при передаче в порядке реадмиссии.

В целях реализации названного предложения, по нашему мнению, необходимо, прежде всего, переформулировать определение понятия «депортация», закреплённое в п. 1 ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», придав ему более универсальный характер. Предлагаем следующую редакцию: «депортация — принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации в случае отсутствия, утраты или прекращения законных оснований для его пребывания (проживания) в Российской Федерации».

Кроме того, по аналогии с п. 1.3 ст. 32.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» статью 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» необходимо дополнить частью седьмой следующего содержания: «Депортации подлежат иностранные граждане и лица без гражданства, въезд которых в Российскую Федерацию признан не соответствующим законодательству о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», изменив при этом нумерацию последующих частей. Часть восьмую ст. 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с учётом реализации предыдущего предложения) после слов «Депортация иностранного гражданина или лица без гражданства» дополнить словами «въезд которых в Российскую Федерацию признан не соответствующим законодательству о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации либо», далее по тексту.

Следует отметить, что подобное основание для депортации иностранных граждан закреплено во многих зарубежных правовых системах. Так, например, упро-

щённой формой высылки по британскому законодательству является удаление (removal) из страны. Оно осуществляется в случаях, если иностранный гражданин получил отказ во въезде в порту прибытия или приобрел разрешение на въезд путём обмана, равно как прибыл с нарушением иммиграционных норм. Подобный механизм используется и в американском законодательстве. Немецкий закон о проживании предусматривает два вида высылки иностранных граждан: удаление (Zurückschiebung) и депортацию (Abschiebung). В первом случае требование выехать за пределы страны адресуется незаконно въехавшим иностранцам. Им выдается предписание, и они в течение шестимесячного срока должны покинуть федеральную территорию. Депортируются иностранцы в случае, когда у миграционных органов нет уверенности в том, что они покинут страну добровольно, а также в случае, когда речь идёт об обеспечении национальной безопасности или правопорядка. Высылка обеспечивается принуждением, если иностранец незаконно въехал, у него отсутствует место проживания, если он был выслан в Германию из государства — члена ЕС и при этом у него отсутствует право находиться на немецкой территории. В дополнение к этому, административный надзор назначается в отношении иностранцев, которые по решению суда содержатся под стражей; не выезжают в срок, установленный для добровольного выезда; не имеют средств к существованию; не имеют законного удостоверения личности; предоставили о себе недостоверную информацию или иным образом пытались ввести в заблуждение официальные власти¹.

Реализация сформулированных нами предложений предполагает также совершенствование деятельности государственных органов, направленной на обеспечение законного выезда из Российской Феде-

рации иностранных граждан, привлечённых к уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и освобождённых из-под стражи в зале суда в связи с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, либо в связи с освобождением от отбывания назначенного наказания. По этим причинам автор оставляет за собой право продолжить публикации по обозначенной проблематике.

Библиография

1. Амельчаков, И.Ф. Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности / И.Ф. Амельчаков, О.В. Катаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 3.
2. Панкова, О.В. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства: вопросы правоприменения / О.В. Панкова // Судья. — 2015. — № 11. — 2016. — № 3.
3. Паукова, Ю.В. Административное выдворение, депортация и реадмиссия как механизм удаления иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации / Ю.В. Паукова // Административное право и процесс. — 2012. — № 1. — С. 55—58.
4. Шерстобоев, О.Н. Нормативные правовые модели административной высылки: сравнительно-правовое исследование / О.Н. Шерстобоев // Вестник Омской юридической академии. — 2016. — № 1.

¹ Шерстобоев О.Н. Нормативные правовые модели административной высылки: сравнительно-правовое исследование / О.Н. Шерстобоев // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1.

**Содержание стадий производства по делам об
административных правонарушениях,
подведомственных пограничным органам,
осуществляемого в отношении юридических лиц**

© **Редкоус Владимир Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник сектора административного
права и административного процесса Института
государства и права РАН

© **Дуванов Николай Юрьевич**,
кандидат юридических наук, старший
преподаватель кафедры гражданско-правовых
дисциплин РЭУ им. Плеханова

Аннотация. В статье с позиции системного и деятельностного подходов рассмотрены теоретические подходы к стадиям производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого в отношении юридических лиц, и их содержанию применительно к подведомственности пограничных органов. Сделан вывод, что производство по делам об административных правонарушениях организовано с учетом общетеоретических подходов к определению стадийности административного процесса в целом, что и закреплено в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, то есть административное законодательство в данной области строится на основе принципа научности. Материал изложен исходя из представлений о четырехстадийности производства по делам об административных правонарушениях, что нашло свое закрепление в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. В части I статьи рассмотрены характерные черты и проблемы первой стадии производства по делам об административных правонарушениях - возбуждения дела об административном правонарушении.

Ключевые слова: административный процесс; административно-юрисдикционная деятельность; административно-процессуальное действие; производство по делам об административных правонарушениях; пограничные органы; юридические лица; подведомственность; стадия производства по делам об административных правонарушениях; возбуждение дела об административном правонарушении; протокол об административном правонарушении.

**The content of the stages of proceedings in cases of administrative
offenses under the jurisdiction of the border authorities, carried out
in relation to legal entities**

© **Redkous V.M.**,
D.Sc. in law, Professor, Leading researcher of the
Sector of Administrative Law and Administrative
Process of the Institute of the State and Law,
Russian Academy of Science

© **Duvanov N.Ju.**,
Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the
Department of Civil Law disciplines of the PRUE
Plekhanov

Resume. The article considers theoretical approaches to the stages of proceedings in cases of administrative offenses carried out against legal entities, and their content in relation to the jurisdiction of border authorities, from the standpoint of systemic and activity approaches. It is concluded that the proceedings in

cases of administrative offenses are organized taking into account general theoretical approaches to determining the staging of the administrative process as a whole, which is enshrined in the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, that is, administrative legislation in this area is based on the principle of scientific character. The material is presented on the basis of ideas about the four-stage proceedings in cases of administrative offenses, which has been enshrined in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. In part I of the article, the characteristic features and problems of the first stage of proceedings in cases of administrative offenses - the initiation of proceedings on an administrative offense are considered.

Key words: administrative process; administrative and jurisdictional activities; administrative procedural action; proceedings on cases of administrative offenses; border authorities; legal entities; jurisdiction; stage of proceedings in cases of administrative offenses; initiation of an administrative case; protocol on administrative offense.

Совершенствование административно-процессуальной деятельности предполагает совершенствование всего комплекса отношений, складывающихся в области административно-юрисдикционной деятельности¹. Это также связано с современным развитием всего комплекса форм и методов государственно-управленческой деятельности, складывающихся во всех областях государственной и общественной жизни². Вопросы правового регулирования привлечения пограничными органами юридических лиц к административной ответственности за совершение административных правонарушений уже рассматривались российскими учеными³, однако слож-

ность рассматриваемой темы требует продолжения начатых исследований.

Производство по делам об административных правонарушениях, являясь разновидностью административно-процессуальной деятельности юрисдикционного характера, представляет собой объединенную единой целью совокупность последовательно сменяющих друг друга стадий, урегулированных административно-процессуальными нормами. Авторы поддерживают мнение ученых-административистов о том, что стадиями производства по делам об административных правонарушениях являются самостоятельные обособленные части, переходящие одна в другую, что свидетельствует о динамике производства по делам об административных правонарушениях⁴. Н.А. Громошина делает вывод, что «стадия» — это период, определенная ступень развития; «процессуальная стадия» в юридическом смысле — совокупность процессуальных действий и решений, объединенных общей задачей и завершаемых выводами по делу, принимаемыми компетентными органами⁵. Стадии производства

¹ Аулов, В.К., Туганов Ю.Н. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7(276). С. 21—25.

² См., например: Административно-правовое регулирование в сфере экономики (современные формы и методы) / Е.В. Виноградова, И.В. Глазунова, А.А. Гришковец, В.М. Редкоус [и др.]. Воронеж: «Научная книга», 2021; Публичная власть: система, компетенции / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, Е.В. Виноградова, В.М. Редкоус [и др.]. Воронеж: «Научная книга», 2021 и др.

³ См., например: Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Проблемы и направления совершенствования правового регулирования привлечения юридических лиц к административной ответственности пограничными органами // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1(57). С. 73—81; Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю., Зарицкий С.В. К вопросу о правовом статусе и правовом положении юридических лиц —

участников производства по делам об административных правонарушениях // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6. № 1(25). С. 88—95, и др.

⁴ См., например: Цыкунов М.В., Зырянов С.М. Возбуждение дел об административных правонарушениях как самостоятельная стадия административно-юрисдикционного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 135—138, и др.

⁵ Громошина Н.А. Кодекс административного судопроизводства или Административный процессуальный кодекс? // Административное

можно рассматривать и через призму правоприменительной деятельности, что позволяет выделить в нем такие стадии, как: 1) установление фактических обстоятельств дела; 2) выбор и анализ нормы права; 3) решение дела, выраженное в акте применения права¹.

Стадийность — важнейший признак административно-юрисдикционной деятельности и административного процесса вообще². Все стадии производства тесно связаны между собой; каждая стадия имеет наряду с общими задачами производства по делу об административном правонарушении свойственные только ей задачи; стадии отличаются друг от друга кругом участников производства; решение задач каждой стадии оформляется соответствующим процессуальным документом. Важно также отметить, пишет Ю.В. Ким, что каждая стадия характеризуется «определенным соотношением степени познания совершенного правонарушения государственным органом и изменениями в правовом статусе нарушителя»³. Так, на стадии возбуждения дела об административном правонарушении в отношении конкретного лица меняется его правовой статус: из лица, подлежащего административной ответственности, оно превращается в лицо, привлекаемое к административной ответственности. Также на этой стадии происходит определение подведомственности и подсудности дела об административном правонарушении.

Дискуссионным остается вопрос о количестве стадий производства по делу об

административном правонарушении. Так, например, Т.М. Федорец выделяет три стадии производства: возбуждение дела; рассмотрение дела; пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях⁴. А.Н. Булгаков к основным стадиям относит административное расследование⁵. Однако анализ КоАП РФ позволяет сделать вывод, что в нем закреплены четыре стадии производства по делам об административных правонарушениях: 1) возбуждение дела об административном правонарушении (гл. 28); 2) рассмотрение дела об административном правонарушении (гл. 29); 3) пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях (гл. 30); 4) исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях (раздел 5). Такого же мнения придерживается и большинство ученых, распространяющих на производство по делам об административных правонарушениях общие выводы о стадийности административного процесса в целом⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что производство по делам об административных правонарушениях организовано с учетом общетеоретических подходов к определению стадийности административного процесса в целом, что и закреплено в нормах КоАП РФ, то есть административное законодательство в данной области строится на основе принципа научности.

Ряд ученых, выделяя четырехзвенную систему стадий производства, называют их

судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Вып. 7. Воронеж, 2013. С. 634.

¹ Якимов А.Ю. Статус субъекта административной юрисдикции: монография. М., 1999. С. 6, и др.

² Туганов, Ю.Н. Прекращение дел об административных правонарушениях, освобождение военнослужащих, совершивших правонарушения, от административной ответственности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 1 (199). С. 10—19.

³ Ким Ю.В. Понятие стадий производства по делам об административных правонарушениях // Отечественная юриспруденция. 2017. № 3 (17). С. 90.

⁴ Федорец Т.М. Стадии производства по делам об административных правонарушениях и их место в определении подведомственности и подсудности // Теория и практика современной науки. 2016. № 11 (17). С. 828—829.

⁵ Булгаков А.Н. Возбуждение административного дела о правонарушении в области безопасности дорожного движения // В сб.: Актуальные проблемы административной деятельности полиции: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 203—216.

⁶ К стадиям административного процесса в целом относят: 1) возбуждение производства по административному делу; 2) рассмотрение административного дела; 3) принятие решения по административному делу; 4) исполнение решения по административному делу; 5) пересмотр решения по административному делу.

отлично от названий, предусмотренных КоАП РФ¹. Так, Д.Н. Бахрах и Э.Н. Ренов вначале вторую стадию производства по делам об административных правонарушениях называют «первичные действия», а затем — «рассмотрение дела»². Это, по мнению авторов, логически неоправданно, так как совершение первичных действий в рамках всего производства характерно для первой стадии — возбуждения дела; а каждый этап производства содержит свой индивидуальный набор первичных действий, закрепленных нормативно. Например, ст. 29.1. КоАП РФ устанавливает перечень вопросов, подлежащих выяснению должностным лицом при подготовке к рассмотрению дела. Этот перечень можно назвать первичными действиями в рамках третьей стадии производства — рассмотрения дела об административном правонарушении.

В юридической науке справедливо ставится вопрос о соотношении стадий и этапов производства по делам об административных правонарушениях. Так, например, Д.Р. Кеворков полагает, что этап правомерно назвать совокупностью обусловленных единой целью однородных процессуальных действий, осуществляемых в пределах стадии производства по делу об административном правонарушении³. Однако это мнение разделяют не все ученые. Например, М.Я. Масленников утверждает, что стадии административного производства являются этапами совершения соответствующих действий⁴. Авто-

ры придерживаются позиции, что производство по делам об административных правонарушениях состоит из определенных стадий, которые, в свою очередь, включают в себя определенные этапы производства в рамках конкретной стадии.

В юридической литературе можно наблюдать расхождения взглядов ученых в отношении обязательных и факультативных стадий производства по делам об административных правонарушениях. Так, Д.Н. Бахрах и Э.Н. Ренов считают, что стадия пересмотра постановлений (решений) по делам об административных правонарушениях является хотя и факультативной, но весьма значимой среди стадий данного административно-юрисдикционного производства⁵, что поддерживается далеко не всеми учеными⁶. Ряд ученых в качестве самостоятельной, но факультативной стадии производства по делам об административных правонарушениях выделяют административное расследование (ст. 28.7. КоАП РФ). Административное расследование является факультативным этапом первой стадии — возбуждения дела об административном правонарушении⁷. Деление стадий на обязательные и факультативные в большей степени имеет методологическое значение, так как позволяет более наглядно представить содержание и субъектный состав данного вида административно-юрисдикционного производства.

Важнейшей стадией производства является возбуждение дела об административном правонарушении. А.О. Дрозд, проанализировав научные подходы к определению данной стадии, пишет, что в научной литературе она может именоваться по-разному: «установление факта противоправного деяния и его фиксацию (возбуж-

¹ Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Понятие и характерные черты производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в отношении юридических лиц // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 117—130.

² Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. Административная ответственность по российскому законодательству. М.: Норма, 2004. С. 120—121.

³ Подробнее см.: Кеворков Д.Р. Правовые основы производства по делам об административных правонарушениях в пограничных органах и пограничных войсках Федеральной службы безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВИ ФПС России, 2004. С. 22—24.

⁴ Масленников М.Я. Административно-юрисдикционный процесс. Воронеж, 1990. С. 13, 16, 20.

⁵ Подробнее см.: Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. Указ. соч. С. 244—245.

⁶ Дугенец А.С. Административно-юрисдикционный процесс : монография. М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 220—221.

⁷ Галич С.В., Дуванов Н.Ю. К вопросу об административном расследовании как стадии производства по делам об административных правонарушениях // Закон и право. 2015. № 2. С. 153—155.

дение дела)» (М.Я. Масленников); «первичные процессуальные действия» (А.П. Шергин); «административное расследование» (Д.Н. Бахрах, И.И. Веремеенко, А.С. Телегин), «возбуждение дела и административное расследование по делу» (В.П. Коренев, Н.В. Макарейко); «возбуждение дела об административном правонарушении» (В.В. Головкин, Ю.В. Пивченко)¹. На данной стадии производства осуществляется большой объем процессуальной деятельности, необходимой для: установления фактических обстоятельств дела (поводов к возбуждению дела); выбору норм права, предусматривающих административную ответственность за деяние, а также норм, регламентирующих деятельность уполномоченных должностных лиц по применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; составления протокола об административном правонарушении или иных процессуальных документов, завершающих данную стадию производства.

М.В. Цыкунов и С.М. Зырянов отмечают двойственную природу возбуждения дела об административном правонарушении²: с одной стороны, это правовой акт, порождающий административно-юрисдикционное правоотношение, направленное на реализацию задач производства по делу об административном правонарушении, с другой стороны, это самостоятельная стадия производства по делу об административном правонарушении. Автор не поддерживает позицию ученых, относящих возбуждение дела об административном правонарушении к правовым актам, так как это влечет лишние дискуссии и затрудняет реальное рассмотрение данной важнейшей стадии производства.

¹ Дрозд А.О. О некоторых вопросах стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13-1. С. 243.

² Цыкунов М.В., Зырянов С.М. Возбуждение дел об административных правонарушениях как самостоятельная стадия административно-юрисдикционного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 135.

В.Р. Кисин, Ю.И. Попугаев и иные ученые справедливо указывают на проблемность правового регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении³. Это в полной мере относится и к административно-юрисдикционной деятельности пограничных органов, осуществляемой в отношении юридических лиц. Одним из основных недостатков является неурегулированность содержания деятельности уполномоченного должностного лица по рассмотрению (проверке) поступившей (обнаруженной) информации о событии административного правонарушения. Эта деятельность следует за обнаружением (получением) повода к возбуждению дела и предшествует принятию и процессуальному оформлению должностным лицом решения о возбуждении или об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Принятие такого решения требует проверки полученной информации на предмет наличия или отсутствия в ней достаточных данных о событии административного правонарушения. Содержание действий по рассмотрению (проверке) такой информации зависит от ее источника, содержания и объема. В одних случаях они сводятся лишь к ее правовой оценке (при достаточности и бесспорности данных о событии административного правонарушения), а в других включают в себя поиск и оценку дополнительной информации, подтверждающей или опровергающей событие административного правонарушения.

Характер, содержание и последовательность совершаемых соответствующих административно-процессуальных действий определяются, прежде всего, необходимостью установления всех данных, требуемых для составления протокола об административном правонарушении, в ко-

³ См., например: Кисин В.Р., Попугаев Ю.И. О содержании стадии возбуждения дела об административном правонарушении и совершенствовании ее правового регулирования // Теория и практика административного права и процесса : матер. IX Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профес. В.Д. Сорокина (Небугские чтения) / Отв. ред. В.В. Денисенко, С.Г. Денисенко. М., 2016. С. 147—156, и др.

тором указываются: дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие, место, время совершения и событие административного правонарушения, статья КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение, объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, иные сведения, необходимые для разрешения дела (ч. 2 ст. 28.2 КоАП). При этом протокол составляется о совершении административного правонарушения, что предполагает проведение квалификации деяния и признание его правонарушением на данной стадии производства.

Следует поддержать предложение Ю.И. Попугаева в отношении того, что перечень названных действий должен быть закреплен в гл. 28 КоАП РФ¹. В него следовало бы включить: установление личности лица, подлежащего привлечению к административной ответственности, свидетелей, потерпевших, опрос указанных лиц, осмотр места совершения административного правонарушения (и не только в случаях, предусмотренных ст. 28.11 КоАП РФ), истребование сведений, применение некоторых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Заметим, что УПК РФ содержит ст. 144 «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении». Именно совокупность указанных действий и принятие на основе

полученной в результате их выполнения информации соответствующего решения (о возбуждении, об отказе в возбуждении дел и др.) в форме того или иного процессуального акта и составляет содержание рассматриваемой стадии производства по делам об административных правонарушениях.

Ч. 1 ст. 28.1. КоАП РФ называет поводы к возбуждению дела. Дело об административном правонарушении может быть возбуждено должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, только при наличии хотя бы одного из поводов, предусмотренных ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ. С учетом практики деятельности пограничных органов актуальными поводами к возбуждению дел об административных правонарушениях пограничными органами в отношении юридических лиц могут являться: непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения (п. 1 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ); поступившие из правоохранительных органов, а также из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения (п. 2 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ); сообщения и заявления физических и юридических лиц, а также сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения (п. 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ). Многие административные правонарушения, связанные с защитой водных биологических ресурсов, непосредственно обнаруживаются сотрудниками пограничных органов в ходе оперативно-служебной деятельности. От иных государственных и негосударственных органов могут поступить материалы о нарушениях в области охраны и защиты государственной границы; через заявления физических и юридических лиц о наличии события административного правонаруше-

¹ Попугаев Ю.И. Проблемы правового регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. V Всерос. науч.-практ. конф., посв. 60-летию д-ра юрид. наук, проф. В.В. Денисенко. (Новороссийск, 3 июня 2016 г.). Краснодар: ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД России», 2016. С. 134.

ния. В соответствии с ч. 2 ст. 28.1 КоАП РФ указанные материалы, сообщения, заявления подлежат рассмотрению должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях. Срок рассмотрения в КоАП РФ не указан, что является определенным пробелом в правовом регулировании. По мнению авторов, эти материалы должны рассматриваться немедленно после их получения, так как КоАП РФ устанавливает довольно сжатые сроки для составления протокола об административном правонарушении (ст. 28.5 КоАП РФ).

Также, по мнению авторов, целесообразно разработать инструкцию по порядку приема, учета и рассмотрения поступающих в пограничные органы материалов, сообщений, заявлений, содержащих данные, указывающие на наличие события административного правонарушения. Опыт разработки подобных документов в системе федеральных органов исполнительной власти уже имеется¹. Данная инструкция должна обеспечить единообразный подход приема, учета и рассмотрения поступающих в пограничные органы материалов, сообщений, заявлений, содержащих данные, указывающие на наличие события административного правонарушения, а ее структура включать: общие положения; порядок приема и учета поступающих материалов, сообщений, заявлений, содержащих данные, указывающие на наличие события административного правонарушения; порядок рассмотрения информации об административных правонарушениях; порядок вынесения определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении; контроль за законностью и обоснованностью принятых решений по результатам рас-

смотрения информации об административных правонарушениях; требования к содержанию, оформлению, ведению и хранению журнала и материалов рассмотрения поступающих материалов, сообщений, заявлений, содержащих данные, указывающие на наличие события административного правонарушения.

Важным процессуальным явлением является определение момента, с которого дело об административном правонарушении считается возбужденным. Если применить положения ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ к компетенции пограничных органов, то дела об административных правонарушениях в отношении юридических лиц возбуждаются преимущественно путем составления протокола об административном правонарушении, а также путем составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. При этом нельзя исключать возможность возбуждения дела об административном правонарушении в подведомственных пограничным органам областях прокурором при осуществлении им надзора за соблюдением Конституции России и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Такое право предоставлено прокурору ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ. О возбуждении дела прокурором выносится постановление.

В рассматриваемой нами области большое значение имеет протокол об административном правонарушении, так как он: является одним из процессуальных документов, который позволяет установить данные, являющиеся доказательствами по делу об административном правонарушении (ст. 26.2 КоАП РФ), «способом первичной фиксации неправомерного деяния, имеющего признаки административного правонарушения»²; с момента составления протокола об административном правонарушении считается возбужденным дело об административном правонарушении (п. 3

¹ См., например, Методические рекомендации по порядку приема, учета и рассмотрения поступающих в таможенные органы Российской Федерации материалов, сообщений, заявлений, содержащих данные, указывающие на наличие события административного правонарушения : письмо ГТК России от 28 августа 2002 г. № 01-06/34816 «О направлении методических рекомендаций» // Официальные документы и разъяснения. 2002. № 37.

² Дугенец А.С., Масленников М.Я. Правоприменение по делам об административных правонарушениях: реалии и перспективы оптимизации : монография. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2011. С. 95.

ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ), к участию в производстве по делу допускаются защитник физического лица и представитель юридического лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении; без него невозможно завершение производства по делу об административном правонарушении; от юридического качества протокола, от четкости закрепления в нем положений, установленных ст. 28.3 КоАП, во многом зависят результаты рассмотрения дела об административном правонарушении.

Анализ практики административно-юрисдикционной деятельности, осуществляемой, в том числе, в отношении юридических лиц, позволяет выделить типичные ошибки, допускаемые уполномоченными должностными лицами при составлении протоколов об административных правонарушениях, такие, как: нарушение сроков давности привлечения к административной ответственности, предусмотренные ст. 4.5 КоАП РФ; небрежность в указании нормативного акта, предусматривающего ответственность за правонарушение; отсутствие в протоколах объяснений правонарушителей, сведений о свидетелях и понятых; лицам, в отношении которых составляется протокол, далеко не всегда разъясняются предусмотренные законом права и обязанности; допускается неправильная квалификация совершенных проступков; в момент составления административных протоколов правонарушитель ставит свою подпись в графе, где речь о получении копии решения по делу; не в полном объеме устанавливаются сведения о личности правонарушителя, например, отсутствуют данные о месте жительства, регистрации, работы и т.д.; неясность и нечеткость изложения материала, и ряд других. Все это серьезно затрудняет объективное разрешение дела по существу.

Необходимо учитывать, что протокол об административном правонарушении должен быть составлен на каждого правонарушителя. Если административное правонарушение совершено группой лиц, протоколы должны быть составлены на каждого участника правонарушения отдельно. Если необходимо привлечь к администра-

тивной ответственности юридическое лицо и его должностных лиц, то на каждый субъект должен быть составлен протокол. Поскольку дела об административных правонарушениях рассматривают разные органы, то о каждом правонарушении одного лица нужно составлять отдельный протокол. Составление одного протокола о нескольких проступках, совершенных одним лицом, возможно, если рассмотрение дел о таких проступках подведомственно одному органу (должностному лицу).

Протокол об административном правонарушении направляется судье, в орган, должностному лицу, уполномоченным рассматривать дело об административном правонарушении, в течение трех суток (ст. 28.8 КоАП РФ) с момента составления протокола (вынесения постановления) об административном правонарушении, то есть в течение этого срока уполномоченное должностное лицо пограничных органов, возбудившее дело об административном правонарушении, обязано направить протокол на рассмотрение.

Пункт 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ предусматривает возможность возвращения протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае составления протокола и оформления других материалов дела неправомочными лицами, неправильного составления протокола и оформления других материалов дела либо неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела. Этот круг процессуальных действий, по нашему мнению, также может представлять собой факультативный этап первой стадии производства по делу об административном правонарушении.

В случае, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо данных о физическом лице или сведений о юридическом лице, в отношении которых возбуждается дело об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении составляется в течение двух суток с момента выявления административного правонарушения (ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ). То есть, по

общему правилу, у уполномоченных должностных лиц пограничных органов есть два дня для дополнительного выяснения обстоятельств дела и составления протокола об административном правонарушении. Вместе с тем, согласно разъяснениям высших судов Российской Федерации¹, указанный срок не является пресекательным, в связи с чем составление протокола об административном правонарушении за его пределами не влечет признание постановления по делу принятым в нарушение установленного порядка привлечения лица к ответственности. При таких обстоятельствах срок составления протокола об административном правонарушении ограничен исключительно рамками статьи 4.5 КоАП РФ.

Для пограничных органов важно, что в случае, если ими применена мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде временного запрета деятельности, протокол об административном правонарушении, за совершение которого может быть назначено административное наказание в виде административного приостановления деятельности, а также протокол о временном запрете деятельности передается на рассмотрение судье немедленно после их составления (ч. 4 ст. 28.8 КоАП РФ).

При решении вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении следует четко учитывать обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении, предусмотренные ст. 24.5 КоАП РФ, при наличии хотя бы одного из которых производство по делу не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению. Наиболее встречающимися в административно-юрисдикционной практи-

ке, по мнению авторов, являются: отсутствие события административного правонарушения; отсутствие состава административного правонарушения; истечение сроков давности привлечения к административной ответственности; наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, возбуждение дела об административном правонарушении, осуществляемое пограничными органами в отношении юридических лиц, как первая стадия производства по делу, является длящейся и включает в себя ряд этапов: 1) выявление совершения юридическим лицом административного правонарушения², что в основном будет связано с получением достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения; 2) установление фактических обстоятельств дела (сбор информации, получение необходимых объяснений, справок и т.д.); 3) составление протокола об административном правонарушении; 4) направление материалов дела для рассмотрения по подведомственности либо вышестоящему должностному лицу органов федеральной службы безопасности, либо в суд.

По мнению авторов, в целях совершенствования правового регулирования в рассматриваемой области необходимо шире использовать зарубежный опыт правового регулирования привлечения пограничными органами юридических лиц к административной ответственности за совершение административных правонарушений³, что будет способствовать даль-

¹ В соответствии с пунктом 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5, пунктом 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда от 2 июля 2004 г. № 10, несущественными являются такие недостатки протокола, которые могут быть восполнены при рассмотрении дела по существу, а также нарушение установленных ст. 28.5 КоАП РФ сроков составления протокола об административном правонарушении, поскольку этот срок не является пресекательным.

² В своей работе Д.Н. Бахрах и Э.Н. Ренов этот этап называют возбуждением дела. Авторы не поддерживают этот подход, так как этот термин неконкретен и его использование приведет к смешению самостоятельной стадии производства по делу об административном правонарушении и ее отдельного этапа. См.: Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. Указ. соч. С. 120.

³ Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Зарубежный опыт правового регулирования привлечения пограничными органами юридических лиц к

нейшему развитию как юридического инструментария административного права¹, так и юридического инструментария пограничной деятельности².

Библиография

1. Административно-правовое регулирование в сфере экономики (современные формы и методы) / Е.В. Виноградова, И.В. Глазунова, А.А. Гришкова, В.М. Редкоус [и др.]. — Воронеж: «Научная книга», 2021. — 256 с. — ISBN 978-5-4446-1620-8.

2. Аулов, В.К. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 21—25.

3. Бахрах, Д.Н. Административная ответственность по российскому законодательству / Д.Н. Бахрах, Э.Н. Ренов. — М.: Норма, 2004. — 304 с.

4. Булгаков, А.Н. Возбуждение административного дела о правонарушении в области безопасности дорожного движения / А.Н. Булгаков // Актуальные проблемы административной деятельности полиции : матер. II Всерос. науч.-практ. конф. 2017.

5. Громошина, Н.А. Кодекс административно-судопроизводства или Административный процессуальный кодекс? / Н.А. Громошина // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Вып. 7. — Воронеж, 2013.

6. Дрозд, А.О. О некоторых вопросах стадии возбуждения дела об административном правонарушении / А.О. Дрозд // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2015. — № 13-1.

7. Дугенец, А.С. Административно-юрисдикционный процесс: монография / А.С. Дугенец. — М.: ВНИИ МВД России, 2003.

8. Дугенец, А.С. Правоприменение по делам об административных правонарушениях: реалии и перспективы оптимизации : монография / А.С. Дугенец, М.Я. Масленников. — М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2011.

административной ответственности за совершение административных правонарушений (на примере государств СНГ) // Военное право. 2021. № 1(65). С. 105—120.

¹ Туганов Ю.Н., Петров В.И. Очерки по административному праву Российской Федерации. Общая часть : учебн. пос. М.: Граница, 2014.

² Туганов Ю.Н. Пограничная деятельность: юридический инструментарий Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании // Военно-юридический журнал. 2019. № 8. С. 21—24.

9. Кеворков, Д.Р. Правовые основы производства по делам об административных правонарушениях в пограничных органах и пограничных войсках Федеральной службы безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Р. Кеворков. — М., 2004. — 205 с.

10. Ким, Ю.В. Понятие стадий производства по делам об административных правонарушениях / Ю.В. Ким // Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 3 (17).

11. Кисин, В.Р. О содержании стадии возбуждения дела об административном правонарушении и совершенствовании ее правового регулирования / В.Р. Кисин, Ю.И. Попугаев // Теория и практика административного права и процесса : матер. IX Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. В.Д. Сорокина (Небугские чтения). Отв. ред. В.В. Денисенко, С.Г. Денисенко. — Челябинск, 2016. — С. 147—156.

12. Масленников, М.Я. Административно-юрисдикционный процесс / М.Я. Масленников. — Воронеж, 1990.

13. Попугаев, Ю.И. Проблемы правового регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении / Ю.И. Попугаев // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. V Всерос. науч.-практ. конф., посв. 60-летию д-ра юрид. наук, проф. В.В. Денисенко. (Новороссийск, 03 июня 2016 г.). — Краснодар: ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД России», 2016.

14. Публичная власть: система, компетенции / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, Е.В. Виноградова, В.М. Редкоус [и др.]. — Воронеж: «Научная книга», 2021. — 237 с. — ISBN 978-5-4446-1580-5.

15. Редкоус, В.М. Зарубежный опыт правового регулирования привлечения пограничными органами юридических лиц к административной ответственности за совершение административных правонарушений (на примере государств СНГ) / В.М. Редкоус, Н.Ю. Дуванов // Военное право. — 2021. — № 1(65). — С. 105—120.

16. Редкоус, В.М. К вопросу о правовом статусе и правовом положении юридических лиц - участников производства по делам об административных правонарушениях / В.М. Редкоус, Н.Ю. Дуванов, С.В. Зарицкий // Экономика. Право. Общество. — 2021. — Т. 6. — № 1(25). — С. 88—95.

17. Редкоус, В.М. Понятие и характерные черты производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в отношении юридических лиц / В.М. Редкоус, Н.Ю. Дуванов // Военное право. — 2021. — № 4 (68). — С. 117—130.

18. Редкоус, В.М. Проблемы и направления совершенствования правового регулирования привлечения юридических лиц к административной ответственности пограничными органами / В.М. Редкоус, Н.Ю. Дуванов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудни-

ников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2021. — № 1(57). — С. 73—81.

19. Туганов, Ю.Н. Прекращение дел об административных правонарушениях, освобождение военнослужащих, совершивших правонарушения, от административной ответственности / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военноправовое обозрение. — 2014. — № 1 (199). — С. 10—19.

20. Туганов, Ю.Н. Пограничная деятельность: юридический инструментарий Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании / Ю.Н. Туганов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 8. — С. 21—24.

21. Туганов, Ю.Н. Очерки по административному праву Российской Федерации. Общая часть :

учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Петров. — М.: Граница, 2014. — 200 с.

22. Федорец, Т.М. Стадии производства по делам об административных правонарушениях и их место в определении подведомственности и подсудности / Т.М. Федорец // Теория и практика современной науки. — 2016. — № 11 (17).

23. Цыкунов, М.В. Возбуждение дел об административных правонарушениях как самостоятельная стадия административно-юрисдикционного процесса / М.В. Цыкунов, С.М. Зырянов // Вестник Московского университета МВД России. — 2008. — № 10.

24. Якимов А.Ю. Статус субъекта административной юрисдикции : монография / А.Ю. Якимов. — М., 1999.

Оборот оружия при осуществлении его экспонирования: теоретико-правовые аспекты

© Семенова Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры конституционного и
административного права, Санкт-Петербургский
военный ордена Жукова институт войск
национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье предприняты попытки осветить вопросы, касающиеся неоднозначного понимания действий субъектов, занимающихся таким лицензируемым видом деятельности, как экспонирование оружия, основных его частей и боеприпасов к нему. Рассмотрены вопросы, связанные с закреплением особенностей осуществления данного вида деятельности в определении «оборот оружия». Законодателем не отражено в определении «оборот оружия» в качестве его составляющего элемента перемещение оружия по территории Российской Федерации. В связи с этим рассмотрен понятийный аппарат: перемещение, перевозка и транспортировка объектов экспонирования и реализация его на практике. Предложено определение термина «перемещение» в сфере оборота оружия с учетом особенностей проведения экспонирования, поскольку оно носит разъездной характер.

Ключевые слова: оружие, оборот оружия, лицензия, лицензируемый вид деятельности, перемещение, перевозка, транспортировка.

Circulation of weapons during their display: theoretical and legal aspects

© Semenova I.V.,
PhD in Law (Candidate of Juridical sciences),
Lecturer of the Department of Constitutional and
Administrative Law Saint-Petersburg Military Order
of Zhukov Institute of National Guard Troops

Annotation. The article attempts to highlight issues concerning the ambiguous understanding of the actions of entities engaged in such licensed activities as the display of weapons, its main parts and ammunition. The issues related to the consolidation of the specifics of the implementation of this type of activity in the definition of "arms trafficking" are considered. The legislator does not reflect in the definition of "arms turnover" as a constituent element – the movement of weapons across the territory of the Russian Federation, in this regard, the conceptual apparatus is considered: the movement, transportation and transportation of objects of exposure and its implementation in practice. The definition of the term "movement" in the sphere of arms trafficking is proposed, taking into account the peculiarities of the exhibition, since it is of a traveling nature.

Keywords: weapons, arms turnover, license, licensed type of activity, movement, transportation, transportation.

Сохранение культурного наследия должно быть приоритетным направлением деятельности государственных органов, поскольку развитие духовности нашего общества, воспитание чувства прекрасного позволит сохранить наше общество здоровым, чтящим наши достижения и уважающими нашу историю. Оружие — это объ-

ект, который не перестает привлекать к себе внимания граждан всех возрастов, независимо от пола, нации и религиозных убеждений. Оружие обладает свойствами поражения и представляет угрозу для жизни, общества и государства, тем не менее оно не перестает быть культурной ценностью, которую необходимо сохранить для

будущих поколений. Оборот оружия на территории Российской Федерации регулируется множеством законодательных и подзаконных актов. Однако оборот оружия, которое является объектом культурного наследия и является объектом экспонирования, не подпадает по действия норм Федерального закона «Об оружии», поскольку в данном законе даже не предусмотрена такая категория оружия.

Государство стоит на страже соблюдения прав и законных интересов граждан. В связи с этим органы государственной власти наделяются соответствующими функциями и полномочиями. Органы государственной власти наделяются правами по реализации и применению норм права путем вынесения предписаний и принятия нормативных документов¹. Данные функции реализуются путем выдачи лицензий и разрешений физическим и юридическим лицам на право осуществления определенного лицензируемого вида деятельности. Сферы деятельности, подлежащие лицензированию, установлены Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Согласно действующему российскому законодательству любая деятельность, сопряженная с оборотом оружия (объекты, ограниченные в гражданском обороте)² контролируется государством.

Под оружием следует понимать такие объекты, результатом использования или применения которых является поражение цели, независимо от того, живой это объект или неодушевленный. Оружие классифицируется согласно законодательству по следующим основаниям:

- в зависимости от целей, которые преследуются при его применении;
- по техническим характеристикам.

В качестве элемента, характеризующего рассматриваемое понятие, законодателем не предусмотрено оружие, которое относится к категории «наградное».

¹ Волянская Р.В. Особенности правового регулирования отдельных действий при обороте гражданского оружия // Предпринимательское право. 2007. № 2. С 24—32.

² ГК РФ.

Действия, связанные с самим оружием, его составными частями, а наравне с ними его боеприпасами попадают в сферу влияния такой категории, как гражданский оборот. Общепризнанное понимание «оборота» коррелируется с экономическими правоотношениями³ либо с денежным показателем, возникающим при возникновении гражданско-правовых обязательств⁴.

Под оборотом оружия на законодательном уровне понимаются определенные действия, совершаемые с оружием и его основными частями, связанными с их приобретением и отчуждением, хранением и обеспечением его сохранности⁵. Такое толкование обусловлено тем, что законодательством, в частности Законом об оружии, регламентируется система общественных правоотношений, образующаяся между государством, государственными органами исполнительной власти и субъектами гражданских правоотношений.

Отчуждение оружия может осуществляться при строго определенных условиях. Однако в этих случаях оружие может быть продано или утилизировано⁶, при этом законом не предусмотрены возможность и порядок передачи оружия, которое представляет культурную ценность, редкий экземпляр или образец, который может представлять интерес для общественности, музеев и выставок. Должностные лица органов исполнительной власти не заинтересованы в вопросах сохранения интересных экземпляров оружия с целью передачи их для экспонирования. Слишком сложная и долгая это процедура, да и занимает много времени при подготовке сопроводительных документов.

Оборот оружия является деятельностью, на осуществление которой необходимо получение лицензии. В случае отсутствия лицензии и разрешения, деятель-

³ Руденко А.В. Товарный рынок: понятие, объект, субъекты. М.: Пелеотип, 2004. С. 10—11 и др.

⁴ Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 597.

⁵ Там же.

⁶ Семёнова И.В. Шобонов С.А. Дорогин Р.В. Отдельные проблемные вопросы хранения и отчуждения изъятого оружия // Военное право. 2021. № 4. С. 137—141.

ность признается противозаконной. При осуществлении ее с нарушением сроков разрешения она является незаконной, и лицо подлежит привлечению к ответственности¹.

Из закрепленного в законе понятия следует, что все действия, направленные на производство, разработку, торговлю и т.д., которые входят в понятие «оборота» и в лицензировании не нуждаются, допускаются к обороту без лицензии. Однако данный вид деятельности носит лицензионно-разрешительный характер, осуществляемый строго согласно установленным лицензионным требованиям². На основе проведенного анализа приходим к выводу, что при формировании понятия «оборот оружия» не учтен тот факт, что деятельность, осуществляемая в этой сфере, имеет отличительную особенность, а именно данный вид деятельности является лицензионным.

Справедливо отмечается в науке, что указанная в Федеральном законе «Об оружии» категория «запрещенное к обороту» не совсем оправдано, поскольку не установлен механизм определения оружия, которое подпадает под эту категорию. Также остается открытым вопрос, кто это осуществляет. При этом, гражданское законодательство не дает толкований, что собой представляет запрет к обороту. Что касается оружия, подпадающего в категорию «запрещенное к обороту», то неясен вопрос, как оно может коллекционироваться или экспонироваться в музеях. На этот счет законодатель также не дает никаких пояснений.³

Также законодателем не отражено в определении «оборот оружия» в качестве

составляющего его элемента перемещение оружия по территории Российской Федерации. «Перемещение» в сфере оборота оружия понимается как «ввоз (вывоз) служебного и (или) гражданского оружия на территорию одного государства-члена с территории другого государства-члена» относящегося к организации объединяющей страны по экономическому принципу⁴. При этом говорится лишь о перемещении в рамках международного сотрудничества. Следует отметить, что перевозка не является тождественной перемещению. Перемещение необходимо понимать как изменение местонахождения оружия, основных его частей и боеприпасов к нему с использованием транспортных средств или без них, в том числе при перемещении через Государственную границу Российской Федерации физическими или юридическими лицами. Перевозка же согласно гражданскому законодательству является видом предпринимательской деятельности, соответственно в нашем случае перевозка — это вид деятельности, к которому предъявляются лицензионные требования. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» под транспортированием можно подразумевать деятельность юридического или физического лица по доставлению оружия к месту назначения транспортным средством.

Однако в российском законодательстве не нашел отражения вопрос, связанный с перемещением оружия и его основных элементов, боеприпасов внутри страны, в пределах ее границ. В связи с этим возникающие в сфере перемещения оружия вопросы остаются не урегулированными должным образом, тем самым порождается прецедент нарушения установленных норм и правил. Так, например, при

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2020 г. № 83-АД20-4; Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июня 2020 г. № 16-3438/2020; Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2020 № 16-8567/2020.

² Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2020 № 16-8567/2020.

³ Пушкарев А.Л. К отдельным аспектам проблемы коллекционирования предметов вооружения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3.

⁴ Соглашение о перемещении служебного и гражданского оружия между государствами - членами Евразийского экономического союза // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.08.2018.

организации экспонирования оружия за рубежом или на территории Российской Федерации действия, направленные на изменение места нахождения объекта, оформляться должны разными договорами (договор на транспортировку или договор на перевозку), отсюда вытекают разные правовые обязательства. Термины перевозка, перемещение и транспортировка законодатель применяет неоднозначно. Отсутствует единое толкование и применение, чем вносится определенного рода неразбериха при оформлении документов и договоров.

Необходимо единое толкование, в связи с чем предлагается под «перемещением» понимать действия физического или юридического лица, которые связаны с изменением местонахождения оружия, его основных частей, деталей с использованием транспортных средств, общезаводских магистралей или без них, в пределах территории Российской Федерации и при перемещении через Государственную границу Российской Федерации.

Таким образом, понятийный аппарат в сфере оборота оружия требует переосмысления и корректировки согласно современным реалиям и изменениям, происходящим на мировой арене.

Любая деятельность, которая может привести к ущербу в материальной и нематериальной сфере, является лицензируемой. К материальной сфере относятся окружающая среда, объекты культурного наследия, объекты, представляющие историческую ценность. К нематериальной сфере относятся права человека, его жизнь и здоровье, а также безопасность и оборона общества и государства¹. К лицензионным видам деятельности можно отнести все действия, связанные с разработкой оружия, его производством. В данную категорию входят действия, связанные с проведением исследовательских работ, разработкой новых видов и усовершенствованием уже имеющихся видов, испытание, изготовление, а также художественную отделку и ремонт оружия, изготовле-

ние боеприпасов, патронов и их составных частей, проведение мероприятий по испытанию разработанного оружия, организацию и осуществление его хранения, ремонта, утилизацию, а также экспонирование.

Лицензирование представляет собой комплекс действий уполномоченного на то должностного лица, связанных с реализацией правоспособности субъектов и осуществлением контроля в этой сфере².

С целью реализации принципа законности должностные лица государственных органов исполнительной власти наделяются соответствующими полномочиями, направленными на осуществление контроля и надзора за деятельностью в лицензируемой сфере.

Так, одним из видов деятельности, связанной с оборотом оружия, является экспонирование оружия, его частей и боеприпасов к нему. Согласно толкованию данного слова, «экспонирование» подразумевает под собой деятельность кого-либо, направленную на то, чтобы выставить что-то для обозрения или для показа³ путем представления всех образцов оружия на всеобщее обозрение⁴.

В современных реалиях зачастую такого рода деятельность является «разновидностью музейной деятельности, заключающейся в демонстрации, выставлении экспонатов (музейных фондов, коллекций) в определенной системе (хронологической, типологической и пр.)»⁵.

Действующим законодательством Российской Федерации определено, что экспонирование осуществляется на террито-

² Болотин В.С., Старостин Б.А. Лицензирование оборота гражданского оружия как средство обеспечения общественной безопасности: правовые и организационные основы // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 2.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь. 1949—1992

⁴ Мелехин А.В. Теория государства и прав : учебник. М.: Изд. «Маркет ДС», 2007. С. 223—224.

⁵ Постановление главы Ступинского муниципального района МО от 26.08.2008 № 4442-п «Об утверждении Стандартов качества муниципальных услуг в сфере культуры Ступинского муниципального района».

¹ Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

рии Российской Федерации на лицензионной основе. Следует отметить, что в отдельных случаях для осуществления экспонирования лицензии не требуется. При этом остальным действиям, направленным на реализацию выставки, лицензирование обязательно. По сравнению с другими лицензиями, выданными в сфере оборота оружия, которые имеют срок действия 6 месяцев, лицензия на осуществления такого вида деятельности как экспонирование и коллекционирование, является бессрочной.

Однако осложняется данная сфера деятельности двойственностью предназначения оружия, относящегося к антикварному. Сложность заключается в применении норм, которые регулируют оборот культурных ценностей. В научных кругах и у правоприменителей нет единого понимания и механизма реализации нормативных правовых актов. Законодательство, регулирующее оборот оружия при осуществлении его экспонирования, требует переосмысления, приведения его к единому пониманию путем закрепления терминов и

четкого регулирования деятельности лиц, осуществляющих экспонирование оружия.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Право. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. — М.: Статут, 1999.
2. Болотин, В.С. Лицензирование оборота гражданского оружия как средство обеспечения общественной безопасности: правовые и организационные основы / В.С. Болотин, Б.А. Старостин // Вестник государственного и муниципального управления. — 2017. — № 2.
3. Волянская, Р.В. Особенности правового регулирования отдельных действий при обороте гражданского оружия / Р.В. Волянская // Предпринимательское право. — 2007. — № 2. — С. 24—32.
4. Мелехин, А.В. Теория государства и права : учебник / А.В. Мелехин. — М.: Изд. «Маркет ДС», 2007. — 640 с.
5. Пушкарев, А.Л. К отдельным аспектам проблемы коллекционирования предметов вооружения / А.Л. Пушкарев // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2017. — № 3.
6. Руденко, А.В. Товарный рынок: понятие, объект, субъекты / А.В. Руденко. — М.: Пелеотип, 2004.
7. Семенова, И.В. Отдельные проблемные вопросы хранения и отчуждения изъятого оружия / И.В. Семенова, С.А. Шобонов, Р.В. Дорогин // Военное право. — 2021. — № 4. — С. 137—141.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

Контроль за законностью получения денежных средств как механизм противодействия коррупции

© Зайков Денис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и проблемы правового регулирования нового института противодействия коррупции — контроля за законностью получения денежных средств, предусматривающего возможность взыскания в доход Российской Федерации денежных средств, поступивших на банковские счета лиц, замещающих (замещавших) коррупционно-опасные должности, и отдельных членов их семей, в части превышения их размера над совокупным доходом указанных лиц за отчетный год и предшествующие два года, если не получены достоверные сведения, подтверждающие законность получения такой денежной суммы.

Ключевые слова: противодействие коррупции, законность денежных средств, проверка, суд, военнослужащие, органы прокуратуры.

Control over the legality of receiving funds as a mechanism to counter corruption

© Zaikov D.E.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law, Private International Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. The article discusses the features and problems of legal regulation of the new anti-corruption institution – control over the legality of receiving funds, which provides for the possibility of collecting funds received into the income of the Russian Federation to the bank accounts of persons replacing (substituting) corruption-dangerous positions, and individual members of their families, in terms of exceeding their size over the total income of these persons for the reporting year and the previous two years, unless reliable information has been received confirming the legality of receiving such a sum of money.

Key words: anti-corruption, legality of funds, verification, court, military personnel, prosecutor's offices.

Осуществление контроля за соответствием расходов лиц, замещающих (замещавших) коррупционно-опасные должности (далее — обязанные лица), их доходам, является одним из наиболее эффективных институтов противодействия коррупции. Данный антикоррупционный институт, в отличие от большинства других, носит двойственный характер: с одной стороны, он представляет собой последующий контроль за приобретением имущества обя-

занными лицами на незаконные доходы, а с другой — по своей сути является превентивным, так как потенциальная угроза изъятия имущества, приобретенного на незаконные доходы, выступает мерой общей и частной превенции, поскольку обязанное лицо — имея в виду тщательный мониторинг реальных расходов на дорогостоящие объекты гражданского оборота — должно осознавать бессмысленность приобретения имущества на незаконные доходы и соот-

ветственно бесперспективность коррупционного поведения¹.

Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее — Закон № 230-ФЗ) установил механизм, предусматривающий основания и порядок обращения в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, в отношении которых обязанным лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, а также денежную сумму, эквивалентную стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно².

Указанное правовое регулирование относится к особым правовым мерам, применяемым в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства и направленным на эффективное противодействие коррупции и защиту конституционно значимых ценностей, и позволяет обеспечить баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов собственника, приобретшего имущество на

доходы, не связанные с коррупционной деятельностью³.

Закон № 230-ФЗ нашел свое применение в антикоррупционных отношениях, подтвердив актуальность и востребованность института контроля за расходами результатами практической реализации⁴, а также его эффективность в качестве инструмента противодействия коррупции⁵.

Вместе с тем, одним из недостатков антикоррупционного механизма обращения в доход Российской Федерации имущества, приобретенного на доходы, законность которых не подтверждена, являлось отсутствие правовых оснований применения указанного механизма в отношении денежных средств, поступивших на счета в банках и иных кредитных организациях обязанных лиц.

Закон № 230-ФЗ и судебная практика допускали обращение взыскания на денежные средства обязанных лиц, но только в качестве исключения и в размере, эквивалентном стоимости имущества, приобретенного на незаконные доходы, если его

¹ Зайков Д.Е. Проблемы применения института контроля за соответствием расходов лиц, замещающих коррупционно-опасные должности, их доходам // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 3. С. 5.

² В случае если имущество, в отношении которого не доказана законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, было реализовано собственником с целью избежать применения соответствующих мер, а полученные от реализации указанного имущества средства фактически выступают его денежным эквивалентом. (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса РФ и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан»).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2019 г. № 2950-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Семьиной Марины Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов «О противодействии коррупции», «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и «О прокуратуре Российской Федерации».

⁴ Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2017 г.

⁵ Так, за I полугодие 2021 г. судами было рассмотрено 74 дела о взыскании в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого обязанными лицами не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, на общую сумму исковых требований в размере 157 115 554 руб., из которых было удовлетворено требований на сумму 113 627 268 руб. (URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата доступа: 10.04.2022)).

обращение в доход Российской Федерации невозможно (например, в связи с отчуждением)¹. Данное обстоятельство снижало результативность проводимой работы по обращению в доход Российской Федерации имущества, полученного в связи с коррупционной деятельностью, создавало препятствия для обхода закона и способствовало совершению коррупционных правонарушений.

В целях устранения указанного пробела правового регулирования был разработан проект федерального закона № 1133091-7 «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части установления механизма взыскания в доход Российской Федерации денежных средств, в отношении которых обязаны лицами не представлены сведения, подтверждающие законность их получения (далее — незаконные денежные средства). В процессе согласования общая концепция указанного законопроекта не претерпела существенных изменений, хотя отдельные проблемные вопросы так и не нашли своего разрешения.

Основным итогом указанной работы явилось дополнение Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон о противодействии коррупции) ст. 8.2 «Контроль за законностью получения денежных средств»², которая определила основания, порядок и условия применения института обращения в доход Российской Федерации незаконных денежных средств.

Во-первых, выявление факта наличия незаконных денежных средств у обязан-

ных лиц производится в процессе осуществления проверки достоверности и полноты представленных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера³.

Во-вторых, основанием для проведения проверки законности денежных средств, поступивших в течение отчетного периода⁴ на счета в банках и (или) иных кредитных организациях обязанного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (далее — проверка), является превышение их размера над совокупным доходом указанных лиц за отчетный год и предшествующие два года (далее — спорная денежная сумма).

Тем самым использован значительно отличающийся от установленного Законом № 230-ФЗ подход, позволяющий исключить присущие ему недостатки: отсутствие учета полученного дохода несовершеннолетних детей⁵, а также применение иного временного интервала — три последних года, предшествующих отчетному периоду⁶.

³ См.: Положение о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065, Положение о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение отдельных должностей, и работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, и соблюдения этими работниками требований к служебному поведению, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 14 ноября 2019 г. № 666.

⁴ Год, предшествующий году представления сведений о доходах.

⁵ Подр. см.: Зайков Д.Е. Правовое регулирование контроля за соответствием расходов работников их доходам в целях противодействия коррупции // Законодательство. 2014. № 8. С. 65.

⁶ Отсутствие возможности учета дохода, полученного в отчетный период, представляется неверным.

¹ См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 1 июня 2021 г. по делу № 8Г-5417/2021[88-9631/2021], Определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2021 г. по делу № 8Г-20903/2021[88-21206/2021].

² См.: Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 44-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции».

В случае непредставления обязанным лицом сведений, подтверждающих законность получения спорной денежной суммы (представления недостоверных сведений), материалы проверки направляются в органы прокуратуры для принятия решения о наличии оснований для обращения в суд в порядке, предусмотренном ГПК РФ, с заявлением о взыскании в доход Российской Федерации спорной денежной суммы, в отношении которой не получены достоверные сведения, подтверждающие законность ее получения.

В-третьих, в случае увольнения (прекращения полномочий) обязанного лица до завершения в отношении него проверки материалы проверки передаются в органы прокуратуры для ее проведения в установленном порядке. При этом срок осуществления проверки ограничен шестью месяцами со дня увольнения (прекращения полномочий) обязанного лица, которые являются пресекательным сроком, а его истечение исключает правовые основания для проведения проверки прокурором.

Статьей 8.2 Закона о противодействии коррупции определены права и обязанности лиц, участвующих в проводимой органами прокуратуры проверке.

Обязанное лицо вправе:

— давать пояснения в письменной форме об источниках поступления денежных средств на свои счета, счета своих супругов (супруга) и несовершеннолетних детей в банках и (или) иных кредитных организациях;

— представлять дополнительные материалы и давать по ним пояснения в письменной форме;

— обращаться к прокурору с ходатайством о проведении с ним беседы по вопросам, связанным с осуществлением данной проверки¹.

Прокурор при осуществлении проверки обязан:

— истребовать у обязанного лица сведения, подтверждающие законность получения спорной денежной суммы;

— изучать дополнительные материалы, представленные обязанным лицом;

— провести беседу с обязанным лицом в случае поступления от него соответствующего ходатайства.

Прокурор при осуществлении проверки вправе:

— проводить по своей инициативе беседу с обязанным лицом;

— получать от обязанного лица пояснения по представленным им сведениям и материалам;

— направлять в установленном порядке запросы в федеральные государственные органы, государственные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации об имеющейся у них информации о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера обязанного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а также об источниках поступления денежных средств на их счета в банках и (или) иных кредитных организациях;

— наводить справки у физических лиц и получать от них с их согласия информацию.

При наличии по результатам проверки оснований прокурор обращается в суд в порядке, предусмотренном ГПК РФ, с заявлением о взыскании в доход Российской Федерации спорной денежной суммы, в отношении которой не получены достоверные сведения, подтверждающие законность их получения.

Условием инициации процедуры взыскания в судебном порядке в доход Российской Федерации спорной денежной суммы, в отношении которой не представлены сведения, подтверждающие законность ее получения, является ее размер более 10 000 руб.²

Почему именно такая сумма? В качестве аналогии применена ст. 48 НК РФ³,

² Закон № 230-ФЗ подобного ограничения не содержит.

³См.: Пояснительную записку к проекту федерального закона № 1133091-7 «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции».

¹ Ходатайство подлежит обязательному удовлетворению.

предусматривающая такой же размер денежных средств, составляющих сумму неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов (далее — налоги), превышение которой является условием для обращения налогового органа в суд за ее взысканием с налогоплательщика¹. Смысл указанного ограничения — экономическая целесообразность обращения в суд, при котором понесенные расходы (судебные, организационные, временные) не превысят предполагаемый размер взысканных денежных средств.

Следует отметить, что пороговая сумма в 10 000 руб., предусмотренная ст. 8.2 Закона о противодействии коррупции, представляется необоснованной, а приведенная мотивировка со ссылкой на ст. 48 НК РФ видится неубедительной.

Применение одинакового подхода по установлению минимальной суммы в качестве условия для обращения в суд для налоговых и антикоррупционных отношений видится неправильным. С одной стороны, взыскание налогов в основном осуществляется в бесспорном порядке, что существенно упрощает процедуру взыскания и расходы на ее проведение². С другой стороны, специфика безналичного оборота денежных средств с участием граждан, в том числе обязанных лиц, даже при отсутствии какого-либо умысла с их стороны может привести к возникновению спорной денежной суммы, а расходы по обращению в суд в порядке искового производства куда более значительны.

По нашему мнению, рассматриваемую пороговую сумму в 10 000 руб. разумно увеличить не менее чем до 50 000 руб., что позволит исключить экономически неце-

лесообразные расходы и сосредоточить деятельность по взысканию значительных спорных денежных сумм³.

Наиболее важной проблемой практического применения положений ст. 8.2 Закона о противодействии коррупции является отсутствие критериев законности получения денежных средств⁴.

Сущность законности составляет неуклонное соблюдение (исполнение и применение) законов и иных нормативных правовых актов всеми субъектами общественных отношений, обеспечиваемое системой реально существующих требований⁵. Законность означает строгое соблюдение и исполнение конституции и законов государства, а также изданных в соответствии с ними иных правовых актов всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, физическими и юридическими лицами⁶.

Но что под законностью понимает законодатель в рассматриваемом случае?

Например, в силу п. 7 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Закон № 76-ФЗ) военнослужащие, в частности, не вправе:

— заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, если она не препятствует ис-

³ Так, в 2020 г. и в первое полугодие 2021 г. наибольшее количество дел о взыскании в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого обязанными лицами не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, составили дела с размером исковых требований до 50 тыс. руб.

⁴ См.: Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проекту федерального закона № 1133091-7 «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции», внесенному Правительством Российской Федерации (первое чтение).

⁵ Гогин А.А., Липинский Д.А., Малько А.В. и др. Теория государства и права : учебник / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2016.

⁶ Корякин В.М. Военно-административное право: учебник. М.: «Юстиция», 2019.

¹ До 23 декабря 2021 г. указанная сумма составляла 3 000 руб.

² При этом даже при определении суммы в 10 000 руб. никаких финансовых обоснования с расчетами представлено не было (Заключение Счетной палаты Российской Федерации от 12 октября 2020 г. № ЗСП-181/03-01 на проект федерального закона № 1022670-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части реализации отдельных положений основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации»).

полнению обязанностей военной службы (см., напр.: приказ ФСБ России от 30 июля 2012 г. № 378 «Об условиях совмещения военнослужащими органов федеральной службы безопасности военной службы с иной оплачиваемой деятельностью»);

— заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе участвовать в управлении коммерческими организациями, за исключением случаев, когда непосредственное участие в управлении указанными организациями входит в должностные обязанности военнослужащего, а также оказывать содействие физическим и юридическим лицам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя свое служебное положение;

— получать гонорары за публикации и выступления, связанные с исполнением обязанностей военной службы.

Денежные средства, которые поступили военнослужащему на его счет в банке, полученные им, например, в результате осуществления предпринимательской деятельности, незаконны с точки зрения Закона № 76-ФЗ, но будут ли они таковыми с позиции ст. 8.2 Закона о противодействии коррупции? Ведь несмотря на нарушение установленных запретов, за что предусмотрена отдельная ответственность, ука-

занные денежные средства получены военнослужащим в результате предусмотренной законом деятельности.

Ответ на поставленный вопрос имеет крайне важное значение и от его содержания, которое должно быть сформировано судебной практикой, будет зависеть подход, применяемый органами прокуратуры при взыскании в судебном порядке с обязанного лица спорной денежной суммы, в отношении которой не представлены сведения, подтверждающие законность ее получения.

Библиография

1. Гогин, А.А. Теория государства и права : учебник; под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского / А.А. Гогин, Д.А. Липинский, А.В. Малько и др. — М.: Проспект, 2016. — 328 с.
2. Зайков, Д.Е. Правовое регулирование контроля за соответствием расходов работников их доходам в целях противодействия коррупции / Д.Е. Зайков // Законодательство. — 2014. — № 8. — С. 60—67.
3. Зайков, Д.Е. Проблемы применения института контроля за соответствием расходов лиц, замещающих коррупционно-опасные должности, их доходам / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 3. — С. 5—10.
4. Корякин, В.М. Военно-административное право : учебник / В.М. Корякин. — М.: «Юстиция», 2019. — 562 с.

**Излишние выплаты денежного довольствия,
произведенные военнослужащим в отсутствие
недобросовестности с их стороны, не должны
квалифицироваться в качестве неосновательного
обогащения**

© **Иванов Владимир Юрьевич,**

кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

© **Корякин Виктор Михайлович,**

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Гражданское право,
международное частное право и гражданский
процесс» Российского университета транспорта,
профессор 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Статья представляет собой научно-практический комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2022 г. № 1-П и от 25 апреля 2022 г. № 17-П. В данных судебных актах изложена правовая позиция высшего органа конституционного контроля по вопросу о возможности отнесения дополнительных денежных выплат, ошибочно выплаченных военнослужащим, к гражданско-правовой категории «неосновательное обогащение» (гл. 60 Гражданского кодекса Российской Федерации). Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, согласно которой дополнительные денежные выплаты, являющиеся составной частью денежного довольствия, произведённые при отсутствии недобросовестности со стороны получателей и счетной ошибки, возврату не подлежат.

Ключевые слова: неосновательное обогащение; денежное довольствие военнослужащих; дополнительные денежные выплаты военнослужащим; счетная ошибка.

**Excessive payments of monetary allowances made to military
personnel in the absence of bad faith on their part should not be
qualified as unjustified enrichment**

© **Ivanov V.Yu.,**

Candidate of Law, Associate Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation

© **Koryakin V.M.,**

Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Civil Law, Private International Law and Civil
Procedure of the Russian University of Transport,
Professor of the 25th Department of the Prince
Alexander Nevsky Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article is a scientific and practical commentary on the resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P of January 11, 2022 and No. 17-P of April 25, 2022. These judicial acts set out the legal position of the supreme body of the constitutional control on the issue of the

possibility of attributing additional monetary payments mistakenly paid to military personnel to the civil category of "unjustified enrichment" (Chapter 60 of the Civil Code of the Russian Federation). The Constitutional Court formulated a legal position according to which additional monetary payments, which are part of the monetary allowance, made in the absence of dishonesty on the part of the recipients and an accounting error, are not subject to refund.

Keywords: unjustified enrichment; monetary allowance of military personnel; additional monetary payments to military personnel; counting error.

Конституционный Суд Российской Федерации дважды в текущем году обращается к проверке конституционности гражданско-правового института «Неосновательное обогащение» применительно к денежным выплатам, производимым военнослужащим.

В прошлом году эта тема также была предметом конституционного разбирательства. Речь шла о стимулирующей выплате, установленной приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010. По результатам проведенной проверки Конституционный Суд в Постановлении от 26 марта 2021 г. № 8-П¹ выработал правовую позицию², согласно которой данная выплата является составной частью денежного довольствия и потому, если эта выплата произведена при отсутствии недобросовестности со стороны получателя или счетной ошибки, она возврату не подлежит.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2021 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Носаева». Научно-практический комментарий к указанному Постановлению дан нами в публикации: Корякин В.М. Гражданско-правовой институт «неосновательное обогащение» и специфика его применения в отношении военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7. С. 47—56.

² Правовые позиции характеризуют решения Конституционного Суда как акты, решения которых распространяются далеко за пределы тех узких интересов, которые имеются у сторон в конкретном деле. Правовые позиции Конституционного Суда имеют характер источника права и становятся при этом основой для будущего правового регулирования, служа ориентиром для правотворческих и правоприменительных органов. (см.: Корякин В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права. М.: За права военнослужащих, 2006. С. 24).

В 2022 г. Конституционным Судом Российской Федерации рассмотрены вопрос о возможности возврата военнослужащими излишне выплаченных некоторых надбавок к денежному довольствию, предусмотренных Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», которые некоторые воинские должностные лица и поддержавшие их военные суды посчитали неосновательным обогащением и потребовали их возврата³.

Напомним, в чем состоит суть понятия «неосновательное обогащение».

В соответствии с ГК РФ:

— лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ (п. 1 ст. 1102);

— не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предо-

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2022 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.П. Кузьмина и Г.Т. Умарсаидова; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Ерохина»

ставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки (подп. 3 ст. 1103).

Конституционность приведенных законоположений оспорил гражданин Г.Т. Умарсаидов, которому в связи с прохождением военной службы в должности командира десантного катера приказом командира воинской части от 23 января 2016 г. были установлены надбавки, в том числе ежемесячная надбавка за особые условия службы (а именно за службу на воинской должности, исполнение обязанностей по которой связано с руководством подразделением) в размере 20 процентов оклада по соответствующей должности. Однако на основании приказа командира воинской части от 31 января 2019 г. выплата указанной надбавки Г.Т. Умарсаидову была прекращена с 1 января 2019 г. в связи с отсутствием у заявителя права на ее получение. При этом приказ от 23 января 2016 г. в части установления Г.Т. Умарсаидову спорной надбавки был отменен приказом командира воинской части от 21 ноября 2019 г., изданным по результатам служебного разбирательства.

Решением Махачкалинского гарнизонного военного суда от 6 августа 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Южного окружного военного суда от 9 октября 2019 г., отказано в удовлетворении требований Г.Т. Умарсаидова о признании незаконным приказа командира воинской части о прекращении выплаты заявителю ежемесячной надбавки за особые условия службы.

Решением Махачкалинского гарнизонного военного суда от 21 апреля 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Южного окружного военного суда от 17 июня 2020 г., удовлетворены иски требования ФКУ «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» о взыскании с Г.Т. Умарсаидова излишне выплаченных ему денежных средств в размере 114 255 руб. (сумма ежемесячной надбавки за особые условия

службы, выплаченная заявителю за период с января 2016 г. по декабрь 2018 г. с учетом налога на доходы физических лиц).

При этом суды, ссылаясь на Правила выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073), и Перечень воинских должностей руководителей, командиров (начальников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации и их структурных подразделений, а также воинских должностей, исполнение обязанностей по которым связано с руководством подразделениями, при замещении которых выплачивается ежемесячная надбавка за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации (утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 октября 2016 г. № 675), указали, что выплата военнослужащему ежемесячной надбавки за особые условия службы возможна лишь при условии прохождения им службы в должности, включенной в указанный Перечень и подлежащей замещению офицерами (аналогичное правовое регулирование было предусмотрено и действовавшим на момент назначения заявителю спорной надбавки Порядком обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700; утратил силу в связи с изданием приказа Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727). Г.Т. Умарсаидов же, имея воинское звание старшего мичмана, проходил военную службу в должности, которая, согласно штату соответствующей воинской части, предусматривает именно указанное звание.

По мнению судов, выплаченные заявителю суммы ежемесячной надбавки за особые условия службы за период с января 2016 г. по декабрь 2018 г. не могут быть отнесены к денежному довольствию, так

как получены при отсутствии на то правовых оснований, а значит, являются неосновательным обогащением и подлежат взысканию в доход федерального бюджета. Доводы же Г.Т. Умарсаидова о том, что переплата образовалась не по его вине, признаны судами несостоятельными, поскольку — учитывая, что все приказы Министра обороны Российской Федерации, регламентирующие порядок выплаты надбавки за особые условия службы, находятся в открытом доступе, — заявитель обязан был не только знать их содержание, но и доложить о производимой ему переплате непосредственному командиру либо направить обращение вышестоящему должностному лицу.

Указанные судебные постановления оставлены без изменения определением Кассационного военного суда от 24 сентября 2020 г.

Как полагает Г.Т. Умарсаидов, п. 1 ст. 1102 и подп. 3 ст. 1109 ГК РФ не соответствуют ст. 7 (ч. 1), 18 и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им судебной практикой, они позволяют взыскивать в качестве неосновательного обогащения суммы выплат, входящие в состав денежного довольствия военнослужащего и полученные им на основании приказа командира воинской части, при отсутствии как недобросовестности со стороны самого военнослужащего, так и счетной ошибки.

Конституционность подп. 3 ст. 1109 ГК РФ оспаривает и гражданин А.П. Кузьмин, который проходил военную службу по контракту в воинской части, расположенной в г. Красноярске и впоследствии передислоцированной в г. Обь Новосибирской области (передислокация завершена 1 сентября 2012 г.), был уволен по основанию, предусмотренному подп. «б» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с истечением срока контракта), и 20 декабря 2018 г. исключен из списков личного состава воинской части.

Решением Красноярского гарнизонного военного суда от 20 июня 2019 г., оставленным без изменения апелляцион-

ным определением Западно-Сибирского окружного военного суда от 17 сентября 2019 г., удовлетворены иски требования ФКУ «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» о взыскании с А.П. Кузьмина излишне выплаченных ему денежных средств в размере 423 060,39 руб., в том числе процентной надбавки к денежному довольствию за прохождение военной службы по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, выплаченной за период со 2 сентября 2012 г. по 31 марта 2016 г., и надбавки за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, выплаченной за период с 1 по 31 декабря 2016 г. (при определении указанной суммы исковых требований было учтено, что до увольнения с военной службы А.П. Кузьмин возместил излишне выплаченные ему денежные средства в размере 155 000 руб.).

При этом суды установили, что после завершения передислокации воинской части, в которой проходил военную службу по контракту А.П. Кузьмин, он утратил право на получение процентной надбавки к денежному довольствию за прохождение военной службы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, в указанный период была ошибочно выплачена заявителю в большем размере, чем это предусмотрено, исходя из степени секретности сведений, к которым он имел доступ. Кроме того, суды хотя и пришли к выводу, что переплата явилась следствием неправильного установления причитающихся А.П. Кузьмину надбавок со стороны соответствующих командиров (начальников), а также позднего внесения в специальное программное обеспечение «Алушта» (далее — СПО «Алушта») сведений о размере полагающихся заявителю выплат, тем не менее сочли такого рода переплату счетной ошибкой. Тот факт, что А.П. Кузьмин не обжаловал производство удержаний из его денежного довольствия, производившихся до момента его увольнения с военной службы, суды расценили как фактическое признание им долга, хотя при

рассмотрении дела заявитель указывал, что рапорт о согласии с удержаниями он подписал, опасаясь негативных последствий по службе. Так же, как и в деле Г.Т. Умарсаидова, в деле А.П. Кузьмина суды не признали необоснованно начисленные и выплаченные ему средства денежным довольствием, а суд апелляционной инстанции констатировал наличие вины и недобросовестности в поведении А.П. Кузьмина, не уведомившего в установленном порядке вышестоящих должностных лиц о фактах незаконной выплаты ему надбавок к денежному довольствию.

Определением Кассационного военного суда от 17 марта 2020 г. указанные судебные постановления оставлены без изменения, а определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2020 г. А.П. Кузьмину отказано в передаче его кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. При этом Верховный Суд Российской Федерации дополнительно указал, что под счетными ошибками следует понимать не только ошибки, допущенные при совершении арифметических действий, но и внесение недостоверной, неполной и несвоевременной информации в СПО «Алушта», повлекшее излишнее перечисление военнослужащему денежных средств.

По мнению А.П. Кузьмина, подп. 3 ст. 1109 ГК РФ не соответствует ст. 2, 15 (ч. 1), 19 (ч. 1 и 2), 45 (ч. 1 и 46 (ч. 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой указанная норма, не конкретизируя содержание понятий «счетная ошибка» и «недобросовестность», порождает неоднородную правоприменительную практику при разрешении вопроса о взыскании с военнослужащих в качестве неосновательного обогащения излишне выплаченных им на основании приказа командира воинской части сумм, входящих в состав денежного довольствия.

Несмотря на то что в делах заявителей оспариваемые ими п. 1 ст. 1102 и п. 1 подп. 3 ст. 1109 ГК РФ были применены судами при разрешении вопроса о взыскании лишь трех ежемесячных надбавок, начисленных и выплаченных им на осно-

вании приказов уполномоченных должностных лиц, а именно надбавок за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, за особые условия военной службы и за службу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая конституционность данных законоположений в их нормативной связи, в первую очередь с нормами законодательства о денежном довольствии военнослужащих, в частности Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», полагает возможным при определении предмета рассмотрения по настоящему делу исходить из того, что указанные ежемесячные надбавки — наряду с иными предусмотренными данным Федеральным законом, актами Президента Российской Федерации и (или) Правительства Российской Федерации надбавками и выплатами — относятся к дополнительным выплатам, включаемым в состав денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (ч. 2, 12, 13, 15, 17—24 и 34 ст. 2 названного Федерального закона).

Таким образом, с учетом требований ст. 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих ст. 125 (ч. 4) Конституции Российской Федерации, взаимосвязанные положения п. 1 ст. 1102 и подп. 3 ст. 1109 ГК РФ являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании решается вопрос о взыскании с военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, и с лица, уволенного с военной службы, начисленных и выплаченных им в период прохождения указанной службы на основании приказа уполномоченного должностного лица денежных средств в виде дополнительных выплат в составе денежного довольствия, притом что право на получение этих выплат (в том числе в установленном приказом размере) в силу действующих в соответствующий период нормативных правовых актов о денежном довольствии воен-

нослужащих этим гражданам предоставлено не было (т.е. не возникло в формально-юридическом смысле или было утрачено).

Конституционность приведенных законоположений оспорил также гражданин А.В. Ерохин, который проходил военную службу по контракту, заключенному 16 января 1997 г., уволен 17 ноября 2019 г. и исключен из списков личного состава воинской части 21 декабря 2019 г. В период с января 2012 г. по октябрь 2016 г. ежемесячная надбавка за выслугу лет выплачивалась ему в размере 40 % оклада денежного содержания, в то время как исходя из фактической продолжительности выслуги лет А.В. Ерохина размер надбавки должен был составлять до 6 марта 2015 г. — 25 %, а затем — 30 % этого оклада.

Решением Читинского гарнизонного военного суда от 23 апреля 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением 2-го Восточного окружного военного суда от 9 июля 2020 г., удовлетворены иски требования ФКУ «Объединенное стратегическое командование Восточного военного округа» в защиту интересов ФКУ «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» о взыскании с А.В. Ерохина излишне выплаченных ему денежных средств в размере 234 109 руб. 69 коп. (с учетом того, что до увольнения с военной службы из его денежного довольствия на основании его личного заявления было удержано 18 455 руб. 24 коп.). Суды пришли к выводу, что переплата явилась следствием неправильного исчисления причитающейся А.В. Ерохину надбавки за выслугу лет, в то время как в решении суда апелляционной инстанции упоминается выписка из приказа командира воинской части от 23 июля 2014 г., согласно которой данная надбавка была установлена А.В. Ерохину в размере 25 % оклада денежного содержания (т.е. именно исходя из фактической продолжительности его выслуги лет на тот момент).

Определением Кассационного военного суда от 1 октября 2020 г. указанные судебные постановления оставлены без изменения, а определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 янва-

ря 2021 г. А.В. Ерохину отказано в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Однако, несмотря на содержащийся в решении суда апелляционной инстанции вывод о том, что А.В. Ерохин достоверно знал о факте переплаты и, получая ежемесячную надбавку за выслугу лет в необоснованно начисленном размере, проявил тем самым недобросовестность, судья Верховного Суда Российской Федерации не расценил его действия как недобросовестные, но констатировал, что несвоевременное внесение достоверной информации в базу данных (специальное программное обеспечение «Алушта»), повлекшее неправильный расчет и излишнюю выплату военнослужащему денежных средств, свидетельствует о наличии счетной ошибки.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 января 2022 г. № 1-П отметил, что согласно Конституции Российской Федерации в России создаются условия для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечивается сбалансированность прав и обязанностей гражданина (ст. 75.1); Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав (ст. 75, ч. 5); труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37, ч. 1).

Реализуя конституционное право на выбор рода деятельности и профессии, каждый гражданин вправе избрать ту или иную форму правового опосредования своей трудовой деятельности (в частности, заключить трудовой договор с работодателем либо контракт о прохождении определенного вида государственной службы, приобрести статус индивидуального предпринимателя, осуществлять свою трудовую деятельность на основе самоорганизации и др.). Это, в свою очередь, влечет для него конкретные правовые последствия, обусловленные характерным для субъекта соответствующего вида общественно-полезной деятельности правовым статусом. Такой правовой статус устанавлива-

ется законом и включает в себя определенный набор прав, обязанностей, государственных гарантий их реализации и мер ответственности исходя из существа данной деятельности, ее целевой направленности и фактического положения лица в порождаемых этой деятельностью отношениях.

По смыслу ст. 37 (ч. 1) и 59 (ч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 32 (ч. 4), 71 (п. «м»), 72 (п. «б» ч. 1) и 114 (п. «д», «е» ч. 1) военная служба, посредством прохождения которой граждане реализуют право на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии, представляет собой особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах. Лица, несущие военную службу, выполняют конституционно значимые функции, чем предопределяется их специальный правовой статус, содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним. К числу таких обязанностей относится, в частности, надлежащее материальное обеспечение военнослужащих, включающее в первую очередь выплату им вознаграждения за исполнение обязанностей военной службы.

Наряду с этим Конституция Российской Федерации устанавливает, что право частной собственности охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами; никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ст. 35, ч. 1—3); в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ст. 8, ч. 2); государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ст. 45, ч. 1); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие)

органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ст. 46, ч. 1 и 2).

Из приведенных конституционных норм в их системной связи следует, что право военнослужащего на вознаграждение за исполнение обязанностей военной службы, выплачиваемое в виде денежного довольствия (ст. 12 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»), — как относящееся по своей природе к имущественным правам — подлежит признанию и защите, включая судебную защиту, со стороны государства без какой-либо дискриминации.

В силу этого устанавливаемое государством правовое регулирование в данной сфере должно гарантировать не только достаточный уровень материального обеспечения военнослужащих с учетом особого рода их деятельности и специфических условий ее осуществления, но и возможность реализации ими права на владение, пользование и распоряжение полученными в составе денежного довольствия выплатами, исходя из положений Конституции Российской Федерации, закрепляющих гарантии права собственности и иных имущественных прав, в том числе связанных с получением вознаграждения за труд.

Правовое регулирование отношений, связанных с выплатой военнослужащим вознаграждения за исполнение обязанностей военной службы, установлено в первую очередь Федеральным законом «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», ст. 2 которого, определяя денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в качестве основного средства их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы, включает в его состав месячный оклад в соответствии с присвоенным воинским званием (оклад по воинскому званию) и месячный оклад в соответствии с занимаемой воинской должностью (оклад по воинской должности), составляющие в совокупности оклад месячного денежного содержания военнослужащего (оклад денежного со-

держания), а также ежемесячные и иные дополнительные выплаты (ч. 2).

К дополнительным выплатам военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, относятся, в частности, ежемесячные надбавки за выслугу лет к окладу денежного содержания, за классную квалификацию (квалификационную категорию, квалификационный класс) к окладу по воинской должности, за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, за особые условия военной службы, за выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время, за особые достижения в службе, а также премия за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей и ежегодная материальная помощь ч. 12, 13, 15, 17—22 ст. 2 названного Федерального закона).

В соответствии с Порядком обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат (приложение № 1 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727) военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, ежемесячные дополнительные выплаты (надбавки) производятся, по общему правилу, со дня вступления в исполнение (временное исполнение) обязанностей по воинской должности и по день освобождения от исполнения обязанностей по занимаемой (временно исполняемой) воинской должности (сдачи дел и должности) (п. 34). Такого рода надбавки военнослужащим исчисляются исходя из оклада по воинской должности (временно исполняемой вакантной воинской должности), выплачиваются на основании приказов соответствующих командиров одновременно с выплатой оклада денежного содержания и отражаются в расчетно-платежной (платежной) ведомости в отдельных графах (п. 35).

В частности, *ежемесячная надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну*, устанавливается в размере до 65 процентов оклада по воинской должности в зависимости от степени секретности сведений, к которым военно-

служащие, проходящие военную службу по контракту, имеют документально подтвержденный доступ на законных основаниях (ч. 17 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»). При этом Порядок обеспечения денежным довольствием военнослужащих предусматривает выплату данной надбавки в размере от 10 до 25 процентов оклада по воинской должности (в зависимости от степени секретности сведений) на основании приказа соответствующего командира, который, помимо прочего, содержит указание на дату начала выплаты этой надбавки и ее конкретный размер в процентах (п. 46 и 47).

Ежемесячная надбавка за особые условия военной службы устанавливается в размере до 100 процентов оклада по воинской должности и выплачивается в зависимости от условий прохождения военной службы в порядке, установленном Правилами выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на основании приказа соответствующего командира, в котором указываются основания для установления данной надбавки и ее размер в процентах (ч. 18 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», п. 49 и 52 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих).

Военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе в отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях, денежное довольствие выплачивается с учетом *коэффициентов и процентных надбавок* (ч. 24 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»). Размеры указанных коэффициентов и процентных надбавок и порядок их применения для расчета денежного довольствия военнослужащих, проходящих

военную службу по контракту, установленны постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1237 «О размерах коэффициентов и процентных надбавок и порядке их применения для расчета денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, проходящих военную службу (службу) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях».

Таким образом, все перечисленные в ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» ежемесячные надбавки (в том числе за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, за особые условия военной службы и за службу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях) безусловно, в силу прямого указания закона, включаются в состав денежного довольствия военнослужащего, проходящего военную службу по контракту.

Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 26 марта 2021 г. № 8-П, денежное довольствие военнослужащих по своей правовой природе сопоставимо с заработной платой, которая представляет собой вознаграждение за труд, выплачиваемое работнику как стороне трудового договора работодателем в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы и включающее также компенсационные и стимулирующие выплаты (ч. 1 ст. 129 ТК РФ). Соответственно, как и заработная плата, денежное довольствие выплачивается военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на регулярной основе в связи с осуществлением определенного вида профессиональной деятельности (воинского труда) по заранее установленным нормативам с учетом содержания и характера обязанностей военной

службы, а также условий их исполнения. Тем самым денежное довольствие, выплачиваемое таким военнослужащим, обладает аналогичными существенными признаками, которые в системе действующего правового регулирования позволяют отнести его к выплатам, приравненным к заработной плате.

Соблюдение законодательства при начислении и выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, денежного довольствия обеспечивает соответствующий командир (начальник) воинского подразделения.

Согласно УВС ВС РФ (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495) именно командир (начальник) отвечает за материальное обеспечение воинской части и именно в его общие обязанности входит обеспечение доведения до личного состава положенного денежного и других видов довольствия, экономное и целесообразное расходование материальных и денежных средств, соблюдение штатной и финансовой дисциплины (ст. 75 и 82). При этом, конкретизируя указанные общие обязанности применительно к отдельным командирам (начальникам), УВС ВС РФ предусматривает, что командир полка (корабля 1 ранга) обязан руководить финансовой и хозяйственной деятельностью полка (корабля), обеспечивая законное и экономное расходование материальных и денежных средств ст. 94, а помощник командира полка по финансово-экономической работе — начальник службы (главный бухгалтер) — обеспечивать эффективное расходование денежных средств на нужды полка, а также соблюдение бюджетной, финансовой, налоговой и кассовой дисциплины (ст. 118).

На соблюдение командирами (начальниками) требований законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации при издании приказов (директив), в том числе касающихся выплаты военнослужащим денежного довольствия, направлен и установленный, в частности, Наставлением по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации (утв. приказом Министра обо-

роны Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. № 717) порядок подготовки и представления на подпись такого рода документов, включающий, помимо прочего, проведение правовой экспертизы проекта приказа (директивы) командира (начальника) и визирование его должностным лицом юридической службы — при наличии в структуре воинской части подразделения (должностного лица) юридической службы (раздел II).

Нарушение командирами (начальниками) законодательства при начислении и выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, денежного довольствия, повлекшее за собой ненадлежащее расходование денежных средств, влечет ответственность указанных лиц в соответствии с законодательством.

Сама по себе общая обязанность военнослужащего строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации (абз. 3 ч. 1 ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих»; ст. 16 УВС ВС РФ), безусловно, предполагает знание каждым военнослужащим нормативных правовых актов Российской Федерации, но лишь в объеме установленного для данной категории военнослужащих правового минимума (ст. 77, 83 и 161 УВС ВС РФ), т.е. в пределах, необходимых, в первую очередь, для осуществления служебной деятельности самого военнослужащего (с учетом его должностных обязанностей и сферы приложения его воинского труда).

Изучение соответствующих актов осуществляется в рамках организации правового обучения в Вооруженных Силах Российской Федерации, а их перечень (правовой минимум) может включать в себя в том числе акты, регулирующие отношения в сфере материального обеспечения военнослужащих, как это было предусмотрено, в частности, правовым регулированием, действовавшим в период выплаты заявителям спорных надбавок (а именно Инструкцией по организации правового обучения в Вооруженных Силах Российской Федерации и приложением к ней; утверждена приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 декабря

2013 г. № 878, утратившим силу в связи с изданием приказа Министра обороны Российской Федерации от 5 мая 2021 г. № 250 «О правовом обучении в Вооруженных Силах Российской Федерации»).

Тем не менее, указывает Конституционный Суд Российской Федерации, даже факт ознакомления конкретного военнослужащего с законодательством о материальном обеспечении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, — притом что уровень владения данным военнослужащим такого рода правовой информацией, а равно и его способность давать оценку обоснованности назначения ему тех или иных выплат (при условии, что он действительно располагает сведениями о составе начисляемого и выплачиваемого ему денежного довольствия) могут быть различными — не является достаточным основанием для возложения на него обязанности по обеспечению правильности начисления и выплаты ему денежного довольствия, в том числе в части дополнительных выплат, установление и прекращение которых осуществляется приказом уполномоченного должностного лица (командира, начальника).

В силу этого в случае издания командиром (начальником) воинской части — в нарушение нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих — приказа, повлекшего за собой излишние выплаты тому или иному военнослужащему, а равно в случае неиздания (несвоевременного издания) им приказа о прекращении выплат, право на которые данным военнослужащим утрачено, сам военнослужащий, по общему правилу, не должен нести неблагоприятные правовые последствия, связанные с ненадлежащим расходованием денежных средств.

В соответствии с конституционными предписаниями об охране права частной собственности и установлении государственных гарантий защиты имущественных прав (ст. 8, ч. 2; ст. 35, ч. 1—3; ст. 45, ч. 1; ст. 46, ч. 1 и 2, Конституции Российской Федерации) ГК РФ содержит правовые нормы, образующие институт неосновательного обогащения, который призван предотвратить необоснованное приобрете-

ние участниками правоотношений каких-либо имущественных благ за счет других лиц (гл. 60).

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 марта 2017 г. № 9-П, содержащееся в гл. 60 ГК Российской Федерации правовое регулирование отношений по обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения, не исключает возможность использования института неосновательного обогащения за пределами гражданско-правовой сферы и обеспечения с его помощью баланса публичных и частных интересов, отвечающего конституционным требованиям).

В силу ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ст. 1109 ГК РФ.

Одним из таких случаев является невозможность возврата в качестве неосновательного обогащения заработной платы и приравненных к ней платежей, пенсий, пособий, стипендий, возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, алиментов и иных денежных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки (подп. 3 ст. 1109 ГК РФ).

Данное законоположение носит гарантийный характер и направлено на защиту прав граждан, поскольку для них заработная плата и другие предусмотренные названной нормой платежи являются основным источником средств к существованию, обеспечивающим их материальное благополучие и реализацию имеющихся у них потребностей. Учитывая, что денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является по существу формой оплаты их труда и тем самым — по смыслу подп. 3 ст. 1109 ГК РФ — может расцениваться как платеж, приравненный к заработной

плате, а уровень государственной защиты права военнослужащих на владение, пользование и распоряжение полученными в качестве денежного довольствия суммами не должен быть ниже, чем у граждан, работающих по трудовому договору, любая из выплат, входящих в состав денежного довольствия данной категории военнослужащих, не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения при отсутствии недобросовестности (противоправных действий) со стороны самого военнослужащего и счетной (арифметической) ошибки. Такой подход отвечает целям обеспечения стабильности правоотношений в области материального стимулирования военнослужащих и направлен в целом на установление баланса прав и законных интересов его субъектов.

С приведенным правовым регулированием сопряжено и положение п. 8 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих, согласно которому денежное довольствие, выплаченное в порядке и размерах, действовавших на день выплаты, возврату не подлежит, если право на него полностью или частично военнослужащим впоследствии утрачено, кроме случаев возврата излишне выплаченных сумм вследствие счетных ошибок. Аналогичное регулирование было предусмотрено и п. 6 действовавшего в период выплаты заявителям спорных надбавок Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. В то же время указанные нормативные положения прямо не упоминают случаи, когда право на ту или иную надбавку в составе денежного довольствия на день его выплаты у конкретного военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, отсутствовало (не возникло в формально-юридическом смысле или было утрачено), а соответствующая надбавка была начислена и выплачена на основании приказа уполномоченного должностного лица, изданного с нарушением законодательства о денежном довольствии военнослужащих.

Применительно к вопросу о возможности взыскания с военнослужащего сумм дополнительного материального стимули-

рования в случае выявления после их перечисления обстоятельств, препятствовавших предоставлению такого рода выплат, Конституционный Суд Российской Федерации ранее указывал, что положения гл. 60 ГК РФ не предполагают возложения на военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, бремени негативных последствий, связанных с допущенными при начислении и выплате дополнительного материального стимулирования нарушениями, в виде взыскания сумм выплаты в качестве неосновательного обогащения. Суд, рассматривая в каждом конкретном деле вопрос о наличии оснований для взыскания в качестве неосновательного обогащения денежных средств, полученных военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в виде дополнительного материального стимулирования, обязан, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий такого взыскания, исследовать по существу фактические обстоятельства данного дела. Следовательно, наличие либо отсутствие при начислении и выплате дополнительного материального стимулирования признаков недобросовестности в действиях военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, не обладающего для этого специальными знаниями и навыками, также относится к обстоятельствам, которые подлежат оценке судом, рассматривающим возникший спор, связанный со взысканием неосновательного обогащения. При установлении же судом на основе исследования всех материалов конкретного дела факта отсутствия недобросовестности со стороны военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, а также счетной ошибки права военнослужащего (в том числе после увольнения с военной службы) подлежат защите, а выплаченное такому военнослужащему дополнительное материальное стимулирование взысканию в качестве неосновательного обогащения не подлежит. Иное приводило бы к нарушению гарантированных ст. 19 (ч. 1), 35 (ч. 2 и 3), 37 (ч. 3), 45 (ч. 1) и 46 (ч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации прав военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

В силу приведенной правовой позиции и вытекающего из ст. 1, 15 (ч. 1 и 2), 17 (ч. 1 и 3), 18, 21 (ч. 1) и 49 Конституции Российской Федерации принципа добросовестности участников правоотношений, нашедшего закрепление, в частности, в гражданском законодательстве (п. 5 ст. 10 ГК РФ), недобросовестность в поведении военнослужащего в случае получения им отдельных видов дополнительных выплат, которые хотя и производятся на основании приказа уполномоченного должностного лица, но в действительности - в силу действующих в данный период нормативных правовых актов — этому военнослужащему не положены, во всяком случае не должна презюмироваться, тем более исходя лишь из предполагаемого знания самим военнослужащим содержания нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих и несообщения им непосредственному командиру (начальнику) и (или) вышестоящему должностному лицу об отсутствии правовых оснований для начисления таких выплат.

Соответственно, при установлении судом, исходя из фактических обстоятельств конкретного дела, наличия либо отсутствия оснований для взыскания в качестве неосновательного обогащения денежных средств, полученных военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, один лишь факт несообщения им непосредственному командиру (начальнику) и (или) вышестоящему должностному лицу об отсутствии правовых оснований для начисления тех или иных выплат — при том, что такой военнослужащий может и не обладать не только необходимыми для этого специальными знаниями и навыками, но и сведениями о составе производимых ему выплат, а потому не может и не должен отвечать за правильность начисления и выплаты ему денежного довольствия — не должен расцениваться как безусловно свидетельствующий о недобросовестности со стороны военнослужащего.

Что же касается счетной ошибки, то действующее законодательство, в том числе оспариваемый заявителями по комментируемому делу подп. 3 ст. 1109 ГК РФ, не содержит определения данного понятия. В

правоприменительной практике в качестве таковой, как правило, понимается ошибка, допущенная при проведении арифметических подсчетов сумм, причитающихся к выплате (данная позиция была высказана и в письме Роструда от 1 октября 2012 г. № 1286-6-1). При этом в судебной практике по спорам о взыскании с работников (в том числе после увольнения) сумм, излишне выплаченных им работодателем, суды исходят из того, что в качестве счетной ошибки не могут рассматриваться допущенные работодателем технические ошибки (включая двойное перечисление денежных средств за один и тот же период), а также ошибки в применении работодателем норм закона при исчислении работнику заработной платы, различных гарантийных и компенсационных выплат, поскольку именно на работодателя возложена обязанность по соблюдению требований закона при начислении и выплате работнику заработной платы, предоставлению льгот и компенсаций, надлежащему оформлению документов, связанных с выплатой причитающихся ему в связи с осуществлением трудовой деятельности денежных средств (определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2012 г. № 59-В11-17 и от 3 августа 2020 г. № 57-КГ20-8-К1).

Аналогичный подход к толкованию понятия «счетная ошибка» формируется и в судебной практике по спорам с участием военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы. Так, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что не может расцениваться как счетная ошибка ненадлежащее исполнение уполномоченными должностными лицами обязанностей по соблюдению требований законодательства при начислении и выплате военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, денежного довольствия, правильному оформлению документов, внесение недостоверных сведений в систему СПО «Алушта», а последующая отмена приказа командира воинской части, в соответствии с которым военнослужащему была произведена выплата тех или иных дополнительных составляющих де-

нежного довольствия, не влечет возврат сумм соответствующих выплат, полученных за прошедший период, т.е. за период действия данного приказа (определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2019 г. № 34-КГ18-20, определения Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 г. № 228-КГ21-3-К10, от 11 августа 2021 г. № 228-КГ21-2-К10, от 29 сентября 2021 г. № 228-КГ21-4-К10 и др.).

С учетом изложенного Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 января 2022 г. № 1-П пришел к выводу, что взаимосвязанные положения п. 1 ст. 1102 и подп. 3 ст. 1109 ГК РФ не предполагают взыскания с военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, а равно и с лица, уволенного с военной службы, в качестве неосновательного обогащения начисленных и выплаченных таким лицам в период прохождения указанной службы денежных средств в виде дополнительных выплат в составе денежного довольствия на основании приказа уполномоченного должностного лица, если при издании этого приказа были допущены нарушения нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих, при отсутствии недобросовестности со стороны военнослужащего и счетной ошибки.

Иной подход приводил бы к возложению на такого военнослужащего, в том числе после увольнения его с военной службы, бремени неблагоприятных правовых последствий имущественного характера при отсутствии с его стороны поведения, непосредственно повлекшего ненадлежащее расходование денежных средств, и тем самым фактически допуская бы переложение на него ответственности за действия (бездействие) воинских должностных лиц, в обязанности которых входит обеспечение соблюдения законодательства о материальном обеспечении военнослужащих, что, в свою очередь, не только противоречило бы конституционному принципу справедливости, но и означало бы выходящее за рамки конституционно

допустимых ограничений прав и свобод ущемление гарантированных ст. 35 (ч. 1 и 2), 37 (ч. 3), 45 (ч. 1) и 46 (ч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации прав военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Исходя из изложенного, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 января 2022 г. № 1-П сформулировал следующие правовые позиции:

1) взаимосвязанные положения п. 1 ст. 1102 и подп. 3 ст. 1109 ГК РФ не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают взыскания с военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, а равно и с лица, уволенного с военной службы, в качестве неосновательного обогащения начисленных и выплаченных таким лицам в период прохождения указанной службы денежных средств в виде дополнительных выплат в составе денежного довольствия на основании содержащего нарушения нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих приказа уполномоченного должностного лица, при отсутствии недобросовестности со стороны военнослужащего и счетной ошибки;

2) недобросовестность военнослужащего не должна презюмироваться исходя лишь из предполагаемого знания им содержания нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих и несообщения им непосредственному командиру (начальнику) и (или) вышестоящему должностному лицу об отсутствии правовых оснований для начисления таких выплат;

3) в качестве счетной ошибки не должны рассматриваться действия (бездействие) должностных лиц, ответствен-

ных за начисление и выплату военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, денежного довольствия, приводящие к получению конкретным военнослужащим в составе денежного довольствия тех или иных дополнительных выплат (в том числе в установленном приказом уполномоченного должностного лица размере), право на которые — в силу действующих в соответствующий период нормативных правовых актов — данному военнослужащему предоставлено не было.

Аналогичное по смыслу решение принято Конституционным Судом и в отношении гражданина А.В. Ерохина. При этом в принятом по данному вопросу Постановлении от 25 апреля 2022 г. № 17-П Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал очень важный вывод о том, что выраженные Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 11 января 2022 г. № 1-П правовые позиции распространяются на все случаи неправильного начисления военнослужащему какой-либо из составляющих денежного довольствия (ее выплаты в повышенном размере) при отсутствии недобросовестности с его стороны или счетной ошибки.

Как представляется, этот вывод поставит барьер для действий органов военного управления по необоснованному взысканию с военнослужащих излишне выплаченных им денежных сумм.

Библиография

1. Корякин, В.М. Гражданско-правовой институт «неосновательное обогащение» и специфика его применения в отношении военнослужащих / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 7. — С. 47—56.

2. Корякин, В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права / В.М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2006. — 208 с.

Проблемные вопросы установления и применения дисциплинарной ответственности к военнослужащим за коррупционные правонарушения

© Погорелов Сергей Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции.

Аннотация. В статье представлен генезис дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения. Обозначены противоречия законодательства в указанной сфере, акцентировано внимание на ограниченность выбора возможных мер дисциплинарного воздействия на военнослужащих и проблемах правоприменительной практики при малозначительности совершенного коррупционного правонарушения.

Ключевые слова: военное право, выговор за коррупционное правонарушение, дисциплинарная ответственность, малозначительность, порядок снятия взыскания.

Problematic issues of establishing and applying disciplinary liability to military personnel for corruption offenses

© Pogorelov S.A., PhD in law, Senior lecturer of Constitutional and Administrative Law Department of the Faculty (command) of the Saint-Petersburg St. Petersburg Military Zukov's Order Institute of the Russian National Guard Troops, lieutenant-colonel of justice

Annotation. The article presents the genesis of disciplinary responsibility of military personnel for corruption offenses. The contradictions of legislation in this area are indicated, attention is focused on the limited choice of possible disciplinary measures on military personnel and the problems of law enforcement practice with the insignificance of the committed corruption offense.

Key words: military law, reprimand for corruption offense, disciplinary responsibility, insignificance, procedure for lifting penalties.

Вопросу привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, установленной Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» более десятилетия тому назад, традиционно уделялось большое внимание со стороны теоретиков права. При этом, несмотря на множественные публикации, посвященные существующим проблемам в указанной сфере, законодатель не все стремится их решать, чем способствует увеличению критики в свой ад-

рес. Более того, правоприменительная, в том числе судебная практика по рассматриваемой теме также неоднозначна.

В 2011 г. в Закон о воинской обязанности и военной службе были внесены дополнения в виде ст. 51.1, определяющей порядок применения к военнослужащим взысканий за коррупционные правонарушения¹. На тот момент производство по

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в

дисциплинарным проступкам, совершаемых военнослужащими, уже подробно регулировалось гл. III Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Такая несогласованность законодателя, по нашему мнению, объясняется тем, что указанная ст. 51.1 Закона о воинской обязанности и военной службе должна была соответствовать единому порядку привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения для всех видов государственной службы. Ведь аналогичными нормами Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ были дополнены законодательные акты о всех иных видах госслужбы. Однако при этом не было принято во внимание то, что в отличие от других видов государственной службы в военном законодательстве по данному вопросу действуют два Федеральных закона: «О воинской обязанности и о военной службе» и «О статусе военнослужащих». Нормы о дисциплинарной ответственности содержатся во втором из названных нормативно-правовых актов, в то время как первый Федеральный закон прямого отношения к дисциплинарной ответственности военнослужащих не имеет. В связи с данными обстоятельствами вполне оправданным выглядит предложение А.А. Азовцева и В.М. Корякина о том, чтобы положения ст. 51.1 Закона о воинской обязанности и военной службе перенести в гл. III Закона о статусе военнослужащих¹.

Другая особенность рассматриваемых нововведений заключается в том, что если органами военного управления устанавливался факт совершения военнослужащим какого-либо правонарушения, предусмотренного подп. «д.1» и «д.2» ст. 51 Закона о воинской обязанности и о военной службе, то такой военнослужащий подлежал безусловному увольнению с военной службы

связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции».

¹ Азовцев А.А., Корякин В.М. Особенности дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2020. № 1. С. 16—22.

в связи с утратой доверия. Под воздействием то ли многочисленных публикаций², то ли правоприменительной практики, но так или иначе, поняв «крутизну» такого подхода, законодатель уже через три года значительно смягчил свою позицию по данному вопросу. С 1 января 2015 г. действует новая редакция ст. 51.1 Закона о воинской обязанности и о военной службе, позволяющая применять к военнослужащему, совершившему коррупционное правонарушение, кроме досрочного увольнения с военной службы, также и выговор. При этом последнее взыскание может применяться при наличии одновременно двух условий:

- 1) малозначительность совершенного коррупционного правонарушения;
- 2) наличие рекомендации аттестационной комиссии, принятой по результатам рассмотрения данного правонарушения.

При рассмотрении указанной новеллы законодательства о военной службе возникает вполне резонный вопрос о том, почему законодатель из довольно большого перечня возможных мер дисциплинарного воздействия на военнослужащих ограничился только двумя — выговором и досрочным увольнением с военной службы.

Так, анализируя нормативно-правовое регулирование профессиональной служебной (трудовой) деятельности гражданских госслужащих и служащих иных видов гос-

² См., напр.: Бараненкова И.В. О некоторых проблемах привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2014. № 7; Бараненкова И.В., Миронов О.И. Особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения // Там же. 2012. № 8; Корякин В.М. О порядке применения к военнослужащим взысканий за коррупционные правонарушения // Там же. № 5; Пленкин Н.А., Корякин В.М. Увольнение с военной службы как санкция за коррупционное правонарушение: проблемы правоприменения // Там же. 2014. № 9; Корякин В.М., Харитонов В.С. О поощрении лиц, содействующих раскрытию коррупционных преступлений // Там же. 2019. № 7 (264). С. 64—69; Смирнов Д.В., Харитонов С.С. О подходах военных судов к конфискации имущества за коррупционные преступления // *Военно-юридический журнал*. 2021. № 8. С. 17—20 и др.

службы, И.В. Бараненкова¹ пришла к выводу о том, что дисциплинарные взыскания за коррупционные проступки во всех видах государственной службы, такие же, как и за «обычные» дисциплинарные проступки, т.е. отличаются определенным разнообразием и включают в себя: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном должностном (служебном) соответствии и др.

В данном случае и Верховному Суду Российской Федерации очевидно, что примененное дисциплинарное взыскание должно быть соразмерно характеру и тяжести совершенного проступка, а также степени вины военнослужащего. А это возможно только при применении различных видов дисциплинарных взысканий, отличающихся по степени тяжести². Также необходимо согласиться с В.М. Корякиным в том, что «данная ситуация требует своего нормативного разрешения, поскольку в отношении военнослужащих, совершивших коррупционные правонарушения, командир-единоначальник должен обладать всей полнотой предоставленных ему прав на применение дисциплинарных взысканий»³.

При решении данных вопросов, по нашему мнению, стоит прислушаться к И.В. Бараненковой, предлагающей в военном законодательстве применить те же подходы, как и в законодательстве о других видах государственной службы. Суть её предложений состоит в необходимости расширения перечня видов дисциплинарных взысканий за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязан-

ностей, установленных в целях противодействия коррупции⁴.

Мы предлагаем определить, что помимо увольнения с военной службы в связи с утратой доверия, к военнослужащему за совершение коррупционного правонарушения при наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих дисциплинарную ответственность, может быть применено любое иное взыскание, предусмотренное Законом о статусе военнослужащих. Кроме того, обязательно необходимо законодательное разрешение проблемы отсутствия в законодательстве о военной службе и о статусе военнослужащих разъяснения понятия «малозначительность совершенного коррупционного правонарушения», которое в нынешней редакции носит довольно субъективный характер.

В то же время на практике воинские должностные лица при рассмотрении изучаемых вопросов в настоящее время пользуются критериями привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения, изложенными в письме Минтруда России от 21 марта 2016 г.⁵ В данном документе вполне подробно и грамотно обобщены результаты мониторинга применения дисциплинарных взысканий в случаях несоблюдения государственными (муниципальными) служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов и (или) неисполнения ими обязанностей, установленных законодательством о противодействии коррупции. Проведенный в данном письме анализ правоприменительной практики показывает, какие деяния государственных (муниципальных) служащих не образуют состав коррупционного проступка, какие обстоятельства являются отягчающими и смягчающими

¹ Бараненкова И.В. Особенности применения к военнослужащим дисциплинарных взысканий за коррупционные правонарушения (может ли идти один в ногу, а остальные — нет?) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 7. С. 3—4.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

³ Корякин В.М. Либо увольнение, либо выговор: альтернативы нет? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 4.

⁴ Бараненкова И.В. Указ. соч. С. 4—5.

⁵ Письмо Минтруда России от 21 марта 2016 г. № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» (вместе с Обзором практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции).

при совершении соответствующего нарушения требований законодательства о противодействии коррупции, а также выявлены наиболее распространенные случаи, в которых применялось взыскание в виде увольнения служащего с государственной (муниципальной) службы в связи с утратой доверия. Кроме того, отдельно в указанном письме Минтруда России представлены для применения на практике обзоры ситуаций, которые расценивались как значительные проступки (влекущие увольнение служащего в связи с утратой доверия), как малозначительные и как несущественные проступки (влекущие применение других взысканий). Использование рекомендаций из данного документа вполне целесообразно воинскими должностными лицами, однако необходимо учитывать то обстоятельство, что конкретные денежные суммы, там указанные, были актуальны на тот момент без учета инфляции. Отметим, что в данном документе 2016 г. идет речь о нескольких видах взысканий, предусмотренных законом для государственных (муниципальных) служащих в случае совершения ими коррупционных правонарушений, не являющихся уголовно-наказуемыми.

Далее отметим, что в рассматриваемых положениях Закона о воинской обязанности и о военной службе содержится еще одно противоречие — данный закон относит к числу взысканий за коррупционные правонарушения увольнение военнослужащего с военной службы в связи с утратой доверия и увольнение в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей антикоррупционного характера. Однако в перечне дисциплинарных взысканий, приведенном в ст. 28.4 Закона о статусе военнослужащих и в гл. 4 ДУ ВС РФ, такие взыскания не указаны, а предусмотрено только дисциплинарное взыскание «досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта». Хотя любой факт совершения военнослужащим коррупционного правонарушения можно квалифицировать как частный случай нарушения условий контракта, однако с учетом того, что в ст. 51 Закона о воинской обязанности и о военной службе увольнение с военной службы

в связи с утратой доверия и в связи с несоблюдением запретов и ограничений определено в качестве самостоятельной меры дисциплинарного воздействия. Поэтому в целях универсализации и согласованности норм законодательства о военной службе предлагается дополнить ст. 28.4 Закона о статусе военнослужащих данными основаниями увольнения с военной службы как самостоятельными дисциплинарными взысканиями.

Заслуживающим отдельного внимания является вопрос о необходимости квалификации коррупционного дисциплинарного проступка в качестве грубого проступка. В Законе о воинской обязанности и о военной службе, основываясь на повышенную общественную опасность рассматриваемых правонарушений, законодатель определил необходимость увольнения с военной службы каждого военнослужащего, который не докажет малозначительность своего коррупционного деяния и за которого не «заступится» орган военного управления. Однако эти деяния не отнесены к категории грубых дисциплинарных проступков, перечень которых периодически обновляется. В результате получается, как отметил Р.В. Иванов, «... что, например, опоздание на службу продолжительностью более 4 часов или утрата удостоверения личности квалифицируется законодателем как более тяжкий дисциплинарный проступок, нежели нарушение требований законодательства о противодействии коррупции. Парадокс данной ситуации очевиден»¹.

В связи со сказанным вполне резонно предложение А.А. Азовцева и В.М. Корякина о том, чтобы совершение коррупционного правонарушения включить в перечень грубых дисциплинарных проступков, установленных п. 2 ст. 28.4 Закона о статусе военнослужащих.

Также надо отметить и другие ошибки в антикоррупционных нормах Закона о воинской обязанности и о военной службе. В

¹ Иванов Р.В. О совершенствовании порядка привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 5. С. 117—120.

частности, некорректной является формулировка п. 1 и 2 ст. 51.1 данного Закона: «Взыскания, предусмотренные подпунктами "д.1" и "д.2" пункта 1 и подпунктом "е.1" пункта 2 статьи 51 настоящего Федерального закона ...». Указанными пунктами предусмотрены не взыскания, а основания увольнения. Причем при подобном подходе, исходя из существующей формулировки, в указанных пунктах речь идет только об увольнении. Однако в этом случае это противоречит п. 3.1 ст. 51.1 Закона о воинской обязанности и о военной службе, где речь идет о «взыскании в виде выговора». Кроме того, в этом случае п. 2 ст. 51.1 данного Закона означает, что он применяется только при увольнении, что противоречит нормам антикоррупционного законодательства, не предусматривающим распространение указанного механизма привлечения к ответственности только на увольнения.

Более конкретизированные предложения по исправлению вышеуказанных ошибок в антикоррупционных нормах указанного Закона присутствуют в работах И.В. Бараненковой¹. Она в целях устранения указанных недостатков предлагает перечень установленных взысканий дополнить «увольнением в связи с утратой доверия», а основания увольнения, предусмотренные подп. «д.1» и «д.2» п. 1 и подп. «е.1» п. 2 ст. 51 Закона о воинской обязанности и о военной службе, перенести в виде перечня грубых нарушений антикоррупционного законодательства в ст. 28.5 Закона о статусе военнослужащих (дополнив её п. 2.1). Формулировки ст. 51.1 предлагается скорректировать, заменив словосочетание «Взыскания, предусмотренные подпунктами "д.1" и "д.2" пункта 1 и подпунктом "е.1" пункта 2 статьи 51 настоящего Федерального закона ...» словосочетанием «Взыскания, налагаемые за проступки, перечисленные в пункте 2.1 статьи 28.5 Федерального закона "О статусе военнослужащих" ...». А саму ст. 51.1

перенести в гл. III Закона о статусе военнослужащих (например, разместив ее после ст. 28.8, внося соответствующие отсылочные нормы в п. 1 ст. 28.8). Также заслуживает внимания предложение о том, что увольнение с военной службы может быть применено в случае повторного совершения любого из указанных коррупционных правонарушений в течение года после наложения дисциплинарного взыскания за первое правонарушение.

Помимо вышеуказанных недостатков в ст. 51.1 Закона о воинской обязанности и о военной службе содержится еще и неоднозначный пункт 8. По сути, в нем определено то, что, если в течение одного года со дня применения «выговора» за совершение коррупционного правонарушения военнослужащий не был подвергнут взысканию, за исключением увольнения с военной службы, он считается не имеющим взыскания.

Этот механизм автоматического снятия данного взыскания, характерен для большинства дисциплинарных взысканий, однако в Законе о воинской обязанности и о военной службе нет ни единого упоминания на возможность досрочного снятия (до истечения одного года) этого выговора. Это обстоятельство вызывает недоумение у многих, но только не у судей Верховного Суда Российской Федерации. Так Судебная коллегия по делам военнослужащих еще в 2017 г. в п. 14 Обзора практики рассмотрения военными судами дел о применении взысканий за коррупционные правонарушения² однозначно и без ссылок на судебную практику разъяснила, что срок действия взыскания «выговор за коррупционное правонарушение» составляет один год. Так же был пояснен порядок снятия такого взыскания — только истечением срока его действия. Тут налицо противоречие с положениями п. 5 ст. 28.4. Закона о статусе военнослужащих, устанавливающего, что порядок снятия дисципли-

¹ Бараненкова И.В. Дисциплинарная ответственность военнослужащих за коррупционные правонарушения: зарубежный опыт и возможность его реализации в России // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 12. С. 3—5.

² Обзор практики рассмотрения военными судами дел о применении взысканий за коррупционные правонарушения, предусмотренные Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (подп. «д1», «д2» п. 1, подп. «е1» п. 2 ст. 51, ст. 51.1).

нарных взысканий определяется общевоинскими уставами.

Анализ «выговора за коррупционное правонарушение» показывает, что, хотя он и называется также как самое «легкое» и наименее влияющее на правовое положение военнослужащего дисциплинарное взыскание, установленное военным законодательством, по факту это новый вид взыскания, имеющий следующие особенности:

— установлен особый порядок применения отдельным нормативно-правовым актом, изначально не имеющим прямого отношения к дисциплинарной ответственности военнослужащих;

— может налагаться только одним определенным в Законе о воинской обязанности и о военной службе должностным лицом, в подчинение которого входит военнослужащий, и при обязательном наличии рекомендации коллегиального органа управления;

— в законе, установившем данный вид взыскания, также отсутствует прямое указание на возможность его досрочного снятия, в связи с чем возникает неоднозначность в восприятии и необходимость дополнительных разъяснений.

При реализации дисциплинарного взыскания «выговор» за коррупционное правонарушение в нынешней редакции Закона о воинской обязанности и о военной службе возникает еще ряд дополнительных вопросов.

Например, как действовать должностным лицам воинской части, если в течении действия рассматриваемого взыскания наказанный военнослужащий совершит подвиг или другое отличие по службе? Его нельзя будет поощрить даже снятием ранее наложенного взыскания? Военнослужащему, к которому применено данное взыскание, необходимо на целый год забыть о повышении в должности, даже если по всем своим качествам он этого достоин и у командования имеется в этом необходимость? Что произойдет, если за год действия данной санкции на военнослужащего будет наложено еще какое-либо взыскание за нарушение воинской дисциплины? Например, он получит выговор от непосредственного начальника за опоздание на

службу или нарушение формы одежды. Тогда срок действия выговора за коррупционное правонарушение будет постоянным до увольнения военнослужащего с военной службы или пролонгирован на срок действия контракта? Однозначных ответов на эти вопросы в военном законодательстве пока нет.

Подводя итог, можно сделать выводы о том, что более десятилетия назад Законом № 58-ФЗ был установлен не только особый процесс применения к военнослужащим санкций за коррупционные правонарушения, не являющихся уголовными, но и появились в военном законодательстве новые взыскания, которые отсутствуют в Законе о статусе военнослужащих и в ДУ ВС РФ. А накопившиеся за это время проблемы и вопросы в правовом регулировании рассмотренной сферы дисциплинарных правоотношений военнослужащих до сих пор нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Введенный Законом о воинской обязанности новый вид взыскания — «выговор за коррупционное правонарушение», схожий по названию с содержащимся в ДУ ВС РФ «наименее строгим» взысканием, вводит в заблуждение военнослужащего к которому оно применяется. Реализация данного взыскания на столь длительный срок приводит к существенным ограничениям прав военнослужащего на материальное обеспечение, а в сочетании с невозможностью досрочного его снятия — может отрицательно повлиять на мотивацию добросовестного исполнения обязанностей военной службы.

В то же время для военнослужащих действующим законодательством установлена довольно строгая дисциплинарная ответственность за коррупционные правонарушения, не являющиеся уголовно-наказуемыми. Однако в силу сложности указанных норм их применение требует большой степени профессионализма, а также возлагает на воинских должностных лиц определенный «груз» моральной ответственности за судьбу военнослужащего. Противодействие коррупции не должно сводиться к формализму и к бездумным увольнениям, например, за опечатки в справках о доходах. Важно помнить о том,

что в противодействии коррупции главным является не наказание, а меры по её предупреждению.

Как представляется, применение вышеуказанных решений в совершенствовании механизма дисциплинарной ответственности военнослужащих поможет уменьшить коррупционные риски, субъективизм при привлечении виновных к ответственности и улучшить точность формулировок антикоррупционного законодательства, что имеет принципиальное практическое значение.

Библиография

1. Азовцев, А.А. Особенности дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими / А.А. Азовцев, В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 1. — С. 16—22.
2. Бараненкова, И.В. Дисциплинарная ответственность военнослужащих за коррупционные правонарушения: зарубежный опыт и возможность его реализации в России / И.В. Бараненкова // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2017. — № 12. — С. 2—8.
3. Бараненкова, И.В. О некоторых проблемах привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения / И.В. Бараненкова // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2014. — № 7. — С. 30—35.
4. Бараненкова, И.В. Особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения / И.В. Бараненкова, О.И. Миронов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2012. — № 8. — С. 18—22.
5. Бараненкова, И.В. Особенности применения к военнослужащим дисциплинарных взысканий за коррупционные правонарушения (может ли идти один в ногу, а остальные — нет?) / И.В. Бараненкова // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2017. — № 7. — С. 2—6.
6. Иванов, Р.В. О совершенствовании порядка привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные правонарушения / Р.В. Иванов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2018. — № 5. — С. 117—120.
7. Корякин, В.М. Либо увольнение, либо выговор: альтернативы нет? / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2015. — № 4. — С. 34—37.
8. Корякин, В.М. О порядке применения к военнослужащим взысканий за коррупционные правонарушения / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2012. — № 5. — С. 2—3.
9. Корякин, В.М. О поощрении лиц, содействующих раскрытию коррупционных преступлений / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение.* — 2019. — № 7 (264). — С. 64—69.
10. Пленкин, Н.А. Увольнение с военной службы как санкция за коррупционное правонарушение: проблемы правоприменения / Н.А. Пленкин, В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2014. — № 9. — С. 17—19.
11. Смирнов Д.В. О подходах военных судов к конфискации имущества за коррупционные преступления / Д.В. Смирнов, С.С. Харитонов // *Военно-юридический журнал.* — 2021. — № 8. — С. 17—20.

О некоторых вопросах, связанных с реализацией права граждан Российской Федерации на отсрочку от призыва на военную службу на основании указов Президента Российской Федерации

© Холиков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, ФГБНИУ
«Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации»

© Лапина Ольга Анатольевна,
соискатель ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются положения российского законодательства, связанные с реализацией прав граждан Российской Федерации на отсрочку от призыва на военную службу на основании указов Президента Российской Федерации, а также особенности, связанные с этим правом.

Ключевые слова: законность, указы Президента Российской Федерации, воинская обязанность, призывники, призывная комиссия, отсрочка от призыва на военную службу.

On some issues related to the implementation of the right of citizens of the Russian Federation to delay from conscription on the basis of decrees of the President of the Russian Federation

© Kholikov I.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Institute of
Legislation and Comparative Law under the Gov-
ernment of the Russian Federation

© Lapina O.A.,
Colonel, Prince Alexander Nevsky Military Univer-
sity of the Ministry of Defense of the Russian Feder-
ation

Abstract. The article discusses the provisions of Russian legislation related to the implementation of the rights of citizens of the Russian Federation to defer conscription on the basis of decrees of the President of the Russian Federation, as well as the features associated with this right.

Keywords: legality, decrees of the President of the Russian Federation, military duty, conscripts, draft commission, deferral from conscription.

Конституция Российской Федерации определяет, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации, реализуемая в форме призыва граждан Российской Федерации мужского пола на военную службу в соответствии с Федеральным законом от 28

марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹.

---

¹ Холиков И.В., Лапина О.А. Проблемные вопросы законодательного обеспечения явки граждан Российской Федерации на мероприятия, связанные с призывом на военную службу // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 46.

Защита Отечества является конституционным долгом и обязанностью всех без исключения российских граждан. Данное положение ст. 59 Конституции Российской Федерации соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права¹.

Вместе с тем отдельные категории граждан имеют право на получение отсрочки от призыва на военную службу, а государство гарантирует реализацию этого права.

Количество оснований для отсрочек постоянно увеличивается. Об этом свидетельствует тот факт, что, если в период действия Закона СССР от 12 октября 1967 г. № 1950-VII «О всеобщей воинской обязанности» с 1967 по 1992 годы насчитывалось девять таких оснований, в соответствии с Законом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4455-1 «О воинской обязанности и военной службе» (1993—1998 гг.) количество оснований для отсрочек увеличилось до девятнадцати, то в 1998 г. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» содержал уже двадцать три основания для предоставления отсрочки².

Справедливости ради нужно отметить, что в связи с сокращением срока военной службы по призыву с двух лет до одного года в 2008 г. в соответствии с Федеральным законом от 6 июля 2006 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением срока военной службы по призыву» количество оснований для предоставления отсрочки уменьшилось до семнадцати.

Однако на протяжении последних нескольких лет представители законодатель-

ной власти систематически выступают с явно популистскими законодательными инициативами по решению социальных проблем отдельных категорий граждан не за счет повышения их уровня благосостояния и качества жизни, а за счет неисполнения гражданами конституционного долга по защите Отечества.

В настоящее время с учетом изменений действующего законодательства число оснований для отсрочек возросло до тридцати двух.

Такое положение вещей несомненно отрицательно влияет на укомплектованность Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов личным составом, поэтому все чаще по инициативе силовых структур звучат непопулярные среди граждан призывного возраста предложения о сокращении оснований для предоставления отсрочек.

Однако неизменной остается норма, наделяющая правом Президента Российской Федерации как Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации предоставлять отсрочки как определенным категориям граждан, так и отдельным лицам. Подобные решения Глава государства принимает в целях сохранения квалифицированных кадров в той или иной сфере деятельности.

В период с 1993 по 2008 г. действовало 15 указов Президента Российской Федерации, введших основания для отсрочки для сотрудников институтов академии наук, служащих правоохранительных органов, представителей российского искусства и т.д., однако в связи с переходом в 2008 г. на один год военной службы по призыву действие нормы Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», наделяющей Президента Российской Федерации правом предоставлять отсрочки гражданам, приостановлено, но при этом сама норма сохранена.

Поэтому на практике отсрочки, предоставляемые по указу Президента Российской Федерации, являлись до недавнего времени в большей степени теоретическим, чем практическим явлением.

¹ Холиков И.В., Лапина О.А. Правовые основы исполнения воинской обязанности гражданами Российской Федерации, в том числе имеющими двойное гражданство, прошедшими военную службу в иностранном государстве // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 5(274). С. 12—17.

² Антипьева Н.В. Проблемы правового регулирования представления отсрочек от призыва на военную службу // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 136—145.

Вместе с тем на сегодняшний день указами Президента Российской Федерации предоставлено право на получение отсрочки четырем категориям граждан. К ним относятся:

1. Граждане, окончившие образовательные организации среднего общего образования и среднего профессионального образования и принятые на работу на условиях полного рабочего дня по полученной специальности в научно-исследовательские подразделения Центра специальной техники ФСБ России, — на период работы в этих подразделениях (Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2001 г. № 678 «О предоставлении права на получение отсрочки от призыва на военную службу гражданам Российской Федерации, поступившим на работу в научно-исследовательские подразделения Центра специальной техники Федеральной службы безопасности Российской Федерации»);

2. Священнослужители, получившие духовный сан (звание) и занимающие должность в религиозных организациях или должность помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими, — на время исполнения обязанностей по указанной должности, при условии, что они прошли (проходят) специальную подготовку, необходимую для исполнения обязанностей по должности помощника командира по работе с верующими военнослужащими (Указ Президента Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу»);

3. Старообрядцы, прибывшие из-за рубежа на постоянное место жительства на территории субъектов Российской Федерации в составе Дальневосточного федерального округа и осуществляющие трудовую деятельность в крестьянских (фермерских) хозяйствах (Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2020 г. № 256 «О предоставлении старообрядцам права на получение отсрочки от призыва на военную службу»);

4. Специалисты в области информационных технологий, работающие в ак-

кредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий (Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации»).

Здесь бы хотелось обратить внимание на некоторые особенности, возникающие при реализации перечисленных выше актов Президента Российской Федерации, рассмотрим подробно каждый из них.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2001 г. № 678 граждане вправе получить отсрочку при соблюдении следующих условий: окончить образовательные организации среднего общего образования и среднего профессионального образования, трудоустроиться после окончания указанных образовательных организаций в научно-исследовательские подразделения Центра специальной техники ФСБ России, работать на условиях полного рабочего дня по полученной специальности и попасть в установленную квоту не более 100 человек в год, но всего не свыше 500 человек. На сегодняшний день отсрочкой по данному основанию пользуются около 50 человек.

ФСБ России за месяц до начала очередного призыва на военную службу представляет в Минобороны России список граждан, отвечающих установленным требованиям.

Данный список граждан доводится до военных комиссариатов муниципальных образований, в которых они состоят на воинском учете. При этом отсрочка предоставляется решением призывной комиссии при личной явке граждан на ее заседание. Граждане, которым уже предоставлена отсрочка, обязаны ежегодно, в сентябре-октябре, представлять в военный комиссариат справку с места работы.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 969 священнослужители вправе получить отсрочку при соблюдении следующих условий: иметь духовный сан (звание), замещать соответствующую должность в религиозной организации или должность помощника командира (начальника) по

работе с верующими военнослужащими при условии, что они прошли (проходят) специальную подготовку, и попасть в установленную квоту до 150 человек в год. На сегодняшний день отсрочкой по данному основанию пользуются около 170 священнослужителей.

При предоставлении отсрочки следует обратить внимание на то, что священнослужитель должен занимать должность именно в религиозной организации, а не в религиозном объединении. На первый взгляд при практической реализации этой нормы разница между религиозными объединениями и религиозными организациями неочевидна. Вместе с тем в соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций. Существенное отличие заключается в том, что религиозная группа осуществляет свою деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица, а религиозная организация имеет государственную регистрацию и статус юридического лица. Таким образом, именно наличие статуса юридического лица у религиозной организации является обязательным требованием для предоставления отсрочки священнослужителю.

Порядок предоставления священнослужителям права на отсрочку установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1004 «Об утверждении Правил предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правил прохождения священнослужителями специальной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими».

Для предоставления отсрочки священнослужителю религиозная организация обращается с просьбой в Правительство Российской Федерации за три месяца до начала очередного призыва граждан на военную службу. К просьбе религиозной ор-

ганизации прилагается список священнослужителей, которым предлагается предоставить отсрочку. При этом в случае, если необходимо распределить установленную квоту между религиозными организациями, то просьбы религиозных организаций рассматриваются на заседании Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. Решение о распределении указанной квоты принимается Правительством Российской Федерации.

В Минобороны России списки священнослужителей направляются за один месяц до начала очередного призыва на военную службу.

Священнослужитель, которому предоставлена отсрочка от призыва на военную службу, ежегодно в сентябре представляет в военный комиссариат, в котором он состоит на воинском учете, выданную религиозной организацией справку, подтверждающую его духовный сан (звание), должность, которую он занимает, и место службы (работы).

При этом священнослужитель может в добровольном порядке пройти специальную подготовку, необходимую для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими. Специальная подготовка заключается в изучении священнослужителями норм международного гуманитарного права, в рамках которого они имеют особый статус по аналогии с медицинским персоналом¹, состава и задач Вооруженных Сил Российской Федерации, положений общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, определяющих права и обязанности военнослужащих, а также регламентирующих

¹ Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств : Сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара, Оренбург, 28 мая 2014 г. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 294—307.

вопросы социальной защиты военнослужащих и членов их семей, организации повседневной деятельности соединений и воинских частей, порядка проведения религиозных обрядов в условиях вооруженных конфликтов (боевых действий), миротворческих операций, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также в процессе боевой подготовки войск (сил).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2020 г. № 256 старообрядцы вправе получить отсрочку при условии, что такие лица имеют статус участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и осуществляют трудовую деятельность в крестьянских (фермерских) хозяйствах, расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. По итогам осеннего призывной кампании 2021 г. правом на отсрочку воспользовался один старообрядец.

При этом срок действия данного указа Президента Российской Федерации имеет временные рамки (2020—2025 гг.) и связан с реализацией Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р, целью которой является содействие переселению соотечественников, проживающих за рубежом, в том числе соотечественников-старообрядцев, в регионы Дальнего Востока на постоянное место жительства.

Порядок предоставления старообрядцам права на отсрочку установлен постановлением Правительства Российской Федерации 23 июля 2020 г. № 1098 «Об утверждении Правил предоставления старообрядцам права на получение отсрочки от призыва на военную службу», который схож с порядком предоставления данного права священнослужителям, но с некоторыми особенностями.

В данном случае с просьбой о предоставлении старообрядцам отсрочки обращается Митрополит Московский и всея

Руси Русской православной старообрядческой церкви.

При этом гражданину, включенному в список старообрядцев, отсрочка предоставляется призывной комиссией на срок действия у гражданина статуса участника Государственной программы. Кроме того, старообрядец обязан представить в военный комиссариат выписку из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей о государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства, выданную не более чем за один месяц до представления, а также свидетельство участника Государственной программы.

Таким образом, на сегодняшний день количество граждан, пользующихся отсрочкой по перечисленным указам Президента Российской Федерации, незначительно и составляет около 220 человек.

Что касается последнего указа Президента Российской Федерации, то он издан в связи с введенными санкциями со стороны зарубежных стран, в результате чего иностранные ИТ-компании массово покидают российский рынок. Так, по оценке Российской ассоциации электронных коммуникаций, за февраль-апрель 2022 г. Россию покинуло 170 тыс. ИТ-специалистов. Причинами стало затянувшаяся пандемия новой коронавирусной инфекции, ставшей одним из наиболее серьезных глобальных вызовов современности¹, и санкции, введенные западными странами. Пугает молодых людей отсутствие возможности работать на иностранные компании с использованием иностранных программ и оборудования².

Кроме того, ведущие мировые разработчики программного обеспечения отказываются от поставок российским пользователям нового софта, а Российскую Федерацию отключают от международных цифровых систем обмена информацией.

¹ См. подробнее: Холиков И. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2(59). С. 27—40.

² https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-22_poslableniya_ne_pomogayut (дата обращения: 20.04.2022).

Учитывая, что российская экономика и система государственного управления без электронных систем работать не смогут, профессия специалиста в области информационных технологий приобретает стратегическое значение.

В таких условиях Президент Российской Федерации вводит новую отсрочку для лиц, занятых в этой сфере.

Механизм реализации этого права определен в постановлении Правительства Российской Федерации от 28 марта 2022 г. № 490 «Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки на военную службу гражданам Российской Федерации, работающим в аккредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий».

Согласно данным правилам реализовать право на отсрочку смогут не все граждане, работающие в сфере информационных технологий, а лишь те специалисты, которые имеют высшее образование по специальностям и направлениям подготовки, изложенным в приложении к указанному постановлению, всего их 75.

Но не нужно думать, что это условие создаст привилегированное положение для граждан, окончивших образовательные организации высшего образования по сравнению с выпускниками образовательных организаций среднего профессионального образования. Здесь есть логическая причина для предоставления отсрочки именно гражданам с высшим образованием.

Учитывая, что Президентом Российской Федерации поставлена задача обеспечить ускоренное развитие отрасли информационных технологий, а в соответствии со ст. 68 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» среднее профессиональное образование имеет целью подготовку специалистов среднего звена, поэтому Правительство Российской Федерации установило наличие только высшего образования как обязательное условие для предоставления отсрочки ИТ-специалистам.

Кроме того, еще одним требованием для предоставления гражданам отсрочки является трудоустройство в аккредитованных организациях по трудовому договору на условиях нормальной продолжительности рабочего времени не менее одиннадцати месяцев в течение года, предшествующего дате начала очередного призыва, либо без предъявления требований к указанному периоду работы при заключении трудового договора не позднее одного года с даты окончания обучения.

Аккредитацию организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, а также реестр этих организаций ведет Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации¹.

При этом необходимо напомнить, что решение о предоставлении отсрочки будет принято на заседании призывной комиссии, на основании документов, содержащихся в личном деле призывника и представленного Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации списка граждан, отвечающих установленным требованиям.

Результаты реализации норм указа Президента Российской Федерации будут ясны только по итогам весеннего призыва граждан на военную службу.

Пока сложно говорить о том, насколько отсрочка будет полезной, но в любом случае государство создало благоприятные условия для работы ИТ-специалистов на территории Российской Федерации.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в современных условиях внесение кардинальных изменений в сложившуюся сбалансированную систему отсрочек путем изменения Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» повлечет за собой необходимость проведения огромной работы органов государственной власти на различных уровнях. Таким образом, издание нормативного правового акта Президента Российской Федерации представляется наиболее оптимальным способом для оперативного ре-

¹ <https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/1/> (дата обращения: 17.04.2022).

шения возникающих проблем в вопросах предоставления отдельным гражданам Российской Федерации отсрочки от призыва на военную службу.

Библиография

1. Антипьева, Н.В. Проблемы правового регулирования предоставления отсрочек от призыва на военную службу / Н.В. Антипьева // Журнал российского права. — 2005. — № 1. — С. 136—45.

2. Холиков, И.В. Правовые основы исполнения воинской обязанности гражданами Российской Федерации, в том числе имеющими двойное гражданство, прошедшими военную службу в иностранном государстве / И. В. Холиков, О. А. Лапина // Право в Вооруженных Силах — военноправовое обозрение. — 2020. — № 5(274). — С. 12—17.

3. Холиков, И.В. Проблемные вопросы законодательного обеспечения явки граждан Россий-

ской Федерации на мероприятия, связанные с призывом на военную службу / И.В. Холиков, О.А. Лапина // Вестник военного права. — 2019. — № 2. — С. 45—49.

4. Холиков, И.В. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности / И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. — 2020. — № 2(59). — С. 27—40. — DOI 10.20542/2307-1494-2020-2-27-40.

5. Холиков, И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях / И.В. Холиков // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств : Сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара, Оренбург, 28 мая 2014 г. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. — С. 294—307.

Судебная, прокурорская, правоохранительная деятельность

Актуальные вопросы применения информационных технологий в деятельности военных судов Российской Федерации

© **Мартirosян Владислав Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права, гражданского и арбитражного процесса ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

© **Стяпшин Александр Сергеевич**, курсант прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы применения информационных технологий в деятельности военных судов Российской Федерации, раскрыта теоретико-правовая основа регулирования документационного обеспечения деятельности военных судов, приведена технология ведения электронного делопроизводства, выявлены недостатки в электронном документообороте судов, а также существующие проблемы правоприменительной практики в указанной области.

Ключевые слова: военные суды, электронный документооборот, информационные технологии, доказательство, оформление электронных документов.

Topical issues of the use of information technologies in the activities of military courts of the Russian Federation

© **Martirosyan V.S.**, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Labor Law, Civil and Arbitration Proceedings of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© **Styapshin A.S.**, cadet of the Prosecutor's and Investigative Faculty of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article deals with topical issues of the use of information technologies in the activities of military courts of the Russian Federation, reveals the theoretical and legal basis for regulating the documentation support of military courts, provides the technology of electronic record keeping, identifies shortcomings in the electronic document circulation of courts, as well as existing problems of law enforcement practice in this area.

Keywords: military courts, electronic document management, information technologies, proof, registration of electronic documents.

9 февраля 2022 г. глава государства принял участие в совещании судей судов

общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, на котором были

подведены итоги работы российских судов в 2021 г. и поставлены перспективные задачи на текущий год.

Как отметил президент нашей страны В.В. Путин, одной из приоритетных задач в настоящее время является информатизация судов. Период пандемии ускорил этот процесс. В декабре 2021 г. принят федеральный закон, который предусматривает дистанционное участие в судебных заседаниях, а также возможность пользоваться процессуальными правами, получать и отправлять документы в электронном виде.

Наша судебная система должна быть полностью готова к повсеместному применению современных технологий. В техническом оснащении наши суды на высоком уровне готовы к судебной защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

В свою очередь, председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев подчеркнул, что в период пандемии повысилась востребованность электронных ресурсов судов. В прошлом году в суды подано в электронном виде пять миллионов процессуальных документов. Это на два миллиона больше, чем в 2020 г. Количество обращений пользователей в Государственной автоматизированной системе «Правосудие» превысило 3 млрд. 700 млн. Судами направлено гражданам более 20 млн. SMS-уведомлений о времени и месте судебных заседаний. С использованием видео-конференц-связи проведено 290 тыс. судебных заседаний, граждане участвовали в судебных заседаниях при помощи веб-конференций с личного компьютера и других устройств.

Были реализованы меры по дальнейшему совершенствованию деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного и апелляционного военных судов¹.

¹ Стенограмма совещания судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-soveschaniya-sudei-sudov-obschei-yurisdikcii-i-arbitrazhnyh-sudov-09-02-2022.html>

Однако, несмотря на то, что электронный документооборот в судебном процессе значительно облегчает деятельность всех лиц, участвующих в деле, он не может полностью заменить собой бумажные носители. Необходимо рассмотреть причины данного явления и выяснить, можно ли этого избежать.

Еще одной важной особенностью является то, что юридическая сила документа в электронном виде — более сложная категория. Такие документы обязаны соответствовать как общим требованиям, которые предъявляются к любым юридически значимым документам, так и специальным. Поэтому необходимо рассмотреть специальные требования к электронным документам.

Как известно, с 1 января 2017 г. вступили в силу изменения в гражданское процессуальное законодательство, согласно которым все граждане могут подавать иски, заявления, ходатайства, жалобы, представления, а также другие документы в электронной форме во все суды Российской Федерации².

Вопрос электронного документооборота регулируется постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Электронным документом признается документ, который создан в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, который установлен законодательством Российской Федерации.

Процедуру подачи документов регулирует приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов

² Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».

в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

Судебную власть в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, осуществляют военные суды¹.

Делопроизводство в военных судах ведется в соответствии с приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 9 октября 2014 г. № 219 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в военных судах».

Согласно пунктам 2.1.4 — 2.1.6 данного приказа, ведение учета судебных дел и материалов осуществляется в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» (далее по тексту — ГАС «Правосудие»). В эту систему заносятся сведения о движении судебных дел и материалов.

Также на официальном сайте суда, информационных стендах, в информационных киосках информации размещаются сведения о деятельности суда, тексты судебных актов и списки дел, назначенных к рассмотрению.

П. 2.3 приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 2 ноября 2015 г. № 335 «Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и органов судейского сообщества в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и Регламента размещения информации о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» определяет структурные подразделения и (или) должностных лиц, ответственных за:

— подготовку достоверной информации, отсутствие в ней сведений, содержащих государственную и иную охраняемую законом тайну, конфиденциальные сведения;

— обработку информации;

— замену в текстах судебных актов персональных данных участников судебного процесса;

— соблюдение в размещаемых материалах норм русского языка;

— непосредственное размещение информации в разделах и подразделах сайта, обеспечение безопасности информации, а также учет и хранение размещаемой информации.

Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» определяет понятие единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей как совокупность обеспечивающих информационное взаимодействие Верховного Суда Российской Федерации, федеральных судов, мировых судей, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента, баз данных и банков данных, технологий их ведения и использования, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, функционирующих на основе единых принципов и общих правил.

Таким образом, необходимо отметить, что создана необходимая нормативная правовая основа для осуществления электронного документооборота и информационного обеспечения всей судебной системы Российской Федерации, в том числе и военных судов.

Общеизвестно, что основу информационной среды любого органа, организации или учреждения составляют документы. Ежедневно через них проходит большой объем документов, который требует соблюдения ряда обязательных делопроизводственных операций, начиная от вопросов, связанных с регистрацией входящих, исходящих и внутренних документов, заканчивая их уничтожением.

В этой связи необходимо констатировать, что без правильной организации ра-

¹ Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

боты невозможно справиться со всем потоком документов: быстро найти требуемый документ, проконтролировать его исполнение или обеспечить его сохранность.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий затронуло и сферу документационного обеспечения деятельности военных судов.

Юридическая сила документа в электронном виде — довольно сложная категория. Как было сказано ранее, документы должны соответствовать как общим требованиям, которые предъявляются ко всем документам, так и специальным.

К общим требованиям относится порядок заверения электронных документов. Электронные копии документов, приравниваются к бумажным копиям документов, если они заверены подписью уполномоченного лица (иногда с помощью печати, как дополнительное подтверждение составления).

Что касается специальных требований, то электронные документы должны соответствовать определенному формату, который прописан в законе (например, PDF, PNG и др.). Еще одним важным условием является то, что один документ должен быть одним файлом, определенного размера, как правило, не более 30 Мб; кроме того, в названии файла необходимо указывать наименование документа, а также количество его листов.

Запрещается использовать средства защиты от копирования, а также электронный документ подписывается усиленной квалифицированной подписью.

Что касается представления электронных доказательств в виде электронного документа, то документ распечатывается и заверяется электронной подписью.

К электронному образу (то есть скану) документа не предъявляются особые требования. Так, к примеру, документ можно заверить нотариально, хоть это и не предусмотрено законом, однако такой вариант удостоверения документа, как отмечают опытные юристы, повышает уровень доверия суда и других лиц к документу.

Такие дополнительные требования к электронным документам возникли не зря. Усиленный порядок составления элек-

тронных документов связан с тем, что электронный документ легче видоизменить (подделать), с помощью графических редакторов.

Порядок подачи документов в электронном виде регулируется на законодательном уровне. Документы подаются в электронном виде через личный кабинет пользователя, который расположен на интернет-портале ГАС «Правосудие». Процедура создания личного кабинета установлена в статье 3.1.2 упомянутого выше приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

При этом все документы должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью лица, который подает эти документы (либо же заявителя или его представителя) или в виде электронных образов документов, которые заверены простой электронной подписью.

Проблематикой данного вопроса является, во-первых, то, что о возможности электронной подачи документов в суд знает относительно неширокий круг населения, в который в основном входят профессиональные юристы.

Кроме того, нормативная база электронного документооборота постоянно развивается в условиях цифровизации современного мира, поэтому, нет никакой сложившейся практики по данному вопросу.

В.Ф. Борисова и С.В. Афанасьев отмечают, что необходимо расширить электронный документооборот. Так, данная процедура не должна ограничиваться лишь подачей электронных документов, она должна содержать формы фиксации процессуального реагирования суда на обращение¹.

Во-вторых, обычный гражданин в большинстве случаев сталкивается с проблемой получения электронной подписи, которая необходима для подачи электронных документов.

¹ Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. Правовое регулирование электронного обращения в суд по гражданским делам: современное состояние и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. № 1. С. 23.

Как известно, стоимость получения электронной подписи начинается в среднем от 3 тыс. руб. и выдается на срок 12 месяцев в зависимости от вида подписи.

Для получения усиленной квалифицированной электронной подписи нужно собрать необходимый пакет документов и представить его в аккредитованный удостоверяющий центр.

Сотрудник центра после установления личности и проверки документов, записывает сертификат и ключи электронной подписи на сертифицированный электронный носитель — электронную карту или флеш-накопитель.

Для некоторых граждан нашей страны (пенсионеры, военнослужащие по призыву) такие затраты неразумны и им проще подать документы в бумажном виде. Кроме того, граждане в возрасте (пенсионеры) не всегда могут пользоваться современными технологиями, компьютером, интернетом, средствами печати, копирования, сканирования информации. Военнослужащие по призыву не всегда имеют возможность пользоваться, в связи с режимным статусом воинских частей и военных организаций, электронными средствами передачи информации и интернетом.

Эти обстоятельства, по мнению авторов, ограничивают в правах указанную категорию граждан, нарушают принцип доступности правосудия, предусмотренный каждому гражданину России статьей 46 Конституции Российской Федерации. В период пандемийных ограничений граждане были лишены возможности сдать документы, как это было раньше, лично в суд. Процессуальные документы можно было направить в суд и участникам процесса только через Почту России, что требует дополнительных материальных затрат, либо направить в электронном виде через сайт суда, при наличии усиленной квалифицированной подписи, регистрации на сайте государственных услуг.

Очевидно, что с одной стороны, современные информационные технологии расширяют возможности осуществления правосудия, с другой стороны, создают

дополнительные сложности для отдельных граждан нашей страны.

В этой связи, многие исследователи высказываются за введение электронного порядка рассмотрения производства по спорам о взыскании платы за жилое помещение и коммунальные услуги, которое решается посредством судебного приказа.

Кроме того, целесообразно ввести новый вид доказательств — информационный. Такой вопрос является дискуссионным, поскольку неясно, в какую группу следует отнести электронные документы как доказательство. Непонятным является такая вариация, при которой доказательство имеет не только текст, но и видео сопровождение, графику и пр. Поэтому некоторые процессуалисты относят такие доказательства к вещественным¹.

Кроме того, поскольку в законодательстве отсутствует понятие «электронный документ», это порождает другую проблему — отсутствие правил оценки таких электронных документов.

Суды зачастую рассматривают и оценивают такие документы на свое усмотрение, в рамках правил оценки доказательств в целом.

В большинстве случаев, если достоверность электронного документа не оспаривается сторонами в процессе, то скорее всего он будет принят судом в качестве доказательств (при соблюдении общих и специальных требований). В случае же возникновения спора необходимо будет доказывать (или опровергать) обстоятельства, которые, например, связаны с его подписанием или получением.

Еще одной проблемой является тот факт, что электронная подпись не гарантирует на сто процентов подлинности и достоверности документа. В судах может возникнуть спор насчет ее действительности и правомерности использования. Однако, несмотря на это, наличие электронной подписи приравнивает документ к бумажному аналогу.

¹ Седельникова Д.В. Проблемы применения электронного доказательства в гражданском и арбитражном процессах // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2. С. 33.

Подводя итог, можно сказать, что данное нововведение является положительным для дальнейшего развития электронного документооборота в военных судах. Электронный документооборот расширил возможность реализации гражданами одного из важнейших конституционных прав на судебную защиту.

Однако, несмотря на положительные стороны цифровизации судебной системы, необходимо сказать, что существует ряд проблем, которые препятствуют реализации в полном объеме данного института; например, отсутствие необходимой инфраструктуры, ограничение отдельной катего-

рии граждан ко всем возможностям правосудия, отсутствие понятийного аппарата «электронного документа» и т.д.

Библиография

1. Афанасьев, С.Ф. Правовое регулирование электронного обращения в суд по гражданским делам: современное состояние и перспективы / С.Ф. Афанасьев, В.Ф. Борисова // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 5: Юриспруденция. — 2016. — № 1.

2. Седельникова, Д.В. Проблемы применения электронного доказательства в гражданском и арбитражном процессах / Д.В. Сидельникова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2017. — № 2. — С. 31—34.

Тактические приемы прокурора: понятие, основания применения и источники происхождения

© Махьянова Римма Мубаракновна,
кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры
ФГКВБОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье обоснованы: целесообразность совершенствования профессионального опыта прокуроров посредством использования тактики надзорной деятельности и разработанных на ее основе новых методов и приемов, основанных на науке и положительном опыте надзорной деятельности; раскрыто содержание предмета тактики надзорной деятельности и природа тактических приемов прокурора, основания их использования; предложена авторская классификация тактических приемов прокурора в соответствии с источниками их происхождения.

Ключевые слова: надзорная деятельность органов прокуратуры; тактика надзорной деятельности; методика прокурорских проверок; тактические приемы прокурора.

Tactical techniques of the prosecutor: the concept, grounds for application and sources of origin

© Makhyanova R.M.,
Candidate of Law, Associate Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation

Annotation. The article substantiates: the expediency of improving the professional experience of prosecutors through the use of tactics of supervisory activity and new methods and techniques developed on its basis based on science and positive experience of supervisory activity; the content of the subject of tactics of supervisory activity and the nature of tactical techniques of the prosecutor, the grounds for their use are disclosed; the author's classification is proposed tactics of the prosecutor in accordance with the sources of their origin.

Keywords: supervisory activities of the prosecutor's office; tactics of supervisory activities; methods of prosecutorial inspections; tactical techniques of the prosecutor.

Прокурорская деятельность по своему содержанию является сложной и многогранной. Успешная и результативная профессиональная деятельность подразумевает организацию работы на научной основе. Это означает, что вся деятельность, включая и процесс ее организации должны основываться на современных и передовых достижениях, полученных в результате проведенных научных исследований и практических разработок.

Деятельность прокурорских работников имеет четкую организационно-правовую регламентацию, на основе кото-

рой реализуются их права и обязанности. Вместе с тем вопросы организации и проведения проверок не урегулированы действующим законодательством, включая ведомственные правовые акты органов прокуратуры.

В целях решения задач, связанных с осуществлением надзорной деятельности, прокурорские работники реализуют, в том числе, один из значимых принципов организации и деятельности прокуратуры — принцип профессионализма.

Представляется, что содержание указанного принципа составляют следующие признаки:

- научные знания;
- профессиональный опыт (положительный опыт практической деятельности каждого в отдельности прокурорского работника и обобщенный опыт надзорной деятельности органов прокуратуры);
- личностные характеристики прокурорских работников.

По нашему мнению, личность конкретного работника, ее отличительные особенности выступает в роли главного признака. Исходя из этого, вопрос обеспечения органов прокуратуры квалифицированными специалистами всегда актуален.

В этих целях, а также для организации и осуществления деятельности прокуратуры на научной основе, представляется целесообразным в органах прокуратуры организовать работу по подготовке профессиограммы прокурорского работника, в которой должны содержаться требования, предъявляемые к прокурорскому работнику, его профессиональным, деловым качествам, и личностным характеристикам.

Использование профессиограммы в органах прокуратуры будет способствовать: укреплению принципа профессионализма; совершенствованию деятельности прокуратуры, связанной с отбором лиц, претендующих на должности прокуроров; рациональной расстановке прокурорских работников в целях повышения эффективности прокурорского надзора¹.

Осуществление одной из главных функций прокуратуры — надзорной, требует от прокуроров знаний законодательства, определенных навыков организации и проведения надзорных мероприятий.

Вместе с тем надзорная деятельность, в ходе которой прокурор реализует свои основные полномочия, предусмотренные законодательством, не лишена признаков творчества (как научных, так и прикладных) и сопряжена с постоянным поиском новых идей, способов действий (приемов)

и методов, позволяющих добиваться высокого качества и объективных показателей в своей профессиональной деятельности.

В целях осуществления наиболее оптимального поиска целесообразных методов и приемов, например, при организации и проведении прокурорской проверки, прокурорам рекомендуется разрабатывать и реализовывать тактику надзорной деятельности.

В связи с тем, что в теории прокурорского надзора тактика и ее практическое использование прокурорами до настоящего времени недостаточно исследована, прежде всего, на теоретическом уровне, и поэтому понимается каждым прокурорским работником по-своему, представляется целесообразным разработать единую методологию формирования тактики и ее реализации в виде конкретных приемов (способов действий), позволяющих прокурорам решать задачи с наименьшими физическими и временными затратами.

Представляется, что такой подход позволит избежать многих ошибок, способствующих снижению результативности проверок и надзорной деятельности прокуратуры. Например, это может негативно отразиться на объективности оценки законности деятельности должностных и иных лиц, подвергавшихся прокурорской проверке, а также на избрание адекватной формы прокурорского реагирования. Суть тактики заключается в четкой выверке и детализации действий прокурора, их логичности, продуманности, обоснованности и последовательности.

Несовершенство тактического сопровождения надзорной деятельности органов прокуратуры во многом связано с отсутствием в настоящее время достаточных теоретических разработок основ тактики надзорной деятельности. Венцом всему является тот факт, что в теории прокурорского надзора не сформулировано единое определение понятия тактики прокурора. По нашему мнению, термин «тактика» в теории прокурорского надзора зачастую употребляется не совсем корректно, например: «тактика прокурорского надзора», «прокурорская тактика», «тактика

¹ Махьянова Р.М. Профессиограмма военного прокурора // Военное право. 2018. № 2. С. 139—153.

прокурорской проверки», «тактика прокурорского реагирования».

Представляется целесообразным сформулировать единое общее определение понятия тактики прокурора, начиная с определенного направления прокурорской деятельности, например, с надзорной деятельности.

По нашему мнению, определение понятия должно формировать мысленный образ об этом термине, но не раскрывать подробное содержание компонентов, составляющих его структуру. В каждом самостоятельном определении понятия должны быть ключевые слова, позволяющие четко уяснить и понять сущность данного термина.

На протяжении многих лет учеными и практиками в научных трудах по прокурорскому надзору излагались различные по смыслу и содержанию определения понятия прокурорской тактики:

— определение и реализация с учетом конкретной жизненной обстановки более или менее общей линии надзора или отдельных актов, отвечающих наиболее эффективному выполнению стоящих перед прокуратурой задач¹;

— тактика общего надзора представляет собой совокупность приемов и методов применения прокурором каждого из предоставленных ему законом правовых средств²;

— прокурорская тактика — система приемов и способов организации и планомерного, целенаправленного осуществления надзорных мероприятий и эффективного выполнения отдельных прокурорских действий в целях быстрого и полного выявления правонарушений и лиц, их совершивших, а также обнаружения и устране-

ния фактов, способствующих правонарушениям;

— тактика прокурорского надзора — определение и реализация прокурором путей (методов и приемов) наилучшей организации и осуществления прокурорского надзора с учетом сложившейся обстановки (жизненной ситуации) в целях достижения наилучших конечных результатов;

— тактика прокурорской проверки — совокупность научно обоснованных приемов и средств реализации полномочий прокурора при подготовке, проведении и оценке результатов прокурорской проверки.

Исходя из смысла указанных определений, прослеживается общая цель: достижение лучших конечных результатов с учетом совершаемых прокурором действий в той или иной ситуации, на том или ином этапе надзорной деятельности.

Реализация содержания приведенных выше понятий в практической деятельности органов прокуратуры, по нашему мнению, может вызвать определенные трудности и впоследствии негативно сказаться на достижении эффективности прокурорских проверок.

Во избежание неопределенностей при толковании термина «прокурорская тактика», предлагается сформулированное определение понятия «тактика надзорной деятельности органов прокуратуры», которое впоследствии может быть использовано как базовое, применительно к другим направлениям прокурорской деятельности, не связанным с осуществлением надзорной деятельности.

Под *тактикой надзорной деятельности органов прокуратуры* нами понимается поиск и реализация рациональных решений в ситуациях, требующих разработки наиболее целесообразных методов и способов действий при организации и осуществлении надзорной деятельности.

Таким образом, из смысла содержания указанного определения следует, что тактика — это не что иное, как поиск и реализация рационального решения, отвечающего всем условиям и обстоятельствам сложившейся ситуации.

¹ Сафонов А.П. Борьба с рецидивом преступлений средствами прокурорского надзора. М.: Юрид. лит., 1977. С. 74, 75.

² Коробейников Б.В. Методика, тактика и организация общего надзора // Социалистическая законность. 1986. № 1. С. 47.

³ Маркелов Т.Л. Теоретические вопросы тактики прокурорского надзора (общий надзор) // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. 1972. № 31. С. 95.

⁴ Прокурорский надзор / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю.Е. Винокурова. М.: Юрайт, 2017. С. 112.

Хотя некоторые ученые и включают тактику в состав методики¹, мы не поддерживаем такую позицию. Именно поиск способствует избранию в конкретной ситуации эффективного метода и приема, которые впоследствии включаются в состав методических рекомендаций. Под этим следует понимать, что именно тактика в процессе ее разработки и реализации, как в типичной надзорной ситуации, так и в надзорной ситуации не типичного типа, решает каким методом и приемом воспользоваться в ходе организации и проведения проверки, и в какой период времени.

Учитывая тактический аспект надзорной деятельности органов прокуратуры, методики прокурорских проверок возможно классифицировать как: а) предметные (конкретное направление прокурорского надзора); б) ситуационные (в зависимости от типа надзорной ситуации (типичная, не типичная); в) по видам и способам проведения проверок.

Сформулированное нами определение позволяет выделить основные элементы тактики надзорной деятельности органов прокуратуры: надзорную ситуацию, тактическое решение и тактический прием.

Здесь представляется целесообразным отметить, что термин «надзорная ситуация» предлагается нами к использованию именно при организации и осуществлении надзорных проверок.

Некоторые ученые полагают, что надзорная ситуация характеризуется количеством, характером и структурой выявленных нарушений, условиями места, времени и участников их совершения в сочетании с экономическими, социально-демографическими показателями, количественным и качественным составом кадров соответствующих объектов, а также показателями деятельности правоохранительных и контролирурующих органов². Наличие

достаточной информации о нарушениях законов, ее постоянное накопление позволяет располагать оперативными данными о состоянии законности.

Приведенные выше позиции отражают содержание основных компонентов надзорной ситуации.

Однако опыт прокурорской деятельности позволяет сделать вывод о том, что наиболее полная картина состояния законности должна оцениваться также и через призму конкретного предмета (предметов) прокурорского надзора, с учетом результатов оценки на предмет эффективности надзорной практики органов прокуратуры относительно указанных объектов и предметов надзора. Здесь представляется уместным отметить, что полученные оценочные результаты целиком и полностью зависят от профессиональных и личностных характеристик прокурорского работника, производившего такую оценку.

Кроме того, мы полагаем, что надзорная ситуация характеризуется не только совокупностью информации о состоянии законности и правопорядка на поднадзорном объекте и оценочных показателей эффективности надзорной практики органов прокуратуры, но и динамичностью ее условий, на которые оказывают влияние внешние и внутренние факторы, связанные с объектом и предметом надзора.

В особенности это характерно для процесса осуществления надзорной деятельности (ее последовательных этапов). Под *внешними факторами* нами понимаются те обстоятельства, которые возникают только наружно (извне), независимо от прокурорско-надзорного процесса и связанные (или относятся) с объектом и предметом надзора.

Внутренние факторы — обстоятельства субъективного и объективного характера, возникающие и происходящие внутри прокурорско-надзорного процесса и характеризующие содержание конкретной обстановки, складывающейся в определенном периоде времени (на одном из этапов надзорной деятельности).

⁵ Ястребов В.Б. Проблемы тактики общенадзорной деятельности прокуратуры // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. № 45. М.: Юрид. лит.-ра, 1987. С. 78.

¹ Настольная книга военного прокурора : пособие / под общ. ред. зам. Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного

прокурора С.Н. Фридинского / изд. 2-е, испр. и доп. М.: Граница, 2014. С. 57.

Разработанная тактика должна быть реализована путем использования избранных рациональных способов действий в конкретных условиях надзорной ситуации, т.е. тактических приемов.

Тактические приемы прокурора — это не что иное, как избранные посредством тактики действия, которые разрабатываются им в конкретной надзорной ситуации на основе знаний, умений, навыков. Под этим подразумевается научная и практическая составляющая тактических приемов, что способствует развитию теории прокурорского надзора, совершенствованию надзорной деятельности, профессионального опыта прокурорских работников, и организации и деятельности органов прокуратуры на научной основе, т.е. применению принципа научной организации труда.

Тактический прием прокурора — это избранный посредством тактического решения рациональный способ воздействия на конкретную надзорную ситуацию в целях обеспечения эффективного решения задач, связанных с осуществлением надзорной деятельности.

Сам процесс разработки и реализации тактического приема обусловлен построением логических связей, складывающихся в процессе анализа обстоятельств надзорной ситуации, их оценки и принятия тактического решения, направленного на избрание и использование тактического приема или комбинации тактических приемов.

Прежде чем раскрыть содержание тактических приемов, необходимо осветить вопросы, связанные с предметом тактики надзорной деятельности органов прокуратуры. Представляется, что предмет тактики надзорной деятельности напрямую связан с содержанием тактических приемов и, по сути своей, составляет их природу (источники их происхождения).

Мы здесь намеренно употребляем термин «тактические приемы прокурора» во множественном числе, подразумевая арсенал действий, из которых прокурор в складывающейся надзорной ситуации тактически избирает наиболее целесообразные. Тактические приемы прокурора обладают характерными чертами: логичность;

законность; избирательность; обоснованность; допустимость; эффективность.

Процесс разработки и использования тактического приема прокурора подразумевает определение и отбор необходимых элементов сформированной тактики (научные и практические источники). В ходе указанного процесса прокурор реализует свои навыки и умения избирать и применять в конкретной надзорной ситуации наиболее рациональный способ воздействия для достижения цели проверки, выполнения поставленных задач и получения ожидаемых результатов.

Как мы отмечали ранее, разработка тактики основывается на научных данных и обобщенном опыте надзорной практики органов прокуратуры, включая профессиональный опыт конкретных прокурорских работников.

В целях использования и дальнейшего развития принципа научной организации труда в органах прокуратуры, представляется целесообразным широкое использование научных познаний и в деле разработки и реализации прокурорами тактических приемов при организации и осуществлении надзорной деятельности.

Неприменение научных источников при формировании тактических приемов прокурора в значительной степени снижает научный уровень тактики надзорной деятельности органов прокуратуры.

Научные познания должны использоваться прокурорами при разработке тактики надзорной деятельности в приспособленной для этих целей форме с учетом специфики их полномочий, особенностей предмета и объекта надзора.

Следовательно, возможно выделить следующие разряды тактических приемов прокурора (*научные* тактические приемы и *практические* тактические приемы).

Опыт проведения прокурорских проверок дает основание полагать о том, что в ходе организации и осуществления надзорной деятельности прокурорами могут быть использованы знания из таких ключевых наук, как: логика, психология, конфликтология, этика, педагогика, риторика (ее коммуникативный (речевой) компонент) и др.

Таким образом, содержание разряда *научных тактических приемов* составляют группы следующих тактических приемов: логико-психологические; логико-этические; логико-педагогические; логико-правовые; логико-риторические; логико-конфликтологические и др.

По нашему мнению, указанные тактические приемы должны применяться в комбинации с практическими тактическими приемами в целях достижения качества и результативности проводимых надзорных мероприятий, а также повышения эффективности самих тактических приемов.

К разряду *практических тактических приемов* можно отнести следующие группы: логико-организационные, логико-практические, логико-аналитические и логико-технические тактические приемы прокурора.

Указанный перечень авторской классификации тактических приемов не является исчерпывающим и будет во многом зависеть от совершенствования законодательства о прокурорском надзоре, а также практики организации и проведения прокурорских проверок.

Подводя итог сказанному, в настоящее время назрела необходимость проведения теоретических исследований основ тактики надзорной деятельности, как одной из основных функций прокурорской деятельности.

Результаты таких исследований представляется целесообразным использовать в

практической деятельности органов прокуратуры, а также в целях урегулирования на законодательном уровне процесса организации и проведения прокурорских проверок, и установления при этом определенного порядка решения задач, связанных с осуществлением надзорной деятельности путем совершения прокурорами для этого целенаправленных действий.

Библиография

1. Коробейников, Б.В. Методика, тактика и организация общего надзора / Б.В. Коробейников // Социалистическая законность. — 1986. — № 1.
2. Маркелов, Т.Л. Теоретические вопросы тактики прокурорского надзора (общий надзор) / Т.Л. Маркелов // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. — 1972. — № 31.
3. Махьянова, Р.М. Профессиограмма военного прокурора / Р.М. Махьянова // Военное право. — 2018. — № 2.
4. Настольная книга военного прокурора : пособие / под общ. ред. зам. Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора С.Н. Фридинского. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Граница, 2014.
5. Проблемы тактики общенадзорной деятельности прокуратуры / В.Б. Ястребов [и др.] // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. № 45. — М.: Юрид. лит-ра, 1987.
6. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учебное пособие / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.Н. Коршуновой. — СПб.: Юридический центр, 2017.
7. Прокурорский надзор : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю.Е. Винокурова. — М.: Юрайт, 2017.
8. Сафонов, А.П. Борьба с рецидивом преступлений средствами прокурорского надзора / А.П. Сафонов. — М.: Юрид. лит-ра, 1977.

Внедрение мировой юстиции в Российской Федерации: Верховный Суд и его роль в сохранении целостности страны (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации)

© Туганов Юрий Николаевич,
главный научный сотрудник Центра
исследования проблем правосудия Российского
государственного университета правосудия;
профессор Российской таможенной академии,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
академик РАЕН, судья в отставке

© Аулов Владимир Константинович,
судья в отставке, кандидат юридических наук,
доцент, заслуженный юрист Забайкальского края

© Петухов Николай Александрович,
главный научный сотрудник (руководитель
направления) Центра исследования проблем
правосудия Российского государственного
университета правосудия, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации, заместитель
Председателя Верховного Суда Российской
Федерации в отставке

Аннотация. Феномен влияния Верховного Суда Российской Федерации на фундаментальные процессы государственного строительства современной России не нашел надлежащего отражения в научных исследованиях юридического сообщества. Между тем, именно позиция высшего судебного органа России по вопросу организации мировой юстиции в определенной степени предотвратила трансформацию административно-территориального деления российского государства, после распада СССР, в структуру по образцу США — страны «победившего» кооперативного федерализма. Указанный вариант был предложено авторами Постановления Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Содержащийся в этом документе «общий абрис» будущего судостроения России свидетельствовал о намерении углубить противоречия российского федерализма, исходя из привилегированного положения этнических регионов — с созданием наиболее удобной для каждой республики в составе РСФСР системы судов и ограничением федеральной юрисдикции. Из уважения к национальным, культурным и религиозным особенностям республик в составе РСФСР, по Концепции, республики могли быть наделены правом уточнять санкции уголовно-правовых норм при сохранении в неизменности их диспозиций. Поскольку по Концепции республики могли вовсе не признавать на своей территории юрисдикцию федеральной юстиции, этот акт Верховного Совета РСФСР, по сути, легитимизировал конфедеративные отношения с Российской Федерацией, которые на тот период уже были фактически провозглашены некоторыми республиками. Ключевым звеном такой легитимации должны были стать мировые судьи как суды первой инстанции. Принципиальная позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу параметров судостроительного института мировых судей предотвратила трансформацию России в государство с крайними формами асимметричности ее субъектов.

Ключевые слова: государственное устройство, судебная система, Концепция судебной реформы, Верховный суд Российской Федерации, мировая юстиция.

Introduction of world justice in the Russian Federation: The Supreme Court and its role in preserving the integrity of the country (to the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation)

© **Tuganov Yu.N.**,

Chief Researcher of the Center for the Study of Justice Problems of the Russian State University of Justice, Professor of the Russian Customs Academy, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

© **Aulov V.K.**,

retired judge, candidate of law, associate Professor, honored lawyer of the TRANS-Baikal territory

© **Petukhov N.A.**,

Head of the Center for Research on Problems of Justice, Chief Researcher of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation, Retired, Honored Lawyer of the Russian Federation

Abstract. The phenomenon of the influence of the Supreme Court of the Russian Federation on the fundamental processes of state-building in modern Russia has not been adequately reflected in the scientific research of the legal community. Meanwhile, it was the position of the supreme judicial body of Russia on the organization of world justice that to a certain extent prevented the transformation of the administrative-territorial division of the Russian state, after the collapse of the USSR, into a structure modeled on the USA – the country of "victorious" cooperative federalism. This option was proposed by the authors of the Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR dated October 24, 1991 No. 1801-1 "On the Concept of judicial reform in the RSFSR". The "general outline" of the future judicial system of Russia contained in this document indicates the intention to deepen the contradictions of Russian federalism based on the privileged position of ethnic regions – with the creation of the most convenient system of courts for each republic within the RSFSR and the restriction of federal jurisdiction. Out of respect for the national, cultural and religious peculiarities of the republics within the RSFSR, according to the Concept, the republics could be given the right to clarify the sanctions of criminal law norms while maintaining their dispositions unchanged. Since, according to the Concept of the republic, they could not recognize the jurisdiction of the federal justice on their territory at all, this act of the Supreme Soviet of the RSFSR, in fact, legitimized confederate relations with the Russian Federation, which at that time had already been actually proclaimed by some republics. Justices of the peace, as courts of first instance, were supposed to be the key link in such legitimation. The principled position of the Supreme Court of the Russian Federation on the parameters of the judicial institution of magistrates prevented the transformation of Russia into a state with extreme forms of asymmetry of its subjects.

Keywords: state structure, judicial system, Concept of judicial reform, Supreme Court of the Russian Federation, world justice.

Введение. В научной литературе сравнительно мало внимания уделяется ключевой роли Верховного Суда Российской Федерации в сохранении целостности страны в сложный период становления новой российской государственности.

Между тем без принципиальной позиции руководства высшего судебного органа по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с Федеральным конституционным законом

«О судебной системе Российской Федерации» и федеральными законами, возможность сохранения единого российского государства была не столь очевидной.

Речь идет о реформе судебной системы России, которая, в случае внедрения в нее мировой юстиции в параметрах Постановления Верховного Совета РСФСР (далее — Постановление) от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» (далее — Концепция) могла бы стать детонатором дальнейшего распада страны.

На сегодняшний день, когда уже нет ни самой РСФСР, ни Верховного Совета, Концепция как документ высшего органа государственной власти РСФСР не отменена. Констатируется и отсутствие нормативного акта, который содержательно мог бы ее заменить¹. На Концепцию ссылаются Президент Российской Федерации² и Председатель Верховного Суда Российской Федерации³.

Вместе с тем, юбилейные даты со дня ее принятия не отмечаются как значимые исторические вехи государственного строительства⁴.

Методология. В работе максимально представлен междисциплинарный подход, который заключается в рассмотрении вопросов построения подсистемы мировой юстиции в современной России прежде

всего с позиций организации судебной деятельности, но в рамках процессуального измерения юридического дискурса (теория права, конституционное, административное, уголовное, гражданское право).

При уточнении позиции разработчиков Концепции о сущности, содержательных и функциональных признаках мирового судьи как односоставного судебного органа и о подходах к отграничению этого термина от смежных судеустройственных категорий — «почетный мировой судья», «мировой суд», «временный мировой судья», «специализированный мировой судья» — использовался сравнительно-правовой метод.

Основное содержание. Давая по прошествии 10 лет оценку Постановлению Верховного Совета РСФСР, сами авторы Концепции признавали ее очевидную юридическую расплывчатость и налет отвлеченной гуманитарности: «Ряд положений Концепции сформулирован в разных формах — и как категоричные утверждения, и как варианты разных решений, и как возможные, допустимые решения. .... В тексте Концепции встречаются иногда повторы. Главы и отдельные положения сформулированы в столь общей форме, что невозможно точно оценить степень и качество их реализации (например, в разделе IV такова глава 2 «Судебная власть», в которой говорится об общем значении судебной власти в современном демократическом государстве (роль оракула в споре законодателя и правоприменителя, сглаживание теоретических увлечений и политической нетерпеливости первого, противодействие своекорыстию и «административному восторгу» второго; роль блока обратной связи между парламентом и гражданским обществом)»⁵.

Объясняется это тем, что «Концепция была рассчитана на правовое и общественное сознание последнего периода советской власти. Поэтому в ней много строк, посвященных объяснению моментов, ка-

¹ Даурова Т.Г. Печальные рассуждения в связи с юбилеем Концепции судебной реформы в Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 21—34.

² Выступая на V всероссийском съезде судей, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Говоря о главном итоге судебной реформы, хотел бы подчеркнуть: судебная власть в России, несмотря на проблемы, все-таки состоялась. Мы можем и должны это констатировать. В базовых параметрах Концепция судебной реформы реализована». Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21125> (дата обращения 10.04.2021).

³ Лебедев В.М. От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 2—5.

⁴ Колоколов Н.А. Незамеченный юбилей. Проблемы современного уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 4.

⁵ Краснов М.А. Судебная реформа: от концепции 1991 года до сегодняшнего дня (попытка инвентаризации) : доклад. М.: Центр содействия правосудию. 2001.

жущихся сегодня очевидными. Но опять-таки время было таково, что требовалось убеждать политическую элиту в разумности и необходимости планируемых шагов»¹.

Действительно, Концепция оставляет без детально обоснованной проработки будущее административно-территориальное деление России и правовое положение субъектов Российской Федерации, ограничиваясь двумя тезисами. Первый — о необходимости учета «национально-государственного устройства РСФСР», второй — о существовании наряду с республиками в составе РСФСР неких «федеральных территорий».

Несмотря на такой пробел, «общий абрис» (так в тексте Концепции (п. 1 гл. 5 раздел IV) системы судов дает основания полагать, что составители Концепции исходили из необходимости углубления «... асимметричности российского федерализма, то есть из привилегированного положения этнических регионов (республик) в составе федерации»². Об этом свидетельствует, например, раздел V Концепции, где размежевание сфер ведения в области правосудия и правоохранительной деятельности между СССР, РСФСР и республиками в составе РСФСР называется индикатором перехода ко второму этапу судебной реформы.

Согласно Концепции «республикам в составе РСФСР предоставляется возможность с учетом основных принципов судостроения и межреспубликанских соглашений учредить наиболее удобную для них систему судов или признать на своей территории юрисдикцию федеральной юстиции» (п. 2 гл. 5 раздел IV Концепции).

Таким образом, по Концепции республики могли вовсе не признавать на своей

территории юрисдикцию федеральной юстиции. Тем самым Концепция легитимизировала конфедеративные отношения с Российской Федерацией, которые на тот период уже были фактически провозглашены некоторыми республиками.

Стоит напомнить, что Республики Коми и Татарстан заявили о возможности выхода из состава России. Удмуртия и Калмыкия провозгласили себя суверенными государствами. Татарстан и Чечено-Ингушетия не использовали в своих декларациях слова «в составе Российской Федерации»³. Ст. 142 Конституции Республики Татарстан (в ранее действовавшей редакции) устанавливала, что законодательством данной республики может быть предусмотрено создание составов судов, специализированных для рассмотрения отдельных категорий дел (о несовершеннолетних, семейных и других), подведомственных судам общей юрисдикции⁴. Положения Концепции использовались и для идеологического обеспечения Федеративного договора, который 31 марта 1992 г. не подписали представители Республики Татарстан и Чеченской Республики, а также для создания Уральской Республики — государственного образования, *de iure* просуществовавшего более трех месяцев⁵.

Именно о республиках, а не о субъектах Российской Федерации говорится в Концепции, когда предполагается, что в будущем Конституция определит основные принципы организации и функционирования судебной власти — единые для Российской Федерации и республик в ее

¹ Там же. С. 14.

² Busygina, I. M. «Asymmetric federalism — Special role of the Republics in the Russian Federation» // *Osteuropa*. 1998. №48 (3). Pp.239—252; Lapidus, G. *Asymmetrical Federalism and State Breakdown in Russia* // *Post-Soviet Affairs*. 1999. №15 (1). Pp. 74-82; Смирнягин Л.В., Бусыгина И.М. Российский федерализм // URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf> (дата обращения 10.04.2022).

³ Цит. по: Становление и развитие российского федерализма в 1990-е гг. Единый реферат-центр: [сайт].

URL:http://referatwork.ru/category/politika/view/274542_stanovlenie_i_razvitie_rossiyskogo_federalizma_v_1990_e_gg (дата обращения 10.04.2022).

⁴ Конохова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. М., 2004. С. 348—350.

⁵ Исследователи (например, Паин Э.А. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность. Политнаука: [сайт]. URL: <http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php> (дата обращения 10.04.2022) указывают даты существования этого государственного образования: с 1.07.1993 г. по 9.11.1993 г.

составе (п. 3 гл. 1 раздел IV Концепции). При этом федеральные и республиканские суды России становились не поднадзорны судебным местам СССР (п. 2 гл. 5 раздел IV Концепции), юрисдикция судов СССР на территории РСФСР (п. 1 гл. 5 раздел IV Концепции) признавалась ограниченной, исходя из верховенства судебной власти РСФСР на своей территории.

Стоит добавить, что авторы концепции и УПК, и ГПК РСФСР надеялись скомпоновать «... из обязательной для республик части («основы») и факультативных положений», распространив такой подход и на уголовное законодательство.

Субъектам Федерации предлагались следующие варианты подхода к процессуальному регулированию судебной деятельности: 1) принять собственные УПК и ГПК, повторив и конкретизировав в них нормы федеральных основ процессуального законодательства; 2) признать действие УПК РСФСР и ГПК РСФСР на территории республики в полном объеме; 3) признать действие УПК РСФСР и ГПК РСФСР на территории республики с купюрами и дополнениями, не меняющими строение федеральных законов, нумерацию их статей.

Кроме того, «... из уважения к национальным, культурным и религиозным особенностям республик в составе РСФСР ...» республики наделялись правом уточнять санкции уголовно-правовых норм при сохранении в неизменности их диспозиций (п. 3 гл. 1 раздел IV Концепции). Важным нововведением становилось признание на территории РСФСР международных и межреспубликанских договоров, независимо от их трансформации во внутригосударственные нормы (п. 1 гл. 1 раздел IV Концепции).

Что касается собственно вопросов судоустройства, то в Законе РСФСР «О судоустройстве РСФСР» должны были быть предусмотрены такие параметры судебной системы республик, которые могли бы обеспечить самостоятельность судебной власти субъектов Федерации. Указывалось, что Конституция РСФСР не затронет детально судебную систему республик (именно республик, а не субъектов Федерации). Предполагалось, что субъекты Фе-

дерации будут уполномочены установить ее (систему) самостоятельно, с единственной оговоркой — без права формировать чрезвычайные суды и суды ad hoc («для данного случая») (п. 3 гл. 1 раздел IV Концепции).

Такая юридическая конструкция близка к конструкции судебной системы и административно-территориальному делению страны «победившего» кооперативного федерализма — США¹. Именно в США судебные системы «... отдельных штатов (округа, зависимых территорий) также не зависят друг от друга и от федеральной системы. У каждой из судебных систем имеется своя юрисдикция, ни один из судов не вправе выходить за пределы своей юрисдикции. Считается, что Верховный суд каждого штата является надлежащей высшей инстанцией по решению вопросов, касающихся данного штата, и федеральные власти не имеют права пересматривать решения Верховных судов штатов»².

Принципы разделения мировых судей «... на участковых (территориальных) и специализированных (следственных, пенитенциарных и других)» пусть и в общей форме, но в Концепции были сформулированы. Первые «... в основном станут решать уголовные и гражданские дела, а также дела об административных правонарушениях», «... вторые возьмут на себя контрольные функции там, где под угрозу ставятся свободы и права человека». При всем этом Концепция обошла вопрос разграничения юрисдикции обеих категорий мировых судей, точно так же, как компетенцию и принципы организации мирового суда (термин «мировой суд» используется в документе один раз), судебным составом

¹ The Vermont Constitution. §§ 52—55. URL: <https://usconstitution.net>; The Constitution of Pennsylvania. § 13. URL: <https://www.legis.state.pa.us/cfdocs/legis/LI/consCheck.cfm?txtType=HTM&ttl=00&div=0&chpt=5&sectn=13&subsectn=0>.

² Герасимова А.Е. Конституционные основы права на судебную защиту в США : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.02. М., 2016.

которого, по замыслу, должен был стать мировой судья¹.

Между тем это положение Концепции вызывает ряд резонных вопросов. Потребность разграничения юрисдикции между специализированными и участковыми мировыми судьями самоочевидна: участковые мировые судьи при рассмотрении по существу уголовных дел (и не только уголовных) как раз и разрешают вопросы, касающиеся ограничения прав и свобод человека и гражданина, пересекаясь в этом с компетенцией специализированных мировых судей.

О каких «различных участках работ», на которые планировалось «... активно перемещать специализированных мировых судей в течение срока их полномочий в пределах соответствующего судебного округа», идет речь в Концепции? Может быть, на специализированных мировых судей могли бы возлагаться иные, не свойственные современным российским судьям полномочия и функции — как это имело место по Положению о нотариальной части от 14 апреля 1866 г.? В соответствии со ст. 2 гл. I раздела I названного Положения в «... таких городках, местечках, посадах и селениях, где нет нотариусов, засвидетельствование явки актов, по предметам настоящего положения, предоставляется мировым судьям»².

¹ Примечательно, что в Учреждении судебных установлений и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. термин «мировой суд» не встречается. См. также об этом: Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 624—636.

² Цит. по: Судебные уставы 20 ноября 1864 года, дополненные всеми позднейшими узаконениями и разъясненными по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената, со включением текста всех статей Свода законов, на которые сделаны в уставах ссылки; с приложением полного Положения о нотариальной части и указателя сроков для тяжущихся, подсудимых и свидетелей. Карманное (неофициальное) издание. М.: В типографии Бахметева, 1869. Президентская библиотека: [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/372600> (дата обращения 10.04.2022).

Или же речь идет об исполнении участковыми или добавочными мировыми судьями «... в пределах своих участков поручения губернских и областных по опекунам делам присутствий, относящихся до надзора за приемом имущества в опекуновское заведывание и сдачею оных, после прекращения опекуновства, по принадлежности, а также до обревизовывания опекуновств и проверки действий опекунов?»³.

Возможна версия и о том, что имеется в виду выдача вместе со священником свидетельства о болезни, освобождающей от воинской повинности в случаях отсутствия врача и приведения к присяге чинов лесной стражи⁴.

Если это так, то каким образом возможность перемещать на «различные участки работ» мировых судей соотносится с тезисом о необходимости «... освободить судей и работников правоохранительных органов от несвойственных им функций (проведение воспитательной работы, чтение лекций и т.п.)» (абз. 5 гл. 4 раздел IV Концепции) и декларацией, что участковые судьи, получившие мандат от избирателей, должны были действовать в пределах своего участка?

Может быть, имеется в виду более обширная территориальная юрисдикция специализированных мировых судей (в пределах судебного округа) относительно участковых мировых судей? В этом варианте, с учетом распространения юрисдикции специализированного мирового судьи даже не на судебный район (если деление на судебные районы изначально не было предусмотрено?), а на судебный округ, такими «различными участками работ» могли бы стать судебные участки участковых

³ Цит. по: Статья 10 Временных правил о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями / составил с разрешения г. министра юстиции, член консультации при Министерстве юстиции М.П. Домерщиков. Издание неофициальное. СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1897. Президентская библиотека: [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/328770> (дата обращения 10.04.2022).

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884. Т. 1. С. 353

мировых судей конкретного судебного округа.

На все эти вопросы в Концепции нет ответа.

Остается только предполагать аналогию (в случае со следственными судьями) о совмещении функций мирового судьи и должностного лица, уполномоченного осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Так, как это было предусмотрено ст. 7 и 8 Временных правил о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири, утвержденных 15 мая 1896 г. российским Императором Николаем II.

В этой части Концепция оставляет значительный простор интерпретации вариантов организации мировой юстиции, предлагая два пути формирования «... состязательного расследования: либо через создание Следственного комитета как службы обвинительной власти при обеспечении активности защиты в расследовании и судебном разрешении спорных или касающихся ограничения прав личности вопросов, либо посредством учреждения института следственных судей в судебном ведомстве при признании за нынешним следственным аппаратом функций вспомогательной службы прокуратуры».

Концепция обошла молчанием и вопрос соотношения между собой юрисдикции и статуса участковых мировых судей, специализированных мировых судей, мировых судов, специализированных судов (ювенальных, административных и других) (п. 5 гл. 1 раздел IV Концепции).

Вопрос о введении временных (почетных, неоплачиваемых) мировых судей по Концепции только лишь подлежал изучению в перспективе.

Тем не менее, даже фрагментарно изложенные предложения Концепции (безвозмездность работы, эпизодичность привлечения к отправлению правосудия, наделение мирового судьи судьейскими полномочиями властью чиновника исполнительной власти, специальные поводы для процессуальной деятельности (по просьбе «мира» — какого «мира?»), отсутствие связи с адвокатской практикой и отечественным «истеблишментом» как

требование к кандидатам), указывают на отсутствие единства статуса мировых судей в предлагаемой Концепцией системе мировой юстиции¹.

Таким образом, перечисленные положения Концепции являются деэволюционными мероприятиями. В своей совокупности эти мероприятия могли бы стать причиной последствий, выходящих за рамки чисто судеустройственной проблематики. Мультиплицируя друг друга, рекомендации Концепции неизбежно породили бы внутри федерации общественные отношения без иерархического подчинения субъектов федерации центральному правительству, где «столица и регионы существуют как равноправные и параллельно действующие центры власти» — как это имеет место в США².

В этом процессе мировому судье, чей статус и юрисдикцию Концепция обозначает лишь схематично, отводилась роль скорее декора в политико-идеологическом обеспечении достижения гораздо более масштабной цели.

Вот что об этом пишет А.К. Романов: «Она (судебная реформа) не сводима к преобразованиям судебного ведомства, а представляет нечто значительно большее, а именно — реформу самой власти, важный шаг в направлении децентрализации самой ее матрицы. С этих позиций данная реформа выходит за рамки не только судебной деятельности, но и судебной системы.

¹ Илюхин А.В. Институт мировых судей по «Основным положениям преобразования судебной части в России» 1862 года и по «Концепции судебной реформы в РСФСР» 1991 года как программам судебных преобразований: опыт сравнительно-правового исследования // Мировой судья. 2012. № 2. С. 22—25.

² Азаров М.Б. Проблемы взаимоотношений федерации и штатов в США на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М.: МГИМО, 2006; Graham McBain. Modernising the Law: Breaches of the Peace & Justices of the Peace // Journal of Politics and Law. 2015. Vol. 8. No. 3. P. 158-222; Brian Duignan. Justice of the peace // British Encyclopaedia: <https://www.britannica.com/topic/justice-of-the-peace>; Provine D. Persistent anomaly: the lay judge in the American legal system. URL: <https://www.researchgate.net/profile/Doris-Provine>.

Судебная реформа должна быть рассчитана и ориентирована прежде всего на изменение конфигурации власти и ее дальнейшую децентрализацию. ... Общество должно не только поддержать эту реформу, но и принять новую Конфигурацию власти, свыкнуться с новой реальностью. ... Следовательно, реформа должна касаться не только судов, но и всей власти в целом. Поэтому, хотим мы того или нет, она связана с решением таких нелегких проблем, как установление принципиально иного режима институционализации власти, переход от централизации к субсидиарности власти, налаживание принципиально иных каналов обратной связи власти с обществом (от жалоб к судебным искам), внедрение новых принципов деятельности государства. А все это означает важные перемены в жизни всего общества»¹. В итоге А.К. Романов делает вывод, что «... успех судебной реформы, по существу, будет означать, что России удалось-таки перейти к западному типу институциональной матрицы власти»².

Все изложенное выше доказывает, что введение института мировых судей в предложенном Концепцией варианте замышлялось исключительно в контексте «децентрализации» судебной системы страны и формирования даже не «... двух судебных систем: федеральной и республиканской», что, якобы, «... присуще подлинно федеративному государству», но множества (по количеству республик плюс федеральная) автономных правовых систем, каждая со своим самобытным уголовным, гражданским и административным правом и процессом.

Именно «разрушительный пафос», как это подмечено известным социологом О.В. Крыштановской, лежал «... в основе всего государственного строительства первых лет ельцинских реформ. Поэтому со-

здаваемые им новые институты должны были быть не похожи на прежние, советские. В президентском окружении тех лет находились ученые, которые предлагали копировать то французскую, то американскую модель государственного устройства»³.

Об этом же пишут и создатели Концепции, признавшие в этом документе: «Предстоит учесть принципы системной организации и опыт зарубежных стран» (абз. 16 раздела III Концепции), и заявлявшие затем, что «истoki и стандарты формирования справедливого правосудия Россия искала в международной практике — в практике международных судов и в практике других стран»⁴. Дополнительными доказательствами использования Концепцией судеустройства США как образца будущей судебной системы России являются заявления ученых-правоведов⁵, политологов⁶ и депутатов Государственной Думы Российской Федерации⁷ об участии в законотворческой деятельности иностранных субъектов.

В литературе утверждается, что идеология судебной реформы не была реализо-

³ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

⁴ Морщакова Т.Г. Тезисы лекции «Судебная власть в России. Перспективы развития» // Свердловский антикоррупционный комитет. — URL: http://a-komitet.ru/ekspertnoe_mnenie/10010238/page/5/.

⁵ Лунеев В.В. Прежде чем предлагать очередную реформу, необходимо изучить реалии. Ответ криминолога процессуалисту А.С. Александрову // Круглый стол «Следственная власть: «за» и «против». М.: ИГП РАН. Межд. ассоц. содейст. правосуд. — URL: <http://www.iuaj.net/node/2100>; Он же. Комментарий Л.В. Головки в статье П.Шипилина «Зачем нам ломают хребет» // Информационно-аналитический портал «Империя». — URL: <http://www.imperianews.ru/details/51a37523-c780-e711-80e2-020c5d00406e>.

⁶ Мусин М.М. Конституцию России писали в США // Информационно-аналитический ресурс «Крамoла». — URL: <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/konstituciju-rossii-pisali-v-ssha>.

⁷ Гарбузняк А. Евгений Федоров: Госдума принимает законы, написанные американцами // Аргументы и факты: [сайт] // URL: <http://www.aif.ru/politics/russia/944285> (дата обращения 10.03.2022).

¹ Романов А.К. Судебная реформа в России: ее акторы и их проблемы // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса : Межд. симпоз. 19—20 января 2001 г. / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. С. 148—157.

² Там же. С. 154.

вана, а мировая юстиция получила отличное от Концепции сущностное наполнение, поскольку после выборов в Государственную Думу 1993 г. сменилось руководство Комитета по законодательству, а инициативу «перехватили руководители высших судов и судейского сообщества»¹. С.А. Пашин по этому поводу заметил: «Судебная реформа и бюрократическая контрреформа в России конца XX столетия вершились параллельно, как и в предыдущем веке»².

Есть все основания полагать, что «перехват инициативы» был оформлен в виде Постановления III (внеочередного) всероссийского съезда судей от 25 марта 1994 г. «О концепции судебной системы Российской Федерации»³. Основная идея этого проектного документа в части мировой юстиции была компромиссной и состояла в «... сохранении существующей системы судов как федеральной...», с возможностью «... при наличии к тому соответствующих условий (прежде всего финансовых) ... образования судов субъектов Российской Федерации». Что же касается собственно мировых судей, то их принадлежность к конкретной судебной системе документом не определялась, а порядок наделения их полномочиями был отнесен к компетенции субъектов Российской Федерации.

Для полноты оценки роли Концепции следует отметить, что Указом Президента Российской Федерации от 6 июля 1995 года № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации»⁴,

был дан старт научной разработке «концепции вопросов правового обеспечения ряда важнейших направлений формирования и функционирования российской государственности и развития полноценного гражданского общества». Призванная обеспечить «... системность, плановость и скоординированность законотворческого процесса ...», последующего развития эта концепция, опосредованно касающаяся некоторых судеустройственных вопросов (п. 16,17, 31), не получила⁵.

О таком фундаментальном несовпадении замысла и реализации свидетельствуют итоги законотворческой деятельности «романтического»⁶ этапа судебной реформы, (1991—1996 годы), который ознаменовался принятием: Закона РСФСР от 1 ноября 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР»; Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 декабря 1991 г. № 3045-1 «Об упразднении Верховного Суда СССР, Высшего Арбитражного Суда СССР и Прокуратуры СССР» (эти органы были упразднены со 2 января 1992 г., их правопреемниками были объявлены Верховный Суд РСФСР и Прокуратура РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда СССР была включена в состав Верховного Суда РСФСР); Закона Российской Федерации от 29 мая 1992 г. № 2869-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судеустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР»; Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»; Конституции Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.); Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»; Федерального

¹ Краснов М.А. Судебная реформа: от концепции 1991 года до сегодняшнего дня (попытка инвентаризации): доклад. М.: Центр содействия правосудию, 2001. С. 68.

² Пашин С.А. Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы // История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. / под общ. ред. П.С. Филиппова. Т. 2. СПб.: Норма, 2011. С. 8—27.

³ Совет судей Российской Федерации: Официальный сайт. URL: <http://www.ssrif.ru/page/842/detail/> (дата обращения 11.03.2022).

⁴ О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 6 июля 1995 г. № 673.

⁵ Краснов Ю.К. Юридическая техника : учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. М.: Юстицинформ, 2014.

⁶ Краснов Ю.К. Указ. соч. С. 8—27.

закона от 10 января 1996 г. № 6-ФЗ «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Положения об органах судейского сообщества Российской Федерации от 30 июня 1993 г., Кодекса чести судьи Российской Федерации от 21 октября 1993 г. — компромиссных относительно Концепции нормативных актов, в которых были реализованы далеко не все политико-правовые установки Концепции, касающиеся мировых судей.

Помимо этого, были заключены договора Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации. Эти договора в части судоустройства дублировали нормы п. «о» ст. 73 и п. «л» ст. 74 Конституции Российской Федерации (судоустройство; прокуратура; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское законодательство; процессуальное законодательство, находятся в ведении Российской Федерации, а кадры судебных и правоохранительных органов, адвокатура, нотариат находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации)¹.

Вывод. В концепциях судебной реформы, судебной системы и правовой реформы мало общего. Принципиальная позиция руководства судебной системы Российской Федерации предотвратила трансформацию России в государство кооперативного федерализма с крайними формами асимметричности ее субъектов. Правовые институты мирового судьи по Концепции и по Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации», лишены всякой корреляции между собой;

Юридическая конструкция мировой юстиции на 1 января 1997 г. характеризовалась следующими основными параметрами:

1) легитимность мировых судей провозглашена как потенциальная возможность их создания в качестве судов субъектов Российской Федерации;

2) сроки и порядок реализации такой возможности не определены (Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» будет принят лишь 11 ноября 1998 г. и введен в действие с 22 декабря 1998 г. Необходимые для рассмотрения мировыми судьями гражданских и уголовных дел изменения в Гражданский процессуальный и Уголовно-процессуальный кодексы будут приняты 7 июля 2000 г. и введены в действие соответственно с 9 и 10 августа того же года);

3) принципы организации, юрисдикция (за исключением незначительного сегмента законодательства об административной ответственности), роль и место мировых судей в судебной системе Российской Федерации, а также статус мировых судей определяются федеральным законодательством;

4) в случае создания, мировые судьи в качестве судов субъектов входят в систему судов общей юрисдикции в качестве низшего звена судов общей юрисдикции;

5) финансирование мировых судей производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом (статья 124 Конституции РФ);

б) кадры судебных и правоохранительных органов; адвокатура, нотариат (п. «л» ст. 74 Конституции Российской Федерации) находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Библиография

1. Азаров, М.Б. Проблемы взаимоотношений федерации и штатов в США на современном этапе : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02 / М.Б. Азаров. — М.: МГИМО, 2006. — 194 с.
2. Герасимова, А.Е. Конституционные основы права на судебную защиту в США: дис. ...канд. юр.

¹ Например: О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан : Договор Российской Федерации и Республики Татарстан от 15 февраля 1994 г.

наук : 12.00.02 / А.Е. Герасимова. — М., 2016. — 182 с.

3. Даурова, Т.Г. Печальные рассуждения в связи с юбилеем Концепции судебной реформы в Российской Федерации / Т.Г. Даурова // Судебная власть и уголовный процесс. — 2016. — № 3. — С. 21—34.

4. Илюхин, А.В. Институт мировых судей по «Основным положениям преобразования судебной части в России» 1862 года и по «Концепции судебной реформы в РСФСР» 1991 года как программам судебных преобразований: опыт сравнительно-правового исследования / А.В. Илюхин // Мировой судья. — 2012. — № 2. — С. 22—25.

5. Краснов, М.А. Судебная реформа: от концепции 1991 года до сегодняшнего дня (попытка инвентаризации): доклад / М.А. Краснов. — М.: Центр содействия правосудию, 2001. — 68 с.

6. Краснов, Ю.К. Юридическая техника : учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. — М.: Юстицинформ, 2014. — 535 с.

7. Колоколов, Н.А. Незамеченный юбилей. Проблемы современного уголовного судопроизводства / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. — 2011. — № 4. — С. 4.

8. Конюхова, И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития / И.А. Конюхова. — М., 2004.

9. Крыштановская, О.В. Анатомия российской элиты / О.В. Крыштановская. — М.: Захаров, 2005. — 381 с.

10. Лебедев, В.М. От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной

системы / В. М. Лебедев // Российская юстиция. — 2000. — № 3. — С. 2—5.

11. Пашин, С.А. Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы / С.А. Пашин // В кн. История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. — Под общ. ред. П.С. Филиппова. — Т. 2. — СПб.: Норма, 2011. — 584 с.

12. Романов, А.К. Судебная реформа в России: ее акторы и их проблемы / А.К. Романов // Кто и куда стремится вести Россию? // Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Межд. симпозиум. 19—20 января 2001 г. / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. — С.148—157.

13. Туганов, Ю.Н. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15. — № 5. — С. 624—636.

14. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — СПб., 1884. — Т. 1.

15. Busygina, I. M «Asymmetric federalism — Special role of the Republics in the Russian Federation» // Osteuropa. — 1998. — №48 (3). — P. 239—252.

16. Graham McBain. Modernising the Law: Breaches of the Peace & Justices of the Peace // Journal of Politics and Law. — 2015. — Vol. 8. — No. 3. — P. 158—222.

17. Lapidus, G. Asymmetrical Federalism and State Breakdown in Russia // Post-Soviet Affairs. — 1999. — № 15 (1). — Pp. 74—82.

Сущность взаимодействия и сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств

© Федотов Алексей Викторович,
соискатель учёной степени кандидата юридических наук, юрист

Аннотация. В статье рассматриваются правовые подходы к определению международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. Автор устанавливает соотношение таких понятий, как «международное сотрудничество», «взаимодействие компетентных органов» и «правовая помощь», в контексте уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: международное сотрудничество; взаимодействие компетентных органов; уголовно-процессуальная деятельность; международный договор; правоохранительные органы; государство.

The essence of interaction and cooperation of law enforcement agencies of the Russian Federation with law enforcement agencies of foreign states

© Fedotov A.V.,
Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Lawyer

Annotation. The article discusses legal approaches to the definition of international cooperation in the field of combating crime. The author establishes the correlation of such concepts as "international cooperation", "interaction of competent authorities" and "legal assistance" in the context of criminal procedural activity.

Keywords: international cooperation; interaction of competent authorities; criminal procedural activity; international treaty; law enforcement agencies; state.

В современном мире бурно развивается межгосударственное сотрудничество в различных сферах жизни человека и общества, растёт интеграция государств в мировое сообщество, границы государств размываются. Решение многих актуальных задач уже зачастую не под силу государству в одиночку.

Параллельно такими же темпами развивается преступность, не имеющая границ, которая всё больше приобретает международный характер. Многие преступления носят трансграничный характер. Правоохранительные органы, в свою очередь, осуществляют борьбу с преступностью преимущественно лишь на территории, на которую распространяется юрисдикция их

государства, что в значительной мере снижает эффективность борьбы с трансграничной преступностью.

Улучшить и закрепить позиции национальных правоохранительных органов в борьбе с трансграничной преступностью призвана их совместная работа с компетентными органами иностранных государств. Достаточное правовое регулирование и проработка всех нюансов позволяет вывести совместную работу правоохранительных органов на иной качественный уровень.

Одним из специфических направлений деятельности правоохранительных органов по борьбе с трансграничной преступностью является международное сотрудниче-

ство и взаимодействие компетентных органов иностранных государств в обозначенной сфере. Говоря о международном сотрудничестве и взаимодействии с компетентными органами иностранных государств, необходимо определить, какие субъекты осуществляют международное сотрудничество, а какие — взаимодействие с компетентными органами иностранных государств и что под собой подразумевает понятие «правовая помощь».

Основными участниками международного сотрудничества, субъектами международного права, бесспорно, являются государства, международные и межправительственные организации, нации, борющиеся за независимость, государственно-подобные образования¹.

Субъект международного права — это носитель международных прав и обязанностей, возникших в соответствии с общими нормами международного права либо международно-правовыми предписаниями. Существуют две категории субъектов международного права — первичные (суверенные) и производные (несуверенные). Первичными субъектами международного права являются государства (в некоторых случаях народы и нации) в силу присущего им национального суверенитета, потому государства признаются носителями международно-правовых норм и обязанностей. Суверенитет делает их независимыми от других субъектов международного права и дает возможность самостоятельно участвовать в международных отношениях².

Государства — наиболее полномочные и организованные субъекты международного права, имеющие решающие средства воздействия на международные отношения и обладающие универсальным правом участия в любых международно-правовых действиях. Это самостоятельные образования, которые уже в силу своего существования являются обладателями международных прав и обязанностей, что

носит объективный характер и не зависит от чьей-либо внешней воли³.

Основной отличительной чертой субъектов международного права является юридическая способность к самостоятельным юридическим действиям, включая создание согласованных международно-правовых норм, и независимому осуществлению прав и обязанностей, установленных этими нормами⁴. Основными документами, закрепляющими международно-правовые нормы, создаваемыми государствами в сфере уголовно-процессуальной деятельности, являются многосторонние и двухсторонние договоры.

В настоящее время Российская Федерация — участник 20 многосторонних договоров по вопросам правовой помощи по уголовным делам, а с 88 государствами заключены аналогичные двухсторонние договоры, где определено (в разной интерпретации), что стороны устанавливают сотрудничество между обоими государствами. Именно сотрудничество на международном, межгосударственном уровне в сфере уголовно-процессуальной деятельности определено основной формой межгосударственных отношений. В соответствии с п. 3 ст. 1 Устава ООН организация преследует, в частности, цель «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера»⁵.

Следует отметить, что международное сотрудничество осуществляется равноправными субъектами международного права, действующими исключительно в правовом поле. Таким образом, только субъекты международного права, в лице государства и международных организаций, имеют право устанавливать порядок,

¹ Волеводз А.Г. Международные правоохранительные организации : учеб. пособие. М., 2011.

² Меньшенина Н.Н. Международное право : учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2016. С. 22.

³ Там же. С. 23.

⁴ Игнатенко Г.В. Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.В. Тиунов. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 67.

⁵ Раздел I. Понятие международного права, его сущность и роль в международных отношениях, политике и дипломатии // Устав Организации Объединенных Наций. (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971).

правила и принципы сотрудничества в сфере уголовно-процессуальной деятельности. К компетенции субъектов международного права возможно в полной мере отнести и установление направлений и видов такового сотрудничества.

Исходя из смысла положений ч. 5 УПК РФ, международное сотрудничество в сфере уголовно-процессуальной деятельности может быть реализовано по следующим направлениям:

1) взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями;

2) выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора;

3) передача лица, осуждённого к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является;

4) производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путём.

Понятие «взаимодействие» В.И. Даль толкует следующим образом: «философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. Взаимодействие — универсальная форма движения, развития, определяет существование и структурную организацию любой материальной системы»

Таким образом, взаимодействие в уголовно-процессуальной деятельности — это процесс воздействия друг на друга субъектов данной деятельности, входящих в единую структуру, в качестве которой выступает государство, — субъект международного права с целью решения задач уголовного судопроизводства.

Взаимодействие компетентных правоохранительных органов с соответствующими компетентными органами иностранного государства по своему содержанию

более узкое понятие, по сравнению с международным сотрудничеством, и входит в него. Стоит отметить, что взаимодействие осуществляют субъекты уголовного-процессуального права.

Как в многосторонних, так и в двухсторонних договорах о правовой помощи определено, что при обращении с просьбами и оказании правовой помощи по гражданским и уголовным делам суды и другие компетентные учреждения сносятся между собой через свои центральные учреждения. Таковыми, как правило, определены органы юстиции и генеральной прокуратуры.

Указом Президента Российской Федерации от 17 апреля 2017 г. № 170 «О центральных органах Российской Федерации, территориальных и иных органах, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств — участников Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. и Протокола к ней от 28 марта 1997 г.» расширен список органов, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств — участников Конвенции¹ и Протокола. К таким органам относятся:

— территориальные органы Минюста России;

— следственные органы СК России по субъектам Российской Федерации и приравненные к ним специализированные (в том числе военные) следственные органы СК России;

— территориальные органы МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях;

— территориальные органы безопасности, органы безопасности в войсках и пограничные органы ФСБ России.

Таким образом, в отдельном многостороннем договоре государством расши-

¹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : Минск: 22.01.1993 г. (ред. от 28.03.1997), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения: 20.03.2022).

рен субъектный состав взаимодействия. Организация и поддержание взаимодействия на должном уровне возложена на вышеуказанные федеральные органы исполнительной власти.

Стоит отметить, что компетентные органы Российской Федерации в пределах своих полномочий через взаимодействие с компетентными органами иностранных государств осуществляют международное сотрудничество в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Наиболее распространённым видом взаимодействия компетентных органов в борьбе с преступностью является оказание правовой помощи по уголовным делам.

Мнения учёных-юристов по толкованию понятия «правовая помощь» неоднозначны. Изначально сотрудничество государств по вопросам, связанным с расследованием преступлений, трактовалось как оказание «правовой помощи». Правовая помощь по уголовным делам сводилась к выполнению отдельных разовых действий.

По мнению В.П. Зимина и И.Н. Зубова, правовая помощь по уголовным делам заключается в осуществлении по соответствующей просьбе компетентными органами одного государства действий, которые необходимы для расследования уголовного дела, его рассмотрения в суде или для исполнения назначенного по делу наказания в другом запрашивающем государстве¹.

Ещё более расширенную трактовку понятия «правовая помощь» предложила Н.И. Марышева. К ней она относит выполнение поручений о проведении отдельных процессуальных действий; предоставление информации о действующем законодательстве запрашиваемого государства; передачу компетенции; выдачу; признание и исполнение приговоров².

Правовая помощь, как полагает А.Г. Волеводз, включает в себе не только

производство следственных и процессуальных действий, но и передачу документов, предоставление документов, экстрадицию, осуществление уголовного преследования³.

Как видно, правовая помощь — это конкретные процессуальные действия, направленные на разрешение задач, поставленных перед субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

Следует отметить, что взаимодействие следственных органов и органов дознания с компетентными органами иностранных государств в сфере уголовно-процессуальной деятельности возможно лишь в таких формах как:

— направление запроса о правовой помощи (ст. 453 УПК РФ);

— исполнение запроса о правовой помощи (ст. 457 УПК РФ).

Такой ограниченный инструментарий во взаимодействии с компетентными органами иностранных государств в сфере уголовно-процессуальной деятельности определён полномочиями обозначенных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Остальные формы взаимодействия отнесены к компетенции иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Так, например, решения о направлении материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования (ст. 458 УПК РФ), исполнении запросов об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации (ст. 459 УПК РФ) принимаются органами прокуратуры.

Международное сотрудничество в сфере уголовно-процессуальной деятельности, бесспорно, является специфическим явлением в уголовном процессе. В первых, взаимоотношения строятся на границе двух отраслей права — уголовного и международного, успешное решение задач в данной области возможно лишь с условием грамотного применения международного и национального права. Во-

¹ Зимин В.П., Зубов И.Н. Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка : учеб. пособие. М., 1993. С. 11.

² Марышева Н.И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 29—40.

³ Волеводз А.Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступных путем денежных средств и имущества : учеб. пособие. М., 2000. С. 12.

вторых, международное сотрудничество имеет сложную неоднородную структуру. Государства стремятся к унификации межгосударственных отношений, но каждый отдельный международный договор индивидуален и учитывает не только общепризнанные принципы и нормы, но и уровень взаимоотношений договаривающихся сторон.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что основным субъектом международного права является государство, которое международным договором устанавливает сам факт, событие сотрудничества в той или иной сфере, определяет цели, задачи и объекты сотрудничества. Компетентные правоохранительные органы государства реализуют международное сотрудничество, осуществляя взаимодействие с иностранными партнёрами по различным направлениям, исходя из полномочий, предоставленных им. Одним из распространённых видов взаимодействия национальных правоохранительных органов с компетентными органами иностранных государств является правовая помощь,

предполагающая осуществление конкретных процессуальных действий, направленных на разрешение задач, поставленных перед субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

Библиография

1. Волеводз, А.Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступных путем денежных средств и имущества : учеб. пособие / А.Г. Волеводз. — М., 2000.
2. Волеводз, А.Г. Международные правоохранительные организации : учеб. пособие / А.Г. Волеводз. — М., 2011. — 344 с.
3. Зимин, В.П. Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка : учеб. пособие / В.П. Зимин, И.Н. Зубов. — М., 1993.
4. Игнатенко, Г.В. Международное право : учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.В. Тиунов. — М.: Норма: Инфра-М, 2010.
5. Меньшенина, Н.Н. Международное право : учеб. пособие / Н.Н. Меньшенина. — Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2016.
6. Марышева, Н.И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. / Н.И. Марышева. — М., 1996. — 526 с.

Уголовное право, уголовный процесс, криминология и криминалистика

О некоторых проблемах квалификации преступлений против несовершеннолетних

© Борисов Андрей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право,
уголовный процесс и криминология»
Юридического института Российского
университета транспорта

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений, совершаемых против несовершеннолетних. Рассмотрены проблемы судебной практики применения норм 20 главы УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Ключевые слова: квалификация преступлений, преступления против семьи и несовершеннолетних.

About some problems of qualification of crimes against minors

© Borisov A.V.,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the
Department "Criminal law, criminal procedure and
criminology" Law Institute Russian University of
Transport

Annotation. The article deals with the issues of qualification of crimes committed against minors. The problems of judicial practice of applying the norms of Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes against the family and minors" are considered.

Keywords: qualification of crimes, crimes against the family and minors.

Криминализация общества в настоящее время имеет тенденцию роста на территории Российской Федерации: все более авторитетными являются именно такие движения, несмотря на то, что обстоятельства, при которых отсутствовал правопорядок во время формирования нового государства, остался в 90-ых годах. Ухудшение криминологической ситуации во всех регионах России, в особенности удаленных от Москвы, напрямую связано с уровнем жизни населения.

Наблюдается рост преступности именно там, где низкие зарплаты, недостаточный уровень образования, удаленность от городов, в которых сосредоточено большинство рабочих мест, образовательных

организаций, досуга и пр. В связи с этим среди молодежи распространено мнение о «легких деньгах», с такими мотивами они начинают вести антиобщественный, маргинальный образ жизни, выраженный в совершении преступных деяний, за которые законодательством Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность. Однако, существует более опасное явление — это привлечение незащищенных социальных групп к совершению преступных деяний, например, несовершеннолетних. Опасность данного явления обусловлена тем, что несовершеннолетний ввиду недостаточного психического и физического развития под «давлением» авторитета более взрослого человека

ошибочно считает его точку зрения более правильной.

Средством профилактики и предупреждения распространения преступности среди молодежи является не только повышение экономического уровня жизни в регионах Российской Федерации, формирования у несовершеннолетних нравственно-моральных ценностей, но и законы, осуществляющие регулятивную, охранительную и предупреждающую функции, действующие в Российской Федерации¹. Именно их правильное применение оправдывает их наличие в законодательной базе Российской Федерации. Однако в настоящее время уголовное законодательство Российской Федерации требует изменений, что обусловлено наличием некоторых проблем при их применении уполномоченными органами и судами, что, в свою очередь, влечет нарушение материальных и процессуальных норм права. Различие в подходах судов к квалификации тех или иных преступных деяний посредством вынесения различных наказаний за совершение одних и тех же преступлений мешает формированию единой практики применения правовых норм, что свидетельствует о проблемах в их толковании.

Анализ уголовных преступлений против несовершеннолетних, указанных в гл. 20 УК РФ, и сложившейся судебной практики позволил выделить круг актуальных проблем применения и толкования судами статей УК РФ, содержащихся в 20 главе «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

При правовой оценке ст. 150 УК РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, были выделены следующие аспекты проблемы ее применения судами:

1. Проблема квалификации преступных деяний по ст. 150 УК РФ в случае, когда несовершеннолетний не совершил преступных действий, однако доказаны попытки «вовлечь» несовершеннолетнего в

совершение таких действий каким-либо путем².

Данный вопрос считается неразработанным, поскольку суды относят данный состав преступления к материальному, т.е. оконченным оно является в момент совершения несовершеннолетним преступных действий. Поскольку преступления с материальным составом совершаются в том числе с косвенным умыслом и по неосторожности, в том же постановлении суда содержится пояснение, что по ст. 150 УК РФ можно привлечь только лицо, действующее умышленно. Фактически данный состав преступления является формальным, так как вынесение приговоров по ст. 150 УК РФ с ссылкой на ст. 30 УК РФ практически нет в судебной практике. Но постановление содержит случаи квалификации преступных действий таким образом в случае ненаступления последствий, указанных в диспозиции ст. 150 УК РФ, что является неверным.

Представляется, что объективной стороной рассматриваемого преступления является именно вовлечение несовершеннолетнего, т.е. возбуждение лицом старше 18-ти лет у несовершеннолетнего желания совершить преступление. В соответствии с этим моментом окончания преступления является установление факта попыток взрослого склонить несовершеннолетнего к совершению преступлений³. Перейдем к следующему вопросу.

2. Использование законодателем в ст. 150 УК РФ термина «вовлечение» и его взаимодействие с институтом соучастия ставит немало вопросов при квалификации преступных деяний, где обвиняемый и пострадавший (согласно ст. 150 УК РФ) действовали по согласию, т.е. в том случае,

² Борисова Т.В. Общая характеристика понятия преступности несовершеннолетних // Будущее науки-2021 : Сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции : В 6-ти томах. Отв. ред. А.А. Горохов. Курск, 2021. С. 46—48.

³ Афанасьева О.Р., Афанасьев П.Б. Преступность несовершеннолетних: состояние, динамика и структура // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 52.

¹ Шиян В.И. Нравственно-психологическая характеристика личности корыстных преступниц // Российский следователь. 2012. № 17. С. 37.

когда несовершеннолетний желал, проявлял инициативу в данном вопросе. Предполагается, что уголовной ответственности подлежит лицо, являющееся организатором преступления и привлечшее несовершеннолетнего к его совершению. Однако неизученным остаётся вопрос, как поступать в том случае, когда лицо старше 18-ти лет наряду с несовершеннолетними является участником одной преступной группировки: квалифицировать действия обвиняемого по ч. 4 ст. 150, по статье, предусматривающей ответственность за совершение основного преступления со ссылкой на статью 33 УК РФ? При рассмотрении судебной практики встречаются случаи, где суд проигнорировал показания ранее судимых за совершение «основных» преступлений о том, то лицо, обвиняемое в совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 4 ст. 150 УК РФ, не имело никакого авторитета, не «кичилось» своими «достижениями» в преступной сфере, не склоняло к совершению преступлений, не организовывало преступную группировку. Представляется целесообразным в таком случае учитывать роль лица старше 18-ти и квалифицировать действия преступников без вменения ответственности по ч. 4 ст. 150 УК РФ¹.

3. Проблема установления такого фактативного признака, как способ вовлечения в совершение преступлений имеет непосредственное влияние на квалификацию преступных деяний по ч. 1 ст. 150 УК РФ или по ч. 3 ст. 150 УК РФ. Уполномоченные лица, соблюдая процессуальные нормы, обязаны установить способ вовлечения должным образом для его дальнейшей правильной квалификации. Отметим, что так как в УК РФ нет понятия «насилие» в настоящее время непонятно, что имеет ввиду законодатель: психическое или физическое насилие? Факт применения психического насилия возможно доказать только показаниями самих несовершеннолетних (под угрозой уголовного наказания за лжесвидетельствование), од-

нако четкой грани между установленными ч. 1 ст. 150 УК РФ «путем обещаний, обмана, угроз или иным способом» и применением насилия (психического), содержащегося в ч. 3 ст. 150 УК РФ, нет. При применении физического насилия следует квалифицировать деяния обвиняемого по совокупности преступлений, составы которых предусмотрены ч. 1 ст. 150 УК РФ и, например, ст. 116, 116.1, 117 УК РФ².

Согласно мнениям сотрудников уполномоченных органов, проблемы, возникающие при выявлении и расследовании данного вида преступлений, возможны в случаях, когда:

- 1) преступление совершается незапланированно;
- 2) со стороны взрослого нет четких активных умышленных действий по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления;
- 3) взрослый и несовершеннолетний знакомятся при совершении преступления либо непосредственно перед его совершением.

Исходя из этого, возникает сложность в определении способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и доказывания умысла взрослого из-за отсутствия свидетелей отношений между взрослым и несовершеннолетним.

4. Проблема осведомленности о возрасте вовлекаемого в преступление несовершеннолетнего (пострадавшего) и установления этого факта. При разрешении этого вопроса следует учитывать примеры из практики, когда между обвиняемым и пострадавшим была установлена разница менее, чем 10 месяцев, лица являлись однокурсниками, совершили преступление, исходя из общих интересов и желания обоих, однако лицу, которому исполнилось на момент совершения преступления 18 лет, была вменена ответственность по ст. 150 УК РФ. Предполагается, что детальное изучение материалов дел, в том

¹ Шиян В.И., Борисов А.В., Новиков В.А., Афанасьева О.Р. Уголовное право. Общая часть : учебник. М., 2020.

² Борисова Т.В. О некоторых аспектах домашнего насилия // Право как искусство добра и справедливости : сборник научных трудов 2-й Всероссийской научной конференции памяти д.ю.н., профессора О.Г. Лариной. Курск, 2021. С. 88.

числе свидетельских показаний позволит выносить справедливые приговоры. Следует отметить, что данная статья не содержит обязанности субъекта преступления «заведомо знать» о возрасте вовлекаемого лица.

5. Последним, но немаловажным остается вопрос квалификации вовлечения малолетнего в совершение преступления. Юридически ничтожным является вменение лицу старше 18-ти лет обвинения по ст. 150 УК РФ при вовлечении малолетнего (не достигшего 14 лет) лица в совершение преступлений, однако такие приговоры вступают в силу. В настоящее время лица, не достигшие 14 ти лет, не могут быть субъектом преступления. Таким образом, складывается ситуация, при которой лицо, вовлекающее малолетнего к совершению преступления, привлекается к меньшей ответственности как исполнитель «основного» преступления, в то время как должен по совокупности с «основным» преступлением, привлекаться к ответственности по совокупности преступлений со ст. 150 УК РФ¹.

Следующий вопрос вызывает применение судами ст. 151.1 УК РФ при назначении суммы штрафа при одних и тех же обстоятельствах, из чего следует вывод об отсутствии понимания применения ст. 64 УК РФ, так как размеры штрафов варьируются от минимального до максимально порога. При этом данная статья является результатом административной преюдиции ст. 14.16 КоАП РФ. Представляется, что назначение уголовной ответственности за рассматриваемое деяние и наказания в виде исправительных работ на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового в отношении руководителя организации или индивидуального предпринимателя, так как юридические лица не подлежат уголовной ответственности, не совсем целесообразно при установлении вины, например, кассира-операциониста.

Включение в УК РФ ст. 151.2 также вызывает немало вопросов в научных кругах. В первую очередь: насколько необходимо наличие данного состава в УК РФ в качестве уголовно-наказуемого деяния, если УК РФ предусмотрены такие составы преступлений как, например, ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки».

Самостоятельную проблему применения ст. 156 УК РФ составляют случаи жестокого обращения с несовершеннолетними без применения к ним физической силы. Здесь важно нащупать границу, по которой происходит отграничение уголовно-правового запрета от иных. По-видимому, одним из критериев будет являться наличие как минимум опасности причинения вреда здоровью несовершеннолетнего в результате таких действий. В большинстве случаев именно на это указывают суды при вынесении приговоров.

В то же время судить о том, какими критериями руководствуются суды при отграничении состава неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего от иных составов в случае ненасильственного жестокого обращения с несовершеннолетним, можно только после того, как будет проведен мониторинг применения не уголовного законодательства о противодействии жестокому обращению с несовершеннолетним, и сравнения оснований применения уголовного и не уголовного законов.

В завершение следует указать на важность рассматриваемой темы исследования, поскольку она затрагивает права, свободы и интересы слабозащищенной, но многочисленной социальной группы — несовершеннолетних (в том числе малолетних). Анализ структуры правовых норм и судебной практики их применения, в том числе иных нормативно-правовых актов, имеющих непосредственную связь со статьями, закрепленными законодателем в гл. 20 УК РФ, позволило сформулировать проблемные вопросы, препятствующие формированию единого подхода при квалификации рассматриваемых составов преступных деяний уполномоченными органами и судами. Кроме различия в подходах к интерпретации той или иной нормы,

¹ Там же. С. 89.

было указано на многообразии вариантов квалификации одних и тех же деяний разными судами, а также автором поставлены вопросы о целесообразности закрепления составов преступления в УК РФ, в том числе в результате административной преюдиции. Таким образом, нормативная правовая база Российской Федерации требует внесения изменений, что подтверждается определением автором широкого круга актуальных в настоящее время вопросов в рассматриваемой области.

Библиография

1. Афанасьева, О.Р. Преступность несовершеннолетних: состояние, динамика и структура / О.Р. Афанасьева, П.Б. Афанасьев // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. — С. 51—60.
2. Борисова, Т.В. Общая характеристика понятия преступности несовершеннолетних / Т.В. Борисова // Будущее науки-2021 : Сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции : в 6-ти томах. Отв. ред. А.А. Горохов. — Курск, 2021. — С. 46—48.
3. Борисова, Т.В. О некоторых аспектах домашнего насилия / Т.В. Борисова // Право как искусство добра и справедливости : Сборник научных трудов 2-й Всероссийской научной конференции памяти д.ю.н., профессора О.Г. Лариной. — Курск, 2021. — С. 87—90.
4. Шиян, В. И. Нравственно-психологическая характеристика личности корыстных преступниц / В.И. Шиян // Российский следователь. — 2012. — № 17. — С. 36—40.
5. Уголовное право. Общая часть : учебник / В.И. Шиян, А.В. Борисов, В.А. Новиков, О.Р. Афанасьева. — М., 2020.

Некоторые особенности формирования следственно-оперативной группы для решения задач раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами организованной преступной структуры

© Гирько Сергей Иванович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, заслуженный деятель науки Российской Федерации

© Харченко Сергей Владимирович,

заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования следственно-оперативной группы для решения задач раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами организованной преступной структуры. Кроме того, предлагается алгоритм действий руководителей правоохранительных органов по организации взаимодействия сотрудников следственных, оперативных, экспертных и иных подразделений при раскрытии и расследовании рассматриваемых.

Ключевые слова: следственно-оперативная группа, следственные, оперативные, экспертные подразделения, руководители, раскрытие, расследование, организованные преступные структуры.

Some features of the formation of an investigative task force to solve the problems of disclosure and investigation of crimes committed by members of an organized criminal structure

© Girko S.I.,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation

© Kharchenko S.V.,

Head of the Criminalistics Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Colonel of Justice

Abstract: The article discusses the formation of an investigative task force to solve the problems of disclosure and investigation of crimes committed by members of an organized criminal structure. In addition, an algorithm of actions of the heads of law enforcement agencies is proposed to organize the interaction of employees of investigative, operational, expert and other units in the disclosure and investigation of the cases under consideration.

Keywords: investigative and operational group, investigative, operational, expert units, managers, disclosure, investigation, organized criminal structures.

Следственно-оперативная группа (СОГ) представляет собой организацион-

ную структуру целевого типа, создаваемую соответствующим субъектом (субъек-

тами управления) для постоянной или временной служебной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, в нашем случае, совершенных членами организованной преступной структуры (ОПС).

Первым этапом создания СОГ для решения задач раскрытия и расследования сложных уголовных дел, к которым относятся и дела, возбужденные по фактам преступлений, совершенных членами ОПС, является всесторонний (оперативно-розыскной, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, криминалистический и иной) анализ информации, находящейся в материалах расследуемого дела. При этом учитывается характер информации, имеющейся до момента возбуждения уголовного дела и разумеется полученной на стадии возбуждения уголовного дела и неотложных первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных и иных мероприятий. Руководителям правоохранительных органов их следственных и оперативных подразделений, необходимо тщательно исследовать содержание сведений о преступлении, характере и объёме предстоящей работы с учётом сроков следствия и ведения дел оперативного учета, т.к. именно количество и качество первоначальной информации позволяют руководителю или руководителям, принимающим решение о создании СОГ, убедиться в необходимости этой организационной акции, избежать ошибок в субъективных оценочных суждениях и предположениях¹.

Вторым этапом формирования СОГ для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых ОПС, и обеспечения качественного взаимодействия сотрудников следственных, оперативных и иных подразделений правоохранительных органов является организационный этап, в ходе которого определяется

количественный и качественный состав СОГ. Этот этап начинается, как правило, с обсуждения руководителями следственных, оперативных и иных подразделений кандидатур на роль руководителя СОГ, на практике, как правило, это сотрудник следственного подразделения. В дальнейшем это лицо должно активно подбирать других членов СОГ. При подборе кандидатов для работы в составе СОГ в первую очередь учитывается опыт их работы, специализация, желание сотрудника войти в состав группы².

В этот же период руководители подразделений правоохранительных органов и руководитель СОГ выбирают наиболее перспективные пути действия по раскрытию и расследованию преступления, составляют план раскрытия и расследования, распределяют обязанности между членами СОГ.

Одновременно надлежит решить вопросы материально-технического обеспечения СОГ, её размещения, обеспечения транспортом, связью техникой и т.п. Определяются конкретные должностные лица, которые указываются в приказе или распоряжении о создании группы, на которых возлагается решение вышеуказанных вопросов³.

Завершающим этапом формирования СОГ является издание руководителем правоохранительного органа приказа или распоряжения о создании группы и порядок её деятельности, связанной с раскрытием и расследованием преступлений, совершенных членами ОПС. В случае создания межведомственного формирования приказ

¹ Багмет А.М., Бычков В.В. Взаимодействие следователя с правоохранительными органами и органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений : учебное пособие. М., 2018.

² Бражников Д.А., Бычков В.В. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при раскрытии и расследовании преступлений // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 3(21). С. 80—85.

³ Бычков В.В., Харченко С.В. Актуальные вопросы организации расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет // Военное право. 2020. № 6(64). С. 175—182.

подписывается руководителями правоохранительных органов.

Практика показывает, что СОГ, осуществляя в ходе своей работы взаимодействие следственных, оперативных, экспертных и иных подразделений в интересах раскрытия и расследования преступлений, совершённых членами ОПС, выполняют следующие основные задачи¹:

— устанавливают и задерживают подозреваемых в совершении преступлений;

— собирают, закрепляют доказательства (в том числе, реализуя данные, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий), необходимые для принятия решений, направленных на избрание подозреваемых и их привлечение к уголовной ответственности даже и по отдельному эпизоду, по которому было возбуждено уголовное дело;

— обеспечивают условия для дальнейшего расследования по делу и оперативной разработки задержанных и арестованных;

— устанавливают соучастников и все эпизоды их преступной деятельности;

— собирают доказательства, необходимые для полного раскрытия и расследования преступлений, совершённых преступной группой;

— выполняют мероприятия по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, а также оказанию противодействия раскрытию и расследованию преступной деятельности ОПС или отдельных лиц;

— исполняют следственные и оперативно-розыскные задания и поручения руководителей правоохранительных органов;

— принимают меры к обеспечению безопасности свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие раскрытию и расследованию преступлений или участвующих в следственных действиях и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Проведенное нами исследование показало, что правильно организованное взаимодействие следственных, оперативных и иных подразделений является фактором, определяющим успех в решении задач.

Практика показывает, что работу членов СОГ можно распределить по следующему варианту: например, следователи и сотрудники оперативных подразделений будут выполнять определенные задания (поручения) руководителя СОГ или руководителей органов и служб и по завершению одной работы получать задания (поручения) на проведения дальнейших мероприятий. Результаты работы анализируются и принимается дальнейшее решение о продолжении процесса расследования и ведения дел оперативного учета.

Распределение обязанностей между членами СОГ по принципу «участок (объект) — конкретному следователю или сотруднику оперативного подразделения», как правило, применяется при раскрытии и расследовании наиболее сложных уголовных дел. Участки (объекты) определяются как наличием нескольких версий по делу, так и эпизодами, объектами, определенной территорией и числом обвиняемых и подозреваемых.

Можно также распределить работу между членами СОГ по делам, связанным деятельностью ОПС, не по эпизодам или участкам (объектам), а путем распределения следственной и оперативно-розыскной работ. При этом один следователь допрашивает подозреваемых и обвиняемых, а сотрудник оперативного подразделения соответственно организует и проводит, в отношении членов ОПС оперативно-розыскные и иные мероприятия; другой следователь допрашивает свидетелей, а

¹ Бычков В.В., Харченко С.В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 102—105.

сотрудник оперативного подразделения через лиц, оказывающих содействие уточняет и проверяет сведения, полученные в ходе допросов; в третьем варианте — следователь и сотрудник оперативного подразделения проводят обыски и выемки; следующий следователь и сотрудник оперативного подразделения — контактируют со специалистами, экспертами и т.д.

С членами СОГ периодически должны проводиться рабочие совещания, подводиться итоги выполненной работы, обсуждаться и планироваться дальнейшие мероприятия. При этом обязательно учитывается качество информации, полученной субъектами оперативно-розыскной деятельности.

Основой для успешного взаимодействия при раскрытии и расследовании рассматриваемых преступлений является качественное планирование этой работы СОГ. Чаще всего в подобных ситуациях составляются планы, ее работы или отдельных подразделений правоохранительных органов, двух видов: общие (основные) и индивидуальные.

Общий план (основной) определяет главное направление раскрытия и расследования преступления, совершенного ОПС и основные обстоятельства, которые подлежат доказыванию (в том числе и с помощью реализации информации, полученной в ходе оперативно-розыскной деятельности). В этот план включаются наиболее перспективные версии, следственные действия, оперативно-розыскные и иные меры организационного и информационно-справочного характера, имеющие общее значение для всего дела. Во многих случаях этот план составляется по версиям, эпизодам, лицам, объектам и отдельным обстоятельствам, которые необходимо выяснить и расследовать¹.

С учетом позиций общего плана на следующем этапе организации раскрытия и расследования и обеспечения взаимодействия разрабатывается индивидуальные планы для каждого сотрудника следственного и оперативного подразделений, входящих в состав СОГ. Если объем оперативно-розыскных мероприятий по делу велик, то составляются отдельные планы по их осуществлению. Эти планы можно считать в качестве приложений к общему плану расследования. Вопросы организации взаимодействия, как правило, выносятся в содержание специального раздела плана или, включаются в конкретные пункты этого документа.

Взаимодействующие в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами ОПС, стороны по многоэпизодным делам составляют также календарные планы. Это особенно важно при проведении отдельных действий одновременно или в определенной последовательности. Необходимо при составлении плана продумать и определить, в какие дни, часы, кто именно и какие действия будет осуществлять, как эти действия согласовать с иными мероприятиями.

При планировании раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами ОПС, для обеспечения должного уровня взаимодействия применяется также способ сетевого планирования. При этом на основе временных оценок действий всей СОГ разрабатываются мероприятия, отражающие их взаимосвязь с учетом фактора времени и последовательности исполнения. Этот способ планирования, как показывает практика, приносит успех тогда, когда по делу имеется довольно обширная информация о большинстве проверяемых и расследуемых эпизодов.

Индивидуальные планы членов СОГ, а также в отдельных случаях и общие (основные) планы взаимодействующих в составе СОГ сторон должны дополняться планами проведения следственных

¹ Бычков В.В., Харченко С.В. Противодействие расследованию преступлений экстремистской направленности и меры по его преодолению // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 55—59.

действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Весьма полезными могут быть графические схемы, составляемые следователем или сотрудниками оперативных подразделений и прилагаемые к уголовному делу и делу оперативного учета. Чаще всего это схемы преступных связей обвиняемых и разрабатываемых между собой и иными лицами и организациями.

Таким образом, научно обоснованное и рационально организованное планирование раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами ОПС, и взаимодействия, осуществляемого при этом оперативными подразделениями, как между собой, так и со следственными подразделениями, является необходимым условием повышения эффективности работы в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми членами ОПС.

Библиография

1. Багмет, А.М. Взаимодействие следователя с правоохранительными органами и органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений :

учебное пособие / А.М. Багмет, В.В. Бычков. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. — 343 с.

2. Бражников, Д.А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при раскрытии и расследовании преступлений / Д.А. Бражников, В.В. Бычков // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. — 2019. — № 3(21). — С. 80—85.

3. Бычков, В.В. Актуальные вопросы организации расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Военное право. — 2020. — № 6(64). — С. 175—182.

4. Бычков, В.В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2021. — № 2. — С. 102—105.

5. Бычков, В.В. Противодействие расследованию преступлений экстремистской направленности и меры по его преодолению / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 6. — С. 55—59.

6. Взаимодействие следственных органов СК России с подразделениями ФСИН России: учебное пособие / В.В. Бычков, А.Ж. Саркисян, В.А. Шурухнов, Н.Г. Шурухнов, С.В. Харченко. — М.: Московская академия СК России, 2021. — 121 с.

Сравнительно-правовой анализ норм уголовного права, предусматривающих ответственность за преступления, совершенные в отношении воинских захоронений в России и Республике Беларусь

© Давыдова Елена Юрьевна,
заместитель начальника Службы земельно-имущественных отношений ГБУ «Ритуал»

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются в сравнении нормы уголовного законодательства России и республики Беларусь в части уголовно-правовой охраны объектов, посвященных военной памяти народа. Рассмотрены составы преступления, содержащиеся в соответствующих Уголовных кодексах, установлены их сходства и различия.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, братская могила, санкция, уничтожение, повреждение.

Comparative legal analysis of the norms of criminal law providing for liability for crimes committed against military graves in Russia and the Republic of Belarus

© Davydova E.Yu.,
Deputy Head of the Land and Property Relations
Service of GBU "Ritual"

Annotation. This article examines in comparison the norms of the criminal legislation of Russia and the Republic of Belarus in terms of criminal protection of objects dedicated to the military memory of the people. The components of the crime contained in the relevant Criminal Codes are considered, their similarities and differences are established.

Keywords: criminal law protection, mass grave, sanction, destruction, damage.

В настоящее время вопросы уголовно-правовой охраны воинских захоронений, расположенных на территориях разных стран, становятся наиболее актуальными, ввиду того, что ранее необходимости в такой охране не существовало, так как уровень отношения к военной памяти народа у населения был высоким. К сожалению, сейчас уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере воинских захоронений, мемориалов, стел и иных сооружений — это мера особого государственного реагирования на реалии современности.

Автор настоящей статьи ставит своей целью исследовать составы преступления, охраняющие общественные отношения в сфере «военной памяти» на примере Уголовного кодекса Российской Федерации

(УК РФ) и Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК Республики Беларусь).

УК РФ в ст. 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвященных дням воинской славы России» предусматривает:

1. Уничтожение либо повреждение расположенных на территории Российской Федерации или за ее пределами воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (в том числе мемо-

риальных музеев или памятных знаков на местах боевых действий), а равно памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы, в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов — наказывается штрафом в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в отношении воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов в период Великой Отечественной войны либо посвященных дням воинской славы России в этот период (в том числе мемориальных музеев или памятных знаков на местах боевых действий), а равно памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы в период Великой Отечественной войны;

в) с применением насилия или с угрозой его применения, —

наказывается штрафом в размере от двух до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

УК Республики Беларусь в ст. 347 предусматривает:

1. Надругательство над трупом или могилой, либо похищение трупа, либо похищение предметов, находящихся в захоронении, — наказывается штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. Те же действия, совершенные в отношении братской могилы или могилы защитника Отечества, — наказываются арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

Стоит отметить, что в отличие от отечественного уголовного законодательства уголовное законодательство республики Беларусь не выделяет в отдельный состав преступления – преступления против «военной памяти народа», а в общем составе преступления «надругательство над трупом или могилой» предусматривает отягчающее обстоятельство: «те же действия, совершенные в отношении братской могилы или могилы защитника Отечества».

Объектом преступлений, предусмотренных ст. 243.4 УК РФ и ч. 2 ст. 347 УК Республики Беларусь, выступает общественная нравственность в сфере охраны памяти погибших, защищавших Отечество, а также его интересы. Для обоих составов преступлений дополнительным объектом будет являться собственность, так как речь идет об уничтожении или повреждении объектов материального мира, которые находятся в различных формах собственности.

Вместе с тем, существуют определенные различия в предмете преступлений вышеуказанных составов.

Перечень предметов преступления ст. 243.4 УК РФ включает в себя воинские захоронения, а также мемориальные сооружения, воздвигнутые в честь павших при защите Отечества, предметом преступления ч. 2 ст. 347 УК Республики Беларусь является братская могила или могила защитника Отечества.

Исследователь В.В. Бычков выделяет, например, следующие примеры предмета преступления ст. 243.4 УК РФ:

- воинское захоронение;
- место погребения военнослужащих (например, братская могила);
- воинский памятник;
- монумент
- статуя
- обелиск
- мемориальные сооружения

— мемориальные объекты¹.

Перечисленный выше перечень предметов преступления ст. 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации не является полным для отечественного уголовного права. Стоит отметить, что часть религиозных сооружений, которые были воздвигнуты в честь подвигов воинов, погибших при защите Отечества, также могут являться предметом преступления ст. 243.4 УК РФ.

Субъективная сторона преступления обоих сравниваемых составов – это вина в виде прямого или косвенного умысла. «Преступник осознаёт, что повреждает или уничтожает объект культурного наследия или мемориальный объект, посвящённый памяти павших воинов, предвидит неизбежность его повреждения и желает этих последствий»².

С объективной стороны общественно опасные деяния, предусмотренные статьей 243.4 УК РФ и ч.2 ст. 347 УК Республики Беларусь, выражены в уничтожении или повреждении предмета преступления.

Термины «уничтожение» и «повреждение» схожи между собой и отличаются только тем, что уничтожение подразумевает под собой полную невозможность дальнейшего использования объекта, а повреждение даёт возможность использования объекта, но только после его ремонта³.

¹ См., например, Бычков В. В. Предмет преступления, предусмотренного статьей 243.4 УК РФ // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2020. № 2 (28). С. 5.

² См., например: Корепанова А. Уголовно-правовая ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвящённых дням воинской славы России // *Modern Science*. 2020. № 7–1. С. 146.

³ См., например: Скляров К.А. Проблемы разграничения вандализма (ч. 1 ст. 214 УК РФ) и уничтожения или повреждения памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность (ч. 1 ст. 243 УК РФ) // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2012. № 3 (22). С. 109.

По законодательной формулировке конструкция объективной стороны ст. 243.4 УК РФ является формальной, то есть общественно опасное деяние считается завершенным в тот момент, когда совершено деяние в виде повреждения или уничтожения предмета преступления⁴. Данное мнение можно применить и к ч. 2 ст. 347 УК Республики Беларусь.

Субъектом преступления обоих рассматриваемых составов является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Однако если лицо, достигшее 14-летнего возраста, совершит одно из данных преступлений, то оно будет нести ответственность по другим нормам уголовного закона, например, по ст. 214 УК РФ (вандализм)⁵.

Если возвратиться к определению общественной опасности преступлений по отечественному уголовному праву, то необходимо вспомнить, что преступления небольшой тяжести являются умышленными и неосторожными деяниями, наказание за которые не превышает двух лет лишения свободы. Преступлением средней тяжести являются умышленные деяния, максимальная санкция за которые не превышает 5 лет лишения свободы и неосторожные деяния, максимальная санкция за которые превышает 2 года лишения свободы. Тяжким преступлением признается умышленное деяние, санкция за которое не превышает 10 лет лишения свободы⁶.

⁴ См.: Жидулина А.С., Рахвалова Н.А., Рахматулин З.Р. Уголовно-правовой анализ состава уничтожения либо повреждения воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвящённых дням воинской славы России // *Modern Science*. 2020. № 6-1. С. 312.

⁵ См., например, статью: Селиверстова Н.О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021. № 2 (90).

⁶ См., например: Сидоров И.А. Классификация преступлений по типу общественной опасности // *Поколение будущего: Взгляд молодых учёных : сборник статей*. Курск: Юго-западный государственный университет, 2018. С. 249.

Уголовное законодательство Республики Беларусь (ст. 11 УК Республики Беларусь) предусматривает иные виды санкций.

Преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделяются на преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие.

К преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, относятся умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание.

К менее тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше шести лет, а также преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет.

К тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двенадцати лет.

К особо тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет, пожизненного лишения свободы или смертной казни.

Таким образом, общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 243.4 УК РФ, относится к преступлениям небольшой или средней тяжести, а предусмотренное ч. 2 ст. 347 УК Республики Беларусь — к преступлениям средней тяжести.

Исходя из анализа рассматриваемых составов преступления, можно прийти к следующим выводам: во-первых, в отличие от отечественного уголовного законодательства, охраняющего «военную память народа», уголовное законодательство Республики Беларусь не выделяет отдельным составом преступления данную уголовно-

правовую охрану; во-вторых, оба рассматриваемого состава преступления схожи по своему предмету, однако предмет в уголовном праве России более широк; в-третьих, субъективная сторона преступления обоих сравниваемых составов — это вина в виде прямого или косвенного умысла; в-четвертых, с объективной стороны общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 243.4 УК РФ и ч. 2 ст. 347 УК Республики Беларусь, выражены в уничтожении или повреждении предмета преступления.

Библиография

1. Бычков, В.В. Предмет преступления, предусмотренного статьей 243.4 УК РФ / В.В. Бычков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2020. — № 2 (28).
2. Жикулина, А.С. Уголовно-правовой анализ состава уничтожения либо повреждения воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвящённых дням воинской славы России / А.С. Жикулина, Н.А. Рахвалова, З.Р. Рахматулин // Modern Science. — 2020. — № 6-1.
3. Корепанова, А. Уголовно-правовая ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвящённых дням воинской славы России / А. Корепанов // Modern Science. — 2020. — № 7-1.
4. Селиверстов, Н.О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н.О. Селиверстов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 2 (90).
5. Сидоров, И.А. Классификация преступлений по типу общественной опасности / И.А. Сидоров / Поколение будущего: Взгляд молодых учёных: сборник статей. — Курск: Юго-западный государственный университет, 2018.
6. Скляр, К.А. Проблемы разграничения вандализма (ч. 1 ст. 214 УК РФ) и уничтожения или повреждения памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность (ч. 1 ст. 243 УК РФ) / К.А. Скляр // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2012. — № 3 (22).

Тактика осмотра места происшествия

© Елистратов Кирилл Евгеньевич,
юрист

Аннотация. Рассматриваются понятие, содержание и цели осмотра места происшествия. Данное следственное действие имеет свои особенности, заключающиеся в том, что только осмотр места происшествия может быть проведён до возбуждения уголовного дела. К особенностям осмотра места происшествия относится и то, что его результат может показать либо наличие в данном происшествии преступления, либо его отсутствие. Автор полагает, что помимо осмотра места происшествия, целесообразно разрешить проведение до возбуждения уголовного дела назначение и производство криминалистических экспертиз по определению преступности или её отсутствию в том или ином предмете, обнаруженном на месте происшествия.

Ключевые слова: происшествие; криминалистический осмотр; следователь; место происшествия; доказательства и их источники.

Scene inspection tactics

© Elistratov K.E.,
Lawyer

Annotation. The concept, content and objectives of the inspection of the scene are considered. This investigative action has its own characteristics, consisting in the fact that only this investigative action can be carried out before the initiation of a criminal case. The peculiarity of the inspection of the scene of the incident also includes the fact that its result can show either the presence of a crime in this incident, or its absence. The author believes that in addition to examining the scene, it is advisable to allow the appointment and production of forensic examinations to determine crime or its absence in one or another item found at the scene before initiating a criminal case.

Key words: incident; forensic examination; investigator; the scene of the incident; evidence and sources.

Когда мы говорим о науке криминалистике, то обязательно учитываем, что она включает четыре составные части: введение в криминалистику (общую теорию криминалистики); криминалистическую технику; криминалистическую тактику, включающую правила производства конкретных видов следственных действий по собиранию и исследованию доказательств по совершённым преступлениям и криминалистическую методику по раскрытию и расследованию отдельных групп (видов) преступлений, в том числе преступлений против личности, против собственности и т.д. Но поскольку тема данной статьи посвящена осмотру места происшествия, то анализу и исследованию будет подвергнут именно осмотр места происшествия (преступления).

Будет правильным, если мы сразу же отметим, что только это единственное

следственное действие может быть проведено до возбуждения уголовного дела, на что указывает ч. 1 ст. 176 УПК РФ. При этом к осмотру места происшествия относится и осмотр предметов и документов, который также возможен до возбуждения уголовного дела. Такое положение обусловлено прежде всего тем, что только в процессе производства данного следственного действия зачастую появляется возможность найти правильный ответ на вопрос: было ли это преступление или непроступное деяние в виде природного явления, несчастного случая, естественной, например, смерти и т.п.

В то же время нередко требуется проведение, вернее, весьма желательно проведение и других неотложных следственных действий до возбуждения уголовного дела. Но об этом нами будет сказано несколько

позже в заключительной части данной работы.

Итак, перед криминалистической тактикой по осмотру места происшествия стоит не только первейшая, но и основная задача: наиболее эффективная организация данного следственного действия в соответствии со стоящими перед ним целями обнаружить и собрать как можно более полную информацию о том явлении, о том деянии, результаты которых и подлежат следственному осмотру. В случае подтверждения предположения, что в данном случае имело место преступление, результаты следственного осмотра места происшествия будут содействовать следователю в построении наиболее рациональной системы дальнейшей деятельности не только предварительного расследования, но и организации взаимодействия между следователем (дознавателем) и работниками оперативно-розыскных служб и подразделений, а также между следствием и иными участниками уголовного процесса (экспертом, специалистом и т.д.)¹.

Обращаясь к криминалистической тактике, регулирующей правила и порядок производства отдельных следственных действий, следует указать на то, что в криминалистическую тактику включаются, во-первых, общие положения осуществления проведения следственных действий, и, во-вторых, тактика производства конкретных следственных действий, в данном случае осмотра места происшествия. К общим положениям, по нашему мнению, относятся понятие следственных действий и понятия, используемые этим разделом криминалистики, источники криминалистической тактики и её принципы, содержание отдельных следственных действий, понятие и содержание следственной ситуации, тактической операции и др.

В тактику производства конкретных следственных действий включают тактику осмотра места происшествия, тактику допроса и очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте, следственного эксперимента и др.

При этом следует обязательно указать на то, что криминалистическая тактика теснейшим образом связана с другими разделами криминалистики, в том числе с криминалистической техникой, достижение которой почти без каких-либо исключений применяются и при тактике осмотра места происшествия. В связи с тем, что производство отдельных следственных действий направлено на раскрытие и расследование конкретного преступления, то в этом прослеживается неизбежная и при том теснейшая связь между тактикой производства отдельных следственных действий, с одной стороны, и криминалистической методикой раскрытия и расследования конкретных преступлений, с другой².

Нельзя обойти стороной и связь криминалистической тактики проведения отдельных следственных действий с другими науками, теоретические положения и практические рекомендации которых использует и применяет криминалистическая тактика³. К примеру, при осмотре места происшествия широкое распространение получило применение фото- и видеосъемки, звукозаписи, самых современных компьютерных технологий и технических средств. К примеру, при осмотре места происшествия довольно высокие результаты даёт использование лазерного сканера Trimble TX5, позволяющего создавать 3D модель, по которой можно измерить с точностью до миллиметра любые расстояния на месте происшествия и реконструировать его событие⁴.

При осмотре места происшествия на объектах транспортной инфраструктуры, например, при осмотре локомотивов и вагонов может возникнуть необходимость

² Иванов Л.А. Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий. Саратов, 1995.

³ Суденко В.Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 1 (68). С. 210—222.

⁴ Суденко В.Е. Особенности осмотра объектов железнодорожного транспорта по факту террористического акта // Учёные записки Крымского федерального университета имени А.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 185—190.

¹ Осмотр места происшествия : практическое пособие / под ред. А.И. Дворкина. М.: Юрист, 2001.

проверить внутренние полости вагонных или локомотивных замкнутых полостей (буксы, внутреннего пространства двигателя тепловоза и др.). В подобных случаях вряд ли в настоящее время можно заменить чем-то иным видеоэндоскоп VS70, прибор, созданный и изготавливаемый компанией Flir Systems Inc. (США), имеющий удобный для пользования ручной блок управления, с помощью которого можно поворачивать в ограниченном пространстве зонд камеры диаметром 5,8 мм на 180 градусов в ограниченном пространстве, недоступном обычному визуальному наблюдению и изучению. При этом получают высокое разрешение и изображение на видео либо такое изображение получаем на цветном ЖК-дисплее.

Данный прибор особенно незаменим в случаях, когда во время осмотра места происшествия, связанного с каким-либо транспортным средством, возникает необходимость получения ситуационной или диагностической криминалистически значимой идентификационной информации при отсутствии доступа к местам возможного нахождения следов или частей каких-либо объектов. Помимо сказанного, для определения на месте происшествия правильности взаимодействия отдельных частей того или иного механизма, относящегося к осматриваемому объекту на месте происшествия, а также наличия на них скрытых от человеческих глаз дефектов или следов также может использоваться и постоянно используется видеоэндоскоп VS70 там, где он имеется в наличии¹.

Вернёмся к следственному осмотру места происшествия. Следственный осмотр вообще относится к одному из важнейших неотложных следственных действий, в ходе которого происходит непосредственное восприятие следователем того, что имеется на месте происшествия на момент его осмотра. Отметим, что следственный осмотр применяется не только на месте происшествия, но и при наружном осмотре трупа человека на месте его обнаружения (ст. 178 УПК РФ), при осмотре местности, жилища, предме-

тов и документов (ч. 1 ст. 176 УПК РФ), при осмотре помещения (ч. 6 ст. 177 УПК РФ). К самостоятельному виду следственного осмотра может быть отнесено освидетельствование живого лица, которое регламентировано статьёй 179 УПК РФ.

Сказанное имеет непосредственное отношение к следственному осмотру места происшествия, когда следователь непосредственно обнаруживает и воспринимает обнаруженные материальные объекты, имеющие отношение к данному событию (происшествию). Объектом осмотра при этом являются признаки, свойства и взаиморасположение различных предметов на месте происшествия, происходит обнаружение, фиксация, изъятие и исследование обнаруженных следов, а затем после возбуждения уголовного дела их приобщение к материалам расследования в установленном уголовно-процессуальным законодательством (УПК РФ) порядке. Таким образом, обнаруженные следы и их источники становятся доказательствами по уголовному делу и служат для установления истины произошедшего².

Как отмечено выше, имеются и другие виды следственного осмотра, но все они объединяются тем, что относятся к непосредственному предварительному изучению обнаруженных материальных объектов. В то же время, каждый вид осмотра имеет свои специфические черты и признаки. При производстве осмотра места происшествия ранее было обязательное присутствие не менее двух понятых. Однако с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 92-ФЗ их участие в осмотре места происшествия отнесено на усмотрение следователя. Думается, что эта инициатива законодателя не совсем верна, поскольку участие понятых может подтвердить или опровергнуть то, что никакими приборами невозможно зафиксировать. Например, наличие запаха алкоголя от трупа вряд ли можно установить иначе, нежели личными чувствами следователя и понятых.

² Суденко В.Е. Объективная истина как цель уголовного процесса при расследовании транспортных преступлений // Транспортное право и безопасность. 2017. № 9 (21). С. 66—73.

¹ Там же.

Остановимся на криминалистических принципах следственного осмотра места происшествия. Таковыми, по нашему мнению, являются своевременность производства данного следственного действия, его полнота; объективность, целенаправленность, а также наличие единого руководства.

Когда мы говорим о *своевременности* осмотра места происшествия, то подразумеваем в этом незамедлительность его производства, поскольку с истечением даже небольшого промежутка времени вполне возможно изменение обстановки на этом месте как по естественным причинам (ливневый дождь смывает следы), так и по причине их уничтожения самими виновниками в происшествии лицами либо иными лицами, не относящимися к участникам происшествия (например, дворник, подметая территорию, уничтожил имевшиеся на ней следы, либо вместе с мусором убрал и какие предметы, находившиеся там (пустую пачку от сигарет со следами пальцев рук, окурки, на которых можно было бы обнаружить частицы слюны и т.п.)).

Для определения и реализации комплекса вопросов, решаемых в процессе осмотра места происшествия, а также обнаружения не только всех следов происшествия, но и других объектов, значимых для целей доказывания по делу, в криминалистике применяется такой термин, как *полнота* осмотра при этом не должно быть упущено ни одного на первый взгляд кажущегося малозначимым объекта или иного источника вещественных доказательств. При этом и следователю, и другим участникам осмотра места происшествия следует быть объективными, беспристрастными исследователями всех возникающих при осмотре версий.

Наряду со своевременностью осмотра, он должен носить ещё и *активный*, творческий характер, независимый от какого бы то ни было влияния со стороны. *Планомерность* осмотра, его целенаправленность на серьёзный поиск следов преступления и иных данных, которые могут быть важными для расследования уголовного дела, во многом зависят от наличия *единого руководства* всеми участниками осмот-

ра. Не должны проявляться чрезмерные амбиции отдельных лиц, высказывающих требования поступать по их плану и под их руководством, а не так, как требует руководитель осмотра, которым является следователь. Никто не вправе мешать ему выполнять его требования, вытекающие из УПК РФ.

Местом происшествия признаётся участок местности или помещение, в пределах которого обнаружены следы и объекты, относящиеся к исследуемому событию. Преступный результат и другие последствия преступления могут быть обнаружены не только там, где совершено преступление, но и в других местах. Место происшествия — это и место, где событие подготавливалось, произошло, где обнаружены его последствия. Поэтому по одному уголовному делу может быть несколько мест происшествия.

Когда мы говорим об осмотре места происшествия, то обязательно имеем в виду цель данного следственного действия, к которой стремится следователь и которой является установление следующих данных об обстоятельствах, при которых произошло событие: если имело место преступление, то какое именно; о причинённом преступлением ущербе; о тех, кто мог совершить преступление, сколько было лиц, их признаки; о следах, объектах подлежащих изъятию для приобщения к делу в качестве вещественных доказательств; об очевидцах и свидетелях; об условиях, способствовавших совершению преступления.

Для достижения указанной цели при следственном осмотре места происшествия требуется получить процессуально закреплённую информацию в виде фактических данных о тех обстоятельствах, которые характеризуют произошедшее событие, а также о лицах и объектах, относящихся к данному событию, об их связях и взаимодействиях. Для наиболее результативного решения этой задачи следователем необходимо не только обязательно осмыслить, но и чётко зафиксировать в протоколе осмотра мета происшествия материальную обстановку, в которой произошло проверяемое событие, а также принять меры к обнаружению, фиксации и изъятию выявлен-

ных материальных следов в виде вещественных доказательств преступления, сред и которых могут быть следы рук, ног, орудий взлома или их иного применения, транспортных средств, пятен крови и иных выделений человека, другие вещи, предметы, оставленные на месте происшествия виновными лицами или утерянные ими. Кроме того, следователю необходимо приложить усилия к выяснению связей следов и других объектов с совершившим преступление лицом, с потерпевшим или иными предметами и лицами. Всё это направлено на получение исходных данных, требуемых для определений виновного и его розыска, если он не задержан на месте преступления или сразу после его совершения по «горячим следам», а также в целях организации и проведения процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В ходе осмотра места происшествия нередко могут быть решены и отдельные частные задачи, в том числе:

— выяснение возможных очевидцев и свидетелей, кто, судя по расположению места происшествия, мог наблюдать или слышать происходившее;

— какие следы могли остаться на участвовавших в происшедшем событии лицах и использованных ими орудиях и транспортных средствах;

— какие образцы почвы, растительности необходимо изъять для установления в последующем связи данного объекта, на котором они обнаружены, и лиц, имевших отношение к ним.

Решение общих и частных задач осмотра места происшествия способствует реализации требований уголовно-процессуального закона: установить, носило ли происшедшее событие преступный характер; выяснить, при каких обстоятельствах оно происходило (время, место, способ, характер причинённого ущерба и иные обстоятельства); выявить виновных лиц и мотивы их действий; получить сведения о причинах преступления и условиях, способствовавших его совершению.

Как было отмечено выше, осмотр места происшествия может быть произведён и до вынесения постановления о возбуж-

дении уголовного дела. В этом смысле, к одной из проблем судебной экспертизы относится невозможность проведения в некоторых случаях криминалистических экспертиз до возбуждения уголовного дела прямо на месте происшествия, когда возникает необходимость исследования обстановки в ненарушенном, первоначальном состоянии, что повысит эффективность раскрытия преступления по горячим следам. Однако экспертиза на месте происшествия невозможна, поскольку следователь не вправе назначать судебную экспертизу без возбуждения уголовного дела, что затягивает раскрытие и расследование совершённого преступления, не исключая реальной возможности утраты следов. Указанное послужило основой для постановки вопроса о необходимости разрешить назначение отдельных видов экспертиз до возбуждения уголовного дела, на что в своё время указывали и указывают в настоящее время многие теоретики и практики в области криминалистики. На это обращают внимание Р.С. Белкин, Х.А. Рооп, Е.Р. Россинская и др.¹

Таково весьма краткое освещение производства осмотра места происшествия и требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законодательством и криминалистическими рекомендациями по повышению эффективности данного следственного действия. Посредством эффективно проведённого осмотра места происшествия следователь может добиться не только объективной фиксации обстановки на месте происшествия, но и выявить источники следов преступления, которые могут стать в конечном итоге важнейшей информацией для установления истины по уголовному делу.

¹ Белкин Р.С. Методологические основы предварительного следствия // Руководство для следователей. М., 1971; Рооп Х.А. О соотношении судебной экспертизы и возбуждения уголовного дела // Процессуальные и методические вопросы судебной экспертизы. Таллин, 1981; Россинская Е.Р. О доказательственном значении результатов комплексного исследования вещественных доказательств // Проблемы уголовного процесса и криминалистики. М., 1982.

Библиография

1. Белкин, Р.С. Методологические основы предварительного следствия / Р.С. Белкин // Руководство для следователей. — М., 1971.
  2. Иванов, Л.А. Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий / Л.А. Иванов. — Саратов, 1995.
  3. Осмотр места происшествия : практическое пособие / под ред. А.И. Дворкина. — М., Юрист, 2001.
  4. Рооп, Х.А. О соотношении судебной экспертизы и возбуждения уголовного дела / Х.А. Рооп // Процессуальные и методические вопросы судебной экспертизы. — Таллин, 1981.
  5. Россинская, Е.Р. О доказательственном значении результатов комплексного исследования вещественных доказательств / Е.Р. Россинская // Проблемы уголовного процесса и криминалистики. — М., 1982.
  6. Суденко, В.Е. Объективная истина как цель уголовного процесса при расследовании транспортных преступлений / В.Е. Суденко // Транспортное право и безопасность. — 2017. — № 9 (21). — С. 66—73.
  7. Суденко, В.Е. Особенности осмотра объектов железнодорожного транспорта по факту террористического акта / В.Е. Суденко // Учёные записки Крымского федерального университета имени А.И. Вернадского. Юридические науки. — 2017. — Т. 3 (69). — № 1. — С. 185—190.
  8. Суденко, В.Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия / В.Е. Суденко // Мир транспорта. — 2017. — Т. 15. — № 1 (68). — С. 210—222.
-

Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в контексте последних изменений уголовного законодательства (ст. 157 УК РФ)

Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской
Федерации»

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы конструирования уголовно-правовой нормы, предусмотренной в ст. 157 УК РФ, назначения уголовных наказаний, а также применения иных мер уголовно-правового характера за это преступление, анализируются статистические показатели судимости и преступности, дается оценка вновь введенных законодательных изменений.

Ключевые слова: уголовное право, семейное право, уголовная ответственность, алименты, преступления против личности, преступления против семьи и несовершеннолетних, неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

Criminal liability for non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents in the context of recent changes in criminal legislation (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ermolovich Ya.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
FGKOU VO «The Moscow Academy Investigative
Committee of the Russian Federation»

Annotation. The article deals with problematic issues of the construction of the criminal law norm provided for in Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, the appointment of criminal penalties, as well as the application of other criminal law measures for this crime, analyzes statistical indicators of criminal record and crime, assesses the newly introduced legislative changes.

Key words: criminal law, family law, criminal liability, alimony, crimes against the person, crimes against the family and minors, non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации» примечание к ст. 157 УК РФ было дополнено ч. 3, согласно которой лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если оно в полном объеме погасило задолженность по выплате средств на содержание несовер-

шеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, или нетрудоспособных родителей в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации.

Авторами проекта вышеуказанного федерального закона¹ отмечалось, что он

---

¹ Проект Федерального закона № 1183608-7 «О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации».

разработан в целях исполнения п. 7 плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июля 2018 г. № 1375-р¹, п. 3.2 указания Президента Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № Пр-1323, а также в связи с подготовкой проекта федерального закона «О внесении изменений в статью 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Кроме того авторами законопроекта отмечалось, что он направлен на совершенствование механизма привлечения к уголовной ответственности лиц, не уплативших без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средства в размере, установленном в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, нетрудоспособных родителей (далее — алиментов), поскольку правоприменители зачастую сталкиваются с различным понимаем неуплаты алиментов и исполнения должниками своих алиментных обязательств.

В Плате основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства, было предусмотрено в целях повышения благосостояния семей с детьми, в качестве мероприятия, повысить эффективность исполнения судебных актов и нотариальных соглашений об уплате алиментов и защиты прав получателей алиментов в результате снижения количества исполнительных производств о взыскании алиментов, а также снижения размера задолженности по алиментам на несовершеннолетних детей. Собственно, вновь введенный п. 3 примечания к ст. 157 УК РФ, содержащий новое основание освобождения от уголовной ответственности, по мнению авторов законопроекта, и дол-

жен способствовать достижению указанных целей и снижению уровня соответствующей преступности, являющейся объектом уголовно-правового воздействия.

Сама модель уголовно-правового воздействия на преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ, в частности, и преступления против семьи и несовершеннолетних в общем, заключается в следующем. Ст. 157 УК РФ является бланкетной и направлена на уголовно-правовую охрану семейных правоотношений, регулируемых Семейным кодексом Российской Федерации (далее — СК РФ). В соответствии со ст. 60 СК РФ ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи. Указанному праву корреспондирует обязанность родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей (ст. 80 СК РФ), кроме того трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей (ст. 87 СК РФ), супруг и бывший супруг, в случаях, предусмотренных гл. 14 СК РФ, имеют право на получение алиментов, а в случаях, предусмотренных гл. 15 СК РФ, право на получение алиментов имеют и другие члены семьи, а также иные лица (братья и сестры, дедушки и бабушки, внуки, воспитанники, пасынки и падчерицы).

Для реализации вышеперечисленных прав и исполнения правовых обязанностей, вытекающих из семейных правоотношений, СК РФ предусмотрены две процедуры: 1) уплата алиментов в размере, на условиях и в порядке нотариально удостоверенного соглашения между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем (гл. 16 СК РФ); 2) взыскание алиментов по решению суда (гл. 17 СК РФ). Алименты могут уплачиваться родителями как после расторжения брака (ст. 24 СК РФ), так и вне взаимосвязи с расторжением брака, если они не выполняют своей обязанности по содержанию несовершеннолетних детей (п. 2 ст. 80 СК РФ)². Али-

¹ Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства : распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июля 2018 г. № 1375-р.

² См. также: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 и абзацем третьим пункта 2 статьи 24, пунктом 2

менты могут уплачиваться в частях от заработка и (или) иного дохода родителей (ст. 81 СК РФ), а также в твердой денежной сумме (ст. 83 СК РФ).

В случае неисполнения своих обязанностей лицом, которое обязано уплачивать алименты, предусмотрена гражданско-правовая ответственность в виде уплаты неустойки в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки при наличии вины в образовании задолженности по выплате алиментов (ст. 115 СК РФ), а также административная ответственность (ст. 5.35.1 КоАП РФ) за неуплату алиментов без уважительных причин в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства.

Таким образом, лицо, которое претендует на уплату алиментов, должно выразить свою волю в правовой форме, т. е. заключить нотариальное соглашение о выплате алиментов или обратиться в суд, а точнее к мировому судье по месту жительства лица, которое обязано уплачивать алименты, с исковым заявлением о взыскании алиментов, либо получить у того же мирового судьи судебный приказ о взыскании алиментов. Следует иметь в виду, что при несоблюдении вышеуказанной процедуры, деликтные правовые отношения не возникают, поскольку в данном случае законодатель использовал диспозитивный метод регулирования общественных отношений, другими словами, если лицо не обращалось за взысканием алиментов и не предпринимало никаких мер для их взыскания, не возникает и негативных последствий для лица, которое обязано уплачивать алименты, а следовательно лицо не может быть привлечено к административной или уголовной ответственности за неуплату алиментов¹.

статьи 80 и статьей 81 Семейного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1844-О-О.

¹ См. также: О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56.

После вступления в силу решения суда, судебного приказа или нотариального соглашения лицо обращается к судебному приставу, которому представляется судебный приказ, исполнительный лист или нотариальное соглашение и заявление взыскателя, на основании которых он возбуждает исполнительное производство (ст. 102 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). На этой стадии отсутствие исполнительного производства, т. е. необращение лица в органы принудительного исполнения, также не влечет за собой административно-правовых или уголовно-правовых последствий; сами по себе, без обращения к взысканию, решение суда, судебный приказ или нотариальное соглашение не влекут последствий, связанных с юридической ответственностью. Далее судебный пристав-исполнитель осуществляет розыск должника, получает у него объяснения, обращает взыскание на заработную плату и иные доходы должника (как правило алименты исчисляются и перечисляются работодателем на счет лица, которое их получает).

Только после выполнения всех указанных процедур лицо может быть привлечено к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей при условии, что отсутствовали уважительные причины², лицо не уплачивало алименты более двух месяцев и, если ранее лицо привлекалось к административной ответственности за то же деяние, истек срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 4.6 КоАП РФ), который исчисляется со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и до истечения одного года со дня окончания ис-

---

² Об уважительных причинах неуплаты алиментов см.: О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 6.

полнения данного постановления или до истечения одного года со дня уплаты административного штрафа, либо истек срок давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ), либо истек срок давности исполнения постановления о назначении административного наказания (ст. 31.9 КоАП РФ). В противном случае, если лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.35.1 КоАП РФ, и совершает вновь это же административное правонарушение, оно уже подлежит не административной, а уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ, при этом административная ответственность по ст. 5.35.1 КоАП РФ в этом случае исключается. Т.е. должностное лицо ФССП России составляет протокол об административном правонарушении, которое направляет судье, который в свою очередь выносит постановление о назначении административного наказания, предусмотренного ст. 5.35.1 КоАП РФ, которое должно вступить в силу, быть исполнено, т. е. лицо должно отбыть административное наказание, либо в случаях, предусмотренных п. 6 ст. 31.7, ч. 7 ст. 32.13 КоАП РФ, может быть вынесено постановление о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания, причем все решения о привлечении к административной ответственности не должны отменяться впоследствии в судебном порядке. Если в течение года после наступления этих событий, имеющих юридическое значение, лицо вновь совершает административное правонарушение, предусмотренное ст. 5.35.1 КоАП РФ, то только тогда возникают уголовно-правовые отношения.

Уголовно-правовое воздействие в системе правового регулирования алиментных обязательств членов семьи является крайней мерой, которая применяется в исключительных случаях к лицам, которые злостно, умышленно и систематически не исполняют своих обязанностей по уплате алиментов. Казалось бы, такая сложная система правового регулирования деликтных отношений, возникающих из али-

ментных обязательств членов семьи, где уголовно-правовое регулирование детерминировано семейными и административно-правовыми отношениями и является только одним из элементов системы правового регулирования указанных правоотношений, которая в своей совокупности с правовым механизмом реализации прав и законных интересов лиц, которые имеют право на получение алиментов, должны минимизировать или вовсе сводить на нет рассматриваемый вид преступлений и преступности, однако данные судебной статистики свидетельствуют об обратном.

В 2020 г. за совершение 41 047 преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, было осуждено 40 145 человек. При этом за преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ, было осуждено 37 945 человек, совершивших 38 693 преступления, предусмотренных этой статьей, что составляет 94 % от всех преступлений против семьи и несовершеннолетних и 94,5 % осужденных за эти преступления¹. За преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 157 УК РФ, в 2020 г. было осуждено всего 19 человек, и в отношении 6 человек дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям (в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, со смертью подозреваемого или обвиняемого, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием и т.п.), при этом оправдательные приговоры отсутствовали. Таким образом, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 157 УК РФ, составляет 99 % совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ. При этом по ч. 1 ст. 157 УК РФ было оправдано в 2020 г. 6 человек, в отношении 10 человек уголовные дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям (отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, непричастность подозреваемого или обвиняемого к

¹ См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2020 г.).

совершению преступления); в отношении 1 881 человека, обвинявшихся в совершении 1 885 преступлений, уголовные дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям, что составляет 4,7 % от всех направленных в суд уголовных дел по ч. 1 ст. 157 УК РФ. В отношении 31 человека, обвинявшихся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 157 УК РФ, были применены принудительные меры медицинского характера.

Таким образом, количество осужденных по ст. 157 УК РФ составляет 6,5 % от общего количества осужденных в 2020 г. в России и 5,4 % от общего количества преступлений, за которые были осуждены эти лица в 2020 г. в России, что достаточно много, учитывая, что по количеству преступлений и по количеству осужденных по ст. 157 УК РФ эта сумма больше чем количество осужденных и совершенных преступлений по гл. 29 (преступления против основ конституционного строя и безопасности государства), по гл. 30 (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления) и по гл. 31 (преступления против правосудия) вместе взятых (20 291 лиц и 24 077 преступлений).

В 2019 г. за совершение 50 709 преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, было осуждено 49 761 человек. При этом за преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ, было осуждено 47 123 человек, совершивших 47 882 преступления, предусмотренных этой статьей, что составляет 94,6 % от всех преступлений против семьи и несовершеннолетних и 94,4 % осужденных за эти преступления¹. За преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 157 УК РФ, в 2019 г. было осуждено всего 20 человек и в отношении 2 человек дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям, при отсутствии оправ-

дательных приговоров и уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям.

Таким образом, падение количества совершенных преступлений и количества лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ, в 2020 г. по отношению к 2019 г. составило 20 % по числу преступлений и 19,5 % по числу лиц.

В 2018 г. за совершение 49 549 преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, было осуждено 48 850 человек. При этом за преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ, было осуждено 45 955 человек, совершивших 46 397 преступлений, предусмотренных этой статьей, что составляет также 94 % от всех преступлений против семьи и несовершеннолетних и 93,6 % осужденных за эти преступления². За преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 157 УК РФ, в 2018 г. было осуждено всего 36 человек и в отношении 3 человек дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям, при отсутствии оправдательных приговоров и уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям.

Таким образом, рост количества совершенных преступлений и количества лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ, в 2019 г. к 2018 г. составил 2,5 % по числу преступлений и 3 % по числу лиц.

Сложно сказать, чем вызвано сильное падение преступности и судимости за преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ, в 2020 г., тем более, что в относительных показателях рассматриваемые преступления стабильно составляют около 94 % от всех преступлений против семьи и несовершеннолетних, т. е. падение судимости и преступности происходит синхронно с показателями других составов преступлений, что укладывается в общий

¹ См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2019 г.).

² См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2018 г.).

тренд на сокращение количества осужденных в целом в России, который наблюдается уже не первый год. Тем не менее количество совершенных преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ, велико, учитывая, что это преступление небольшой тяжести, а состав преступления содержит административную преюдицию, поэтому проводимая политика, направленная на снижение количества рассматриваемых преступлений и введение в этой связи дополнительного основания освобождения от уголовной ответственности в примечание к ст. 157 УК РФ, является правильной, учитывая, что целью уголовно-правовой охраны в данном случае является не привлечение к уголовной ответственности лиц, которые уклоняются от уплаты алиментов, а восстановление нарушенных прав лиц, которые имеют право на получение алиментов.

Если говорить о назначении уголовных наказаний и применении иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ, то в структуре назначения уголовных наказаний в 2020 г. лишение свободы на определенный срок назначалось в 3 215 случаях (8,5 % от общего числа назначенных наказаний), из них 2 873 случая составляло лишение свободы на срок до 1 года (7,6 % от общего числа назначенных наказаний)¹, лишение свободы условно назначалось в 4 462 случаях (11,8 % случаев), исправительные работы назначались в 23 608 случаях (62,6 %), исправительные работы условно назначались в 5 942 случаях (15,8 %), по приговорам судов освобождались от наказания или наказание не назначалось в 57 случаях, в 14 случаях применялась конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ), в 156 случаях — судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ). Из дополнительных наказаний в 335 случаях назначалось лишение права занимать определенные должности или

заниматься определенной деятельностью, в 66 случаях — штраф, в 4 случаях — ограничение свободы. В 32 191 случаях преступления совершались при наличии смягчающих обстоятельств, в 2 349 случаях — при наличии отягчающих обстоятельств.

Таким образом, наиболее распространенным наказанием за преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ, являются исправительные работы, которые в совокупности наказаний, назначенных реально и условно, составляют 78,4 % от числа назначенных наказаний за это преступление. Схожая динамика в структуре назначения уголовных наказаний прослеживается и в 2018, 2019 гг.² Обращает на себя внимание малое количество случаев применения иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, одним из условий применения которого является как раз возмещение вреда, причиненного преступлением, в рассматриваемом случае — уплата задолженности по алиментам. Учитывая это обстоятельство, эффективность вновь введенного п. 3 примечания к ст. 157 УК РФ ставится под сомнение. Следует отметить, что наказуемость преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, довольно стабильна, изменения в санкцию этой статьи вносились всего один раз в 2011 г.³ Первоначально это преступление наказывалось обязательными работами, исправительными работами, либо арестом, в 2011 г. обязательные работы были исключены из санкции статьи, однако в санкцию были добавлены более строгие наказания — принудительные работы и лишение свободы, т.е. произошла пенализация состава преступления. При этом арест, который не назначается и не исполняется, был оставлен в санкции статьи. С тех пор санкция правовой нормы, закреп-

¹ См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 2020 г.).

² См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 2018 г., 2019 г.).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ.

ленной в ст. 157 УК РФ, остается стабильной. В судебной практике встречаются случаи назначения штрафа в качестве основного наказания, ограничения свободы и обязательных работ, которых нет в санкции статьи ст. 157 УК РФ¹.

Состав преступления, предусмотренный ст. 157 УК РФ, всего один раз подвергался существенной редакции в 2016 г.² Если ранее уголовная ответственность устанавливалась за злостное уклонение от уплаты алиментов, при этом определение злостного уклонения носило оценочный характер, не закреплялось в нормативных правовых актах и требовало каждый раз судебного толкования³, то с учетом вновь введенных изменений была проведена частичная декриминализация вышеуказанного преступления, путем введения административной преюдиции, с одновременным введением соответствующего вида административного правонарушения в КоАП РФ⁴.

¹ Речь идет видимо о назначении наказаний по совокупности преступлений или применении ст. 64 УК РФ, т. е. назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. — прим. авт.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ.

³ Например, в методических рекомендациях ФССП России предлагалось уклонение от уплаты алиментов считать злостным, если лицо, обязанное их уплачивать, более четырех месяцев без уважительных причин не оказывало помощи в содержании детей и его поведение свидетельствовало об упорном, стойком нежелании выполнять решение суда (Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2011. № 8).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка

Первоначально в законопроекте предлагалось вообще исключить из УК РФ ст. 157, т. е. полностью декриминализовать это деяние, в рамках проводимой политики гуманизации и либерализации уголовного законодательства, путем снижения количества преступлений небольшой тяжести в структуре судимости и преступности⁵. Однако против такого решения выступили Комитет по вопросам семьи, женщин и детей и Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы, которые отмечали, что декриминализация преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, противоречит основным задачам государственной семейной политики, а Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 г., наоборот, включает в себя и меры по усилению ответственности должников, в связи с чем ст. 157 УК РФ выполняет, в том числе, превентивную функцию. Последующие события показали обоснованность такого подхода.

Существующая модель уголовной ответственности за неуплату алиментов, предусматривающая административную преюдицию, т. е. привлечение к уголовной ответственности за повторное в течение года совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.35.1 КоАП РФ, также имеет определенные уязвимости и содержит ряд противоречий. Помимо того, что такой подход противоречит основанию уголовной ответственности, закрепленному в ст. 8 УК РФ, составы преступлений с административной преюдицией расширяют предмет доказывания по уголовному делу, возлагая на следователя обязанность помимо обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, устанавливать: вступило ли в законную силу по-

освобождения от уголовной ответственности» : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ.

⁵ Проект Федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (ред., принятая ГД ФС РФ в 1-м чтении 26.02.2016).

становление о назначении административного наказания, исполнено ли это постановление, не прекращалось ли его исполнение, не истек ли годичный срок со дня окончания исполнения данного постановления, не пересматривалось ли постановление о назначении лицу административного наказания. Причем подобные разъяснения о квалификации составов преступлений с административной преюдицией содержатся только в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением

без цели хищения», касательно составов преступления, предусмотренных ст. 264.1, ст. 280.1 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Относительно состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, подобных разъяснений Пленум Верховного Суда Российской Федерации не давал.

Подводя итоги настоящей статьи, следует отметить, что основные направления уголовной политики Российской Федерации в сфере воздействия на преступления, связанные с неуплатой алиментов, и в целом на преступления против семьи и несовершеннолетних, являются обоснованными и адекватными существующей динамике преступности, а об эффективности вновь введенных законоположений в рассматриваемой сфере можно будет судить по прошествии нескольких лет, когда будет накоплен достаточный объем статистических материалов.

О некоторых аспектах практики назначения наказания за транспортные преступления

© Новикова Ольга Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Уголовное право, уголовный процесс и
криминология» Юридического института
Российского университета транспорта

Аннотация. В статье рассматривается динамика преступлений, назначаемых за совершение транспортных преступлений, закрепленных главой 27 УК РФ. Приводится анализ судебной практики назначений различных видов наказаний за транспортные преступления.

Ключевые слова: динамика преступлений, транспортные преступления, наказания за транспортные преступления.

On some aspects of the practice of sentencing for transport crimes

© Novikova O.V.,
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department "Criminal law, criminal procedure and
criminology" Law Institute Russian University of
Transport

Annotation. The article examines the dynamics of crimes assigned for the commission of transport crimes fixed by Chapter 27 of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of judicial practice of prescribing various types of punishments for transport crimes is given.

Keywords: crime dynamics, transport crimes, penalties for transport crimes.

Транспортная преступность — это сложные общественно опасные виды деятельности с альтернативными последствиями, которые наносят ущерб как интересам граждан, так и интересам нормального функционирования конкретной структуры транспортной системы и в конечном итоге всей транспортной системы.

Проведенная сравнительная статистика с 2017 по 2020 год по назначениям наказания за транспортные преступления наглядно дает возможность увидеть всю картину целиком.

Статистические данные о транспортной преступности можно условно разделить на три части: общее количество совершенных преступлений за исследуемый период, сведения о санкциях, применённых по транспортным преступлениям, и о преступниках, которые совершают данные преступные деяния.

Так, на территории России с 2017 по 2020 год количество вынесенных приговоров за транспортные преступления составило за:

2017 г. — 82 445 приговоров;

2018 г. — 75 820 приговоров;

2019 г. — 68 657 приговоров;

2020 г. — 65 486 приговоров.

Тем самым мы можем посмотреть разницу между 2017 и 2020 годом по количеству обвинительных приговоров по гл. 27 УК РФ. Так, например, по сравнению с 2017 и 2020 годом видна разница количества таких приговоров и динамика снижения, что говорит о высокой степени научной разработанности, профилактики и предотвращения таких преступлений¹.

¹ Борисов А.В. Криминологическая профилактика транспортной преступности // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2 (55). С. 31.

Далее мы рассмотрим санкции, назначаемым за преступления 27 главы УК РФ за 2019 г. по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹.

По ст. 263 УК РФ за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, и метрополитена за 2019 г. обвинительные приговоры были вынесены в отношении 25 человек, из них 2 лицам было назначено лишение свободы до 5 лет, 6 лицам было назначено условное осуждение к лишению свободы, 7 лицам было назначено ограничение свободы на срок до 4 лет, и штраф, как основной вид наказания, был назначен 8 лицам.

По ст. 263.1 УК РФ за нарушения требований в области транспортной безопасности, за 2019 г. обвинительный приговор был вынесен в отношении 1 человека, и к нему было применено лишение свободы.

По ст. 264 УК РФ за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств за 2019 г. обвинительные приговоры были вынесены в отношении 8 573 человек, из них 2 389 подсудимым было назначено лишение свободы, 2 155 подсудимым было назначено условное осуждение к лишению свободы, 3 248 подсудимым назначено ограничение свободы, и штраф как основной вид наказания был назначен 205 лицам, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью было назначено 576 лицам².

Также деяние, предусмотренное частью первой ст. 264 УК РФ, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения, сопряженное с оставлением места его

совершения, за 2019 г. совершили 1 113 человек.

Деяние, предусмотренное частью первой ст. 264 УК РФ, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека, в 2019 г. совершили 2 329 человек.

Деяние, предусмотренное частью первой ст. 264 УК РФ, повлекшее по неосторожности смерть человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения, сопряженное с оставлением места его совершения за 2019 г. совершили 848 человек.

По ст. 264.1 УК РФ за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, за 2019 г. обвинительные приговоры были вынесены в отношении 59 543 человек, из них 8 003 подсудимым было назначено лишение свободы, 7 037 подсудимым было назначено условное осуждение к лишению свободы, к 41 192 подсудимым была применена санкция в виде обязательных работ, 123 человека получили наказание в виде принудительных работ, исправительные работы были назначены 188 лицам, штраф, как основной вид наказания, был назначен 3 019 лицам.

По ст. 266 УК РФ за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями за 2019 г. обвинительный приговор был вынесен в отношении 1 подсудимого и к нему была применена санкция в виде ограничения свободы на 2 года.

По ст. 267 УК РФ за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения за 2019 г. обвинительные приговоры были вынесены в отношении 2 подсудимых, и к ним была применена санкция в виде ограничения свободы на разные сроки.

По ст. 267.1 УК РФ за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств за 2019 г. обвинительные приговоры были вынесены в отношении 3 подсудимых, и к ним было применено наказание в виде лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью,

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 27.04.2022).

² Борисов А.В. Состояние и основные тенденции развития преступности на объектах транспорта Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2 (24). С. 43.

связанной с управлением транспортом средствами.

По ст. 268 УК РФ — нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, за 2019 г., обвинительных приговоров было вынесено в отношении 16 подсудимых, из них 9 лицам было назначено ограничение свободы и 7 лицам принудительные работы.

По таким статьям, как 270, 271, 271.1 УК РФ за 2019 г. обвинительных приговоров вынесено не было.

Далее, для рассмотрения динамики снижения или роста по сравнению с 2019 г., по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹, нами были рассмотрены санкции, применяемые по гл. 27 УК РФ за 2020 г.

По ст. 263 УК РФ, за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, и метрополитена за 2020 г. обвинительные приговоры были вынесены в отношении 33 подсудимых, из них 5 лицам было назначено лишение свободы от 1 до 2 лет, 6 лицам было назначено лишение свободы от 3 до 5 лет, 9 лицам было назначено условное осуждение к лишению свободы, 6 лицам было назначено ограничение свободы, и штраф, как основной вид наказания, был назначен 7 лицам².

По ст. 263.1 УК РФ, за нарушения требований в области транспортной безопасности, за 2020 г. обвинительный приговор был вынесен в отношении 1 подсудимого, и к нему был применен штраф, как основной вид наказания.

По ст. 264 УК РФ, за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, за 2020 г. обвинительных приговоров было вынесено в отношении 7 968 подсудимых, из них 242 лицам было назначено лишение свободы до одного года включительно, 668 лицам

было назначено лишение свободы от 1 до 2 лет, 588 лицам было назначено лишение свободы от 2 до 3 лет включительно, 526 лицам было назначено лишение свободы от 3 до 5 лет включительно, 328 лицам было назначено лишение свободы от 5 до 8 лет включительно, 33 лицам было назначено лишение свободы от 8 до 10 лет включительно, 2 136 лицам было назначено условное осуждение к лишению свободы, 2 785 лицам было назначено ограничение свободы, 31 подсудимому были назначены исправительные работы, 61 подсудимому были назначены обязательные работы, 53 подсудимому были назначены принудительные работы, 3 лицам была применена мера лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и штраф, как основной вид наказания, был назначен 514 лицам.

Деяние, предусмотренное ч. 3 и 4 ст. 264 УК РФ, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, в том числе лицом, находящимся в состоянии опьянения, за 2020 г., совершили 2 793 человека.

Деяние, предусмотренное частью первой ст. 264 УК РФ, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, в том числе лицом, находящимся в состоянии опьянения, в 2020 г. совершили 388 человек.

По ст. 264.1 УК РФ, за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, за 2020 г. обвинительных приговоров было вынесено в отношении 57 731 человека, из них 7 865 лицам было назначено лишение свободы, 24 лицам было применено ограничение свободы, исправительные работы были назначены 3 лицам, 39 886 подсудимым была применена санкция в виде обязательных работ, к 81 человеку было применена санкция в виде принудительных работ, штраф, как основной вид наказания, был назначен 2 535 лицам, и в виде дополнительного вида наказания было назначено лишение права занимать определенные

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 27.04.2022)

² Борисов А.В. Состояние и тенденции преступности на отдельных видах транспорта // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1 (23). С. 44.

должности или заниматься определенной деятельностью 7 337 подсудимым.

По ст. 266 УК РФ, за недоброкачественный ремонт транспортных средства и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями, за 2020 г. обвинительные приговоры были вынесены в отношении 4 подсудимых, к 3 лицам была применена санкция в виде ограничения свободы, а к одному осужденному было вынесено наказание в виде ограничение свободы.

По ст. 267 УК РФ за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения за 2020 г. обвинительных приговоров было вынесено в отношении 2 человек, и к ним было применено условное осуждение к лишению свободы.

По ст. 267.1 УК РФ преступления в целом за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, в 2020 г. обвинительный приговор был вынесен в отношении 1 человека, и к нему было применено наказание в виде лишения свободы.

По ст. 268 УК РФ — нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, за 2020 г. обвинительных приговоров было вынесено в отношении 16 человек, из них 2 осужденным назначено наказание в виде лишения свободы, 4 — условное осуждение к лишению свободы, 10 лицам было назначено ограничение свободы.

По таким статьям как 270, 271, 271.1 УК РФ за 2020 г. обвинительных приговоров вынесено не было.

Таким образом, в вышеизложенном анализе явно отображается динамика снижения по некоторым статьям, количества совершенных транспортных преступлений.

По исследованным 90 приговорам были выделены в отдельные критерии такие параметры как пол, возраст лица и обстоятельства, смягчающие наказание по ст. 61 УК РФ и отягчающие наказание по ст. 63 УК РФ.

Исследование показало, что что из 90 приговоров за транспортные преступления 78 случаев преступлений совершили мужчины, а 12 преступных деяний — женщины. Таким образом мы можем наблюдать

картину, что присуще совершать транспортные преступления мужчинам. Так как в основном на таком транспорте как железнодорожный, воздушный, морской, метрополитен, а также все виды автомобилей, тракторы и иные самоходные машины, трамваи, троллейбусы, и другие механические транспортные средства, работают сотрудники мужского пола.

Осужденных, совершающих транспортные преступления, можно распределить по возрасту: 18—29 лет, 30—49 лет, 50 лет и старше.

Исследование показало, что из 90 обвинительных приговоров 56 транспортных преступлений было совершено лицами в возрасте 30—49 лет, 23 транспортных преступления было совершено в возрасте 50 лет и выше, 11 транспортных преступлений было совершено в возрасте 18—29 лет.

Таким образом мы можем наблюдать возраст людей, совершающих транспортные преступления. Так как гражданин Российской Федерации имеет право получить права на управление транспортным средством с 18 лет¹, а после специализированного обучения несколько лет на управление такой техникой, как железнодорожный, воздушный, морской, метрополитен, а также все виды автомобилей, трактора и иные самоходные машины, трамваи, троллейбусы, и другие механические транспортные, возраст людей в среднем составляет 30—49 лет, таким образом эта категория людей чаще совершает транспортные преступления.

Исследование приговоров судов общей юрисдикции показало, что из 90 приговоров суд счел обстоятельства смягчающими наказание в 78 случаях по таким критериям как: наличие малолетних детей у виновного, явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления. В оставшихся 12 приговоров суд учитывал степень отягчающего обстоятельства, та-

¹ Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

кое как нахождение в состоянии опьянения, которое повлекло смерть двух и более лиц.

В заключение следует отметить, что задача снижения уровня преступности в рассматриваемой сфере не может быть решена односторонне, так как по некоторым видам преступных деяний было как увеличение, так и уменьшение их количества.

Библиография

1. Борисов, А.В. Криминологическая профилактика транспортной преступности / А.В. Борисов

// Вестник Академии права и управления. — 2019. — № 2 (55). — С. 30—34.

2. Борисов, А.В. Состояние и основные тенденции развития преступности на объектах транспорта Российской Федерации / А.В. Борисов // Исследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2019. — № 2 (24). — С. 42—49.

3. Борисов, А.В. Состояние и тенденции преступности на отдельных видах транспорта / А.В. Борисов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2020. — № 1 (23). — С. 43—50.

4. Куринов, Б.А. Автотранспортные преступления (квалификация и наказание). — М.: Юридическая литература, 2010.

О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов

© Смирнов Дмитрий Витальевич,
кандидат юридических наук, старший
преподаватель кафедры уголовного права
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

© Власов Сергей Юрьевич,
преподаватель кафедры уголовного права
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье проводится анализ судебной практики по делам о групповом мошенничестве.

Ключевые слова: мошенничество, групповое преступление, соучастие в преступлении, совершение преступления, исполнитель преступления.

On some controversial issues of fraud qualification in the practice of military courts

© Smirnov D.V.,
Candidate of Law, Senior lecturer of the Department
of Criminal Law Prince Alexander Nevsky Military
University of the Ministry of Defense of the Russian
Federation

© Vlasov S.Y.,
Lecturer of the Department of Criminal Law of the
Prince Alexander Nevsky Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes the judicial practice in cases of group fraud.

Keywords: fraud, group crime, complicity in a crime, commission of a crime, perpetrator of a crime.

Хищения, осуществляемые в различных формах, занимают большое место в общей структуре армейской и флотской преступности. В последнее время наиболее распространенным видом хищения стало мошенничество. Целью мошенников становится незаконное получение различного рода доплат, причитающихся военнослужащим за определенные профессиональные достижения. Так, например, в последнее время физической подготовке военнослужащих государство уделяет самое серьезное внимание, стимулируя достижение

ее высоких показателей. Но если раньше результаты физподготовки не имели серьезного материального эффекта для военнослужащего и могли отразиться (и то не всегда) на его личном служебном росте или результатах проверки подразделения, то сейчас ситуация изменилась коренным образом. Положениями п. 12, 20 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» предусмотрено, что военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, устанавливается до-

полнительная выплата в виде ежемесячной надбавки за особые достижения в службе в размере до 100 % оклада по воинской должности. В соответствии с Правилами выплаты ежемесячной надбавки за особые достижения в службе военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденными приказом Минобороны России от 31 июля 2019 г., данная надбавка выплачивается военнослужащим, выполнившим высший квалификационный уровень физической подготовленности в размере 70 % должностного оклада, а второй квалификационный уровень — 15 %. При этом военнослужащим, выполнившим высший квалификационный уровень физической подготовленности, ежемесячная надбавка устанавливается на календарный год на основании приказа соответствующего командира (начальника) по результатам не менее двух проверок в прошедшем календарном году, одна из которых итоговая за год, контрольная или инспекторская проверка. Основанием для издания приказа являются ведомости проверок по физической подготовке личного состава воинской части.

Таким образом, хорошо физически подготовленный военнослужащий получает значительно большие выплаты от государства, чем недостаточно подготовленный, что порой рождает желание последних искусственно, незаконно, путем приписок и за взятку улучшить показатели и получить эти выплаты. В последнее время выявляется большое количество случаев завышения показателей, приписок, включения в ведомости лиц, фактически не сдававших нормативы. Но умышленное незаконное получение надбавки (а ее размер всегда переходит грань размера, предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ) не может быть оценено иначе как хищение, совершаемое путем обмана, то есть мошенничество, ответственность за которое предусмотрено ст. 159 УК РФ.

Однако судебная практика по таким делам не отличается единством подходов. В одних случаях такие деяния оцениваются по совокупности преступлений (дачи

взятки и мошенничество). Например, вступившим в законную силу приговором Новочеркасского гарнизонного военного суда от 10 февраля 2021 г. с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции, рядовой войсковой части 91708 М. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 291 и ч. 1 ст. 159 УК РФ, то есть в даче должностному лицу через посредника взятки в виде денег на сумму 33 тыс. рублей за совершение заведомо незаконных действий, выразившихся в выставлении ему фиктивных результатов за сдачу нормативов по физической подготовке, соответствующих высшему квалификационному уровню, а также мошенничестве, заключающемся в умолчании о фактическом невыполнении им нормативов и похищении данным способом принадлежавших Российской Федерации в лице Минобороны России денежных средств в размере свыше 65 тыс. рублей, необоснованно выплаченных ему в качестве надбавки к денежному довольствию за высший квалификационный уровень физической подготовленности.

Однако, в других сходных случаях, суды дают иную правовую оценку

Фабула одного дела¹.

Военнослужащий К. исполнял обязанности нештатного начальника физической подготовки и спорта, в связи с чем он отвечал за организацию проведения проверок по физической подготовке военнослужащих части. К нему обратился его сослуживец С. и сообщил, что военнослужащему их же части В. после сдачи им физической подготовки не хватает баллов для получения квалификационного уровня по результатам сдачи, в связи с чем попросил выставить ему более высокий балл. С данной просьбой К. обратился к военнослужащей Е., которая участвовала в проверках и занималась оформлением результатов сдачи военнослужащими физической подготовки, которая сообщила ему, что В. не хватает 12 баллов и за внесение соответствующих изменений необходимо передать ей 4 000 руб. Эту информацию он до-

¹ Приговор Балтийского гарнизонного военного суда от 5.05.2021г. по делу № 1-3/2021.

вел до С., который через несколько дней передал ему оговоренную сумму от В.

Таким образом по результатам сдачи нормативов по физической подготовке В. получил результат, соответствующий второму квалификационному уровню физической подготовленности. Через некоторое время офицер В. позвонил военнослужащему К. и сообщил, что не может прибыть на сдачу нормативов по физической подготовке, в связи с чем поинтересовался возможностью проставить ему результаты сдачи на высший квалификационный уровень физической подготовленности без личного присутствия. В связи с этим он (К.) вновь обратился к военнослужащей Е. с аналогичной просьбой, которая сообщила, что за это ей необходимо передать 7 000 руб. Тогда К. он сообщил С. о возможности выполнения просьбы В. за 9 000 руб., попросив в случае согласия перевести деньги на банковскую карту его знакомой Р., что и было сделано на следующий день.

Таким образом, не сдавая нормативы по физической подготовке, офицер В. получил искомый им высший квалификационный уровень физической подготовленности, и в 2020 г. ему была установлена ежемесячная надбавка за особые достижения в службе (за высший квалификационный уровень физической подготовленности (ВКУ ФП) в размере 70 % оклада по воинской должности, в то время как фактически он имел право на указанную надбавку в размере 15 % (за второй квалификационный уровень физической подготовленности). На основании данного приказа ФКУ «Единый расчетный центр» Минобороны России выплатило офицеру В. за январь и февраль 2020 г. излишние денежные средства в сумме 21 800 руб., составляющие разницу в выплатах за ВКУ ФП и за второй квалификационный уровень физической подготовленности, в размере 21 800 руб., которые В. обратил в свою собственность.

Следствие квалифицировало действия В. как два преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 291.2 УК РФ и одно преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 159 УК РФ. Суды первой и второй инстанций согласились с

такой квалификацией. Приговором гарнизонного военного суда, оставленным в силе апелляционной инстанцией, офицер В. признан виновным в том, дважды через посредника передал взятки, размер которых не превышает 10 000 руб., должностному лицу воинской части К. за внесение в ведомости результатов контрольных проверок о наличии у В. высшего квалификационного уровня физической подготовки, и, таким образом, путем обмана получил выплату ежемесячной надбавки за высший квалификационный уровень физической подготовки в размере 21 800 руб. Гражданский иск Минобороны России о взыскании с В. в качестве указанного материального ущерба удовлетворен.

Однако суд кассационной инстанции не согласился с предложенной нижестоящими судами квалификацией деяния в части совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ¹. Отменяя приговор гарнизонного военного суда и постановление суда апелляционной инстанции, кассационный суд счел неверным вывод нижестоящих судов о наличии в деянии В. признаков мошенничества. По мнению суда, в действиях офицера В. отсутствовала объективная сторона данного преступления, так как сам он не представлял должностным лицам воинской части ведомости с недостоверными сведениями, это сделал военнослужащий К. после получения взяток от В. Приказ в отдел кадров для подготовки проекта приказа командира воинской части на выплату соответствующей надбавки также был передан К., а не В. Таким образом, кассационная инстанция пришла к выводу, что В. лишь дал К. взятку, а сами по себе факты дачи В. взятки не образуют объективной стороны мошенничества, поскольку недостоверные сведения о наличии у осужденного высшего квалификационного уровня физической подготовки были представлены должностным лицам воинской части другим лицом — военнослужащим К. В этой ситуации уголовное дело в отношении В. по обвине-

¹ Кассационное определение от 16.07.21г. № 77-250/2021 Новосибирского кассационного военного суда по данному делу.

нию в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, было прекращению в связи с отсутствием в его действиях состава данного преступления. Гражданский иск Минобороны России к В. оставлен без рассмотрения. Факт незаконного получения В. от государства денежной суммы оставлен кассационной инстанцией без уголовно-правовой оценки.

Однако, такая оценка кассационным судом деяния В. побуждает к дискуссии. Представляется, что освобождение его от уголовной ответственности за мошенничество преждевременно.

Думается что вывод кассационной инстанции основан на неверной трактовке объективной стороны мошенничества, как формы хищения и института соучастия, совершения деяния группой лиц по предварительному сговору. Совершенная ошибка в квалификации деяния была заложена изначально органами предварительного следствия, оценившими ситуацию как мошенничество, совершенное одним лицом (офицером В.).

Что же было на самом деле? У офицера В. изначально возник умысел на незаконное получение денежных средств путем обмана. Для этой цели он обратился к военнослужащему С, который в свою очередь связал его с К., а последний, исполняя задуманное В., привлек к совершению деяния военнослужащую Е. Таким образом перечисленные лица действовали согласованно и предварительно договорившись о результате этих действий — незаконном получении выплат в соответствии с ВКУ ФП офицером В. Вышеизложенное приводит к мысли о том, что мошенничество совершалось путем умышленного совместного участия нескольких лиц. И это обстоятельство не получило должной юридической оценки.

Соучастие вообще является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в теории и практике квалификации преступлений. В уголовно-правовой науке вопросы соучастия исследовались многими учеными. Доктринально принято, что соучастие может принимать формы соисполнительства, соучастия с исполнением

различных ролей, преступной группы и преступной организации (сообщества)¹. При этом умышленная совместная преступная деятельность представляет собой определенную систему взаимодействия тесно связанных между собой участников, деятельность которых направлена на совершение задуманного преступления². Уголовная ответственность соучастников обусловлена согласованными (совместными) действиями в процессе планирования преступления, прикосновенностью каждого из соучастников к совершению единого умышленного преступления с осознанием каждым из них его противоправности, а также причинной связью между их действиями и наступившим вредом (в случае совершения преступления с материальным составом). При этом, как следует из ст. 33 УК РФ, исполнительство как вид соучастия выражается в непосредственном исполнении деяния, образующем объективную сторону преступления, а другие виды соучастия (организаторская деятельность, подстрекательство и пособничество) создают условия для выполнения такого деяния. Законодатель назвал подстрекателем лицо, склонившее другое к совершению преступления, в частности, подкупом, что и было в данном случае. Поэтому действия В., как подстрекателя, должны быть квалифицированы по ст. 159 УК РФ со ссылкой ст. 33 УК РФ в том случае, если он не являлся соисполнителем мошенничества. Этого как минимум.

Но в том-то и дело, что В. соисполнителем мошенничества являлся. Мошенничество является совершаемой путем обмана формой хищения, объективная сторона которого оканчивается противоправным обращением чужого имущества в собственность виновного (или третьих лиц). В данном случае сам способ совершения преступления, представляющий собой определенную совокупность приемов, дей-

¹ См.: Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 79, Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1959. С. 63.

² Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом (Теория и практика правового регулирования) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: : 12.00.08. М., 2005. С. 12.

ствий, криминализирует деяние по ст. 159 УК РФ¹. Но именно противоправное обращение чужого имущества в собственность похитителя или иного лица, наряду с противоправным изъятием, является квинтэссенцией хищения, его сутью. Уголовно-правовая доктрина под «обращением» понимает установление фактического незаконного господства виновного над чужим имуществом, замену собственника или законного владельца на незаконного пользователя и т.п.². Противоправное и безвозмездное обращение чужого имущества в собственность похитителя (или третьих лиц) характеризует объективную сторону мошенничества, при которой потерпевший под воздействием обмана, сам передает имущество виновному, либо не препятствует последнему его забрать³.

В анализируемом уголовном деле способом совершения мошенничества со стороны В., являлся «пассивный обман», представляющий собой бездействие⁴, обычно имеющее место при совершении хищения безналичных денежных средств,

¹ Панов Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления : учеб. пособие. Харьков: Изд-во Харьковского юридического ин-та, 1984. С. 7; Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно наказуемого деяния и средство дифференциации ответственности : монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 41—75; Якубович О.Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11

² См. напр.: Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. II: Общая теория хищений. Виды хищений. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 72; Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2011. С. 13.

³ См. напр.: Уголовное право : в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / под ред. Л.Д. Гаухмана. М.: Юриспруденция, 1999. С. 391; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010. С. 539.

⁴ Примером такого бездействия может служить умышленное невозвращение ошибочно полученных денежных средств (когда получатель, достоверно зная об ошибке, тем не менее противоправно, в нарушение требований ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, не сообщает отправителю о выявленной ошибке, в результате чего безналичные деньги переходят в собственность получателя).

когда на стадии «обращения» имущества в свою собственность виновным никаких действий не совершается, он лишь неправомерно получает деньги в результате своего обмана. С другой стороны, объективная сторона мошенничества офицера В. состояла в самом противоправном обращении в свою собственность денежных сумм, с помощью обмана, организованного военнослужащими К. и Е. в интересах В., чего также не увидел суд кассационной инстанции. Но при этом В. явился инициатором этого обмана, ведь именно он путем подкупа склонил к совершению преступных действий К. и Е.

Таким образом, позиция суда кассационной инстанции, не увидевшего в деянии В. объективной стороны мошенничества, представляется упречной.

Однако рассматриваемое судебное дело наталкивает на дальнейшие размышления. Нельзя не видеть, что действия К., Е. и В., хотя и различались по форме, были определенно направлены на единый результат, что является обязательным признаком группового преступления⁵. Выше мы говорили о признаках соучастия в данном деле. Уголовно-правовая наука знает простое соучастие (соисполнительство) и сложное соучастие (с юридическим распределением ролей)⁶. Как справедливо отмечалось в исследованиях⁷, к любой из вышеназванных разновидностей соучастия применимы признаки группы, ведь любое соучастие — деятельность групповая.

В науке уголовного права признано, что сущность соучастия заключается в групповом совершении преступления, хотя формы совершения группового преступления (совершенного несколькими соучаст-

⁵ Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : научно-практическое пособие. М., 2014. С. 227—229.

⁶ Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 23.

⁷ Иванов Н.Г. Организованная преступность и совершенствование уголовного законодательства о соучастии // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 71.

никами) могут быть разными¹. Представляется продуктивной для судебной практики позиция А.А. Пионтковского и А.П. Козлова, рассматривавших соучастие в двух уровнях, на первом из которых оно разделяется по степени объединенности участников: в силу наличия и отсутствия предварительной договоренности к содеянному, а на втором — дифференцируется на соучастие, не являющееся преступной группой (квалифицируемое по ст. 33 со ссылкой на соответствующую статью Особенной части УК РФ) и соучастие — преступную группу.

Ст. 35 УК РФ позволяет выделить три обязательных признака группы: количественный признак (два и более лиц) и качественные признаки: совместность действий как в объективном, так и в субъективном смысле. В объективном смысле все участники группы должны, хотя бы частично, непосредственно участвовать в выполнении объективной стороны преступления. В рассматриваемом нами случае последняя заключается в получении (обращении в свою собственность) денежных средств путем обмана. Следует отметить как тенденцию современной судебной практики исходить из того, что в состав группы лиц могут входить, помимо соисполнителей преступления, и иные соучастники². Так, например, групповым было признано убийство, совершенное одним лицом под угрозой со стороны другого лица³. Но если такая тенденция характерна для насильственных преступлений, то почему ее следует исключить при квалификации преступлений, посягающих на иные защищенные уголовным законом объекты, в частности собственность?

¹ Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики : монография. М., Проспект, 2020. С. 99.

² См.: Проблемы квалификации преступлений : монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., Проспект, 2020. С. 339.

³ См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2008 г. Дело № 56-011-20. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrf/doc/uHDSbOESegUU/>, свободный. (дата обращения: 24.08.2021).

Нельзя не согласиться с К.В. Ображиевым в том, что ч. 1 ст. 35 УК РФ следует воспринимать лишь как указание на минимальный состав участников группы лиц (не менее двух соисполнителей), которое вовсе не исключает возможности сложного соучастия, то есть соучастия с распределением ролей⁴.

На обязательное наличие признаков соучастия при квалификации группового изнасилования ориентировало судебную практику и ранее действовавшее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст.131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в настоящее время утратившее силу). В этой связи нельзя также не упомянуть правовую позицию, высказанную в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в том, что уголовная ответственность за совершение рассматриваемых в постановлении преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда непосредственное изъятие имущества совершает один из них, а другие участники, в соответствии с предварительным распределением ролей, совершали согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю. Непонятно, почему для мощничества необходимо делать исключение.

Расширение подхода к понятию «совершение преступления» является современной тенденцией доктрины. Так, рассматривая признак соучастия «участие в совершении преступления нескольких лиц», А.В. Плужников пришел к выводу, что под совершением преступления необходимо понимать не только выполнение его объективной стороны, но и совершение иных необходимых действий, связанных с этим (организация преступления, руковод-

⁴ Проблемы квалификации преступлений : монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., Проспект, 2020. С. 340.

ство его совершением и т.д.), а под исполнителем преступления — не только лицо, исполнившее объективную сторону преступления, но и других лиц, совершивших иные необходимые для этого действия.

В целом же содеянное соучастниками является единым причиняющим фактором (единой причиной). Эта позиция поддерживается судебной практикой. Совершенно справедливо как предварительная договоренность было оценено согласие военнослужащего Б., данное военнослужащему З. с предложением о возможности незаконно получить денежную компенсацию вместо дополнительных суток отдыха, но условием получения денежных выплат является то, что часть из полученных денег Б. должен будет перечислить З. В последующем военнослужащему Б. поступало на банковскую карту денежное довольствие с учетом денежной компенсации вместо дополнительных суток отдыха, размер которой составил 25 930 руб. 66 коп. и 37 717 руб. 34 коп. соответственно. Данная денежная компенсация ему не полагалась, так как за ее получением он к командованию не обращался. Деяние Б. было верно квалифицировано как мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, то есть преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 159 УК РФ¹.

В данном случае, так же, как и в критикуемом нами судебном акте, непосредственный обман командования (предоставление ему необходимых для получения выплаты сфальсифицированных документов) осуществлял З., а В. был получателем денежных средств, что не явилось препятствием к верной оценке деяния как группового мошенничества.

С субъективной стороны вменение группового преступления возможно лишь в том случае, если сознанием каждого субъекта охватывается предвидение возможных последствий своих действий.

По представленному выше делу согласованные действия соисполнителей охватывались единым умыслом, направленным на незаконное приобретение офицером В. денежных сумм. Более того, соучастники заранее, до начала исполнения объективной стороны деяния, договорились об условиях их совместного участия в преступных действиях. Но если все из соучастников осознавали все существенные особенности их деяния, относящиеся к признакам состава мошенничества, то это должно отразиться на квалификации содеянного по ч. 2 ст. 159 УК РФ (или ч. 3, при использовании служебного положения)². В судебной практике есть правовая позиция, оценивающая случаи участия в преступлении даже негодных субъектов как групповое преступление, в случае если умыслом участников охватывался единый преступный результат действий. Например, по одному из уголовных дел, лица, признанные в последствие невменяемыми, предложили Д. за денежное вознаграждение совместно с ними принять участие в похищении В., на которое Д. согласился. При этом, как впоследствии суд указал в приговоре, его умыслом охватывалось то обстоятельство, что преступление он совершает совместно и по предварительному сговору с указанными лицами, действия которых носили целенаправленный и последовательный характер. Факт же признания их лицами, страдающими психическими расстройствами, исключающими вменяемость, не свидетельствует об отсутствии в действиях осужденного Д. признака, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 126 К РФ, то есть совершение похищения человека группой лиц по предварительному сговору (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного

¹ Приговор Балтийского гарнизонного военного суда от 20 января 2021 г. по уголовному делу № 1-10/2021. Апелляционное постановление Балтийского флотского военного суда от 16 марта 2021 года по делу № 22-11/2021.

² По крайней мере так ориентирует практику постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», касаясь квалификации действий организатора (подстрекателя) убийства по найму.

Суда Российской Федерации от 23 июня 2011 г. № 85-О11-10СП).

Преступная мотивация членов группы не должна влиять на квалификацию деяния. Вполне можно допустить как ее единство, так и различие. Поэтому вызывает сомнение в правильности квалификации деяния военнослужащей Ф. по ч.1 ст.159 УК РФ. Оно заключалось в том, что Ф. обратилась к своей знакомой Г. с просьбой внести в ведомость результатов контрольной проверки по физической подготовке военнослужащих не соответствующие действительности сведения. Г. исполнила просьбу из ложно понимаемых дружеских соображений, не преследуя корыстного умысла, что позволило Ф. незаконно получить высший квалификационный уровень физической подготовленности военнослужащего и незаконно получила (похитила) выплату в размере 70 % оклада по воинской должности в размере 84 502 руб. 20 коп. Как верно указал суд в приговоре «чем выполнила этим объективную сторону мошенничества, совершенного путем обмана». При этом суд справедливо признал, что предоставление недостоверных сведений должностным лицам воинской части не лично Ф., а иным лицом не ставит под сомнение квалификацию содеянного ею, поскольку объективная сторона мошенничества в форме обмана состоит не только в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, которые были внесены Ф. «через военнослужащую Г.», о чем Ф. знала, но и в умолчании об истинных фактах, в данном случае о внесении недостоверных сведений и об отсутствии у нее права на получение оспариваемой выплаты. (Приговор Калининградского гарнизонного военного суда от 24 июня 2021 г. по уголовному делу № 1-27/2021).

С такой оценкой действий Ф. безоговорочно согласимся. Однако, нельзя признать правильной оценку деяния, совершенного Г. Из сентенции суда «через военнослужащую Г.» следует, что Г. не

осознавала преступных намерений Ф., однако из фабулы дела усматривается обратное. Но если Г. действовала умышленно, с целью оказать «помощь» знакомой, то это означает, что ее умыслом охватывалось и неправомерность действий, и наступление возможных последствий в виде незаконного получения Ф. дополнительных выплат в размере 70 % оклада по воинской должности. С учетом того, что именно Г. предоставляла уполномоченным лицам сфальсифицированные данные о достижениях Ф. в физической подготовке, нельзя не увидеть в ее действиях исполнения части объективной стороны мошенничества. А значит деяние подлежало квалификации как групповое.

Таким образом, анализ судебной практики, складывающейся в отношении незаконного получения военнослужащими дополнительных выплат, требует внимания со стороны Верховного Суда Российской Федерации с целью приведения ее к единству, основанному на правильном применении уголовного закона.

Библиография

1. Аветисян, С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом (Теория и практика правового регулирования) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.С. Аветисян. — М., 2005.
2. Карпова, Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности; под ред. Н.Г. Кадникова / Н.А. Карпова. — М.: Юриспруденция, 2011.
3. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. II : Общая теория хищений. Виды хищений / Н.А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2019.
4. Панов, Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления : учеб. пособие / Н.И. Панов. — Харьков: Изд-во Харьковского юридического ин-та, 1984.
5. Семернева, Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : Научно-практическое пособие / Н.К. Семернева. — М., 2014.
6. Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. — М., 1959.
7. Трайнин, А.Н. Учение о соучастии / А.Н. Трайнин. — М., 1941.

8. Черненко, Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики : монография / Т.Г. Черненко. — М.: Проспект, 2020.

9. Шеслер, А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью / А.В. Шеслер. — Красноярск, 1999.

10. Шиловский, С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно наказуемого

деяния и средство дифференциации ответственности : монография / С.В. Шиловский. — М.: Юрлитинформ, 2015.

11. Якубович, О.Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук / О.Р. Якубович. — М., 2004.

Доказательства: понятие, содержание, проблемные вопросы

© Суденко Владимир Егорович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы, относящиеся к доказательствам в уголовном процессе и заключающиеся в отсутствии законодательного определения не только доказательств, но и их источников. По мнению автора, доказательства должны классифицироваться по источнику их формирования, но не по самим по себе. Любая группа доказательств определяет наличие и характер связей между фактом, установленным с помощью такого доказательства, и источником информации об этом факте, но и то, и другое должно быть доказано. Доказательства неотрывно связаны с процессом доказывания, при котором они выявляются. Показаны разграничения между доказательствами и показаниями тех или иных лиц. Дано определение источников доказательств и их соотношение с самими доказательствами.

Ключевые слова: доказательства; доказывание; законодательное определение доказательств; источники доказательств; доказательства и фактические данные.

Evidence: concept, content, problematic issues

© Sudenko V.E.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, criminal procedure and criminology” of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT)

Annotation. Problematic issues related to evidence in criminal proceedings and consisting in the absence of a legislative definition of not only evidence, but also their sources are considered. According to the author, evidence should be classified according to the source of their formation, but not according to itself. Any group of evidence determines the presence and nature of the links between the fact established with the help of such evidence and the source of information about this fact, but both must be proven. Evidence is inextricably linked with the process of proof, in which they are revealed. The distinction between evidence and testimonies of certain persons is shown. The definition of sources of evidence and their relationship with the evidence itself is given.

Key words: evidence; proof; legislative definition of evidence; sources of evidence; evidence and facts.

Доказательствами для целей уголовного судопроизводства по уголовному делу в соответствии со ст. 74 УПК РФ принято считать любые сведения на основе которых суд, прокурор, следователь, начальник органа дознания, дознаватель в порядке, определенном данным Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также

иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В то же время в приведённом в ч. 1 ст. 74 УПК РФ законодательном определении доказательства его понятие и содержание сводится, как нам кажется, к тому, что доказательства — это опять-таки и есть доказательства, и не более того. Дальше, в ч. 2 данной статьи УПК РФ «свалены одну в кучу» и доказательства, и источники доказательств, коими являются

те же самые подозреваемые, обвиняемые свидетели, потерпевшие, эксперты, специалисты и т.д.

Подобная трактовка доказательства в ст. 74 УПК РФ не только может привести, но и нередко приводит к тому, что, к примеру, показания подозреваемого (обвиняемого) для правоприменителя конечно являются доказательством, хотя это с точки зрения уголовного судопроизводства не является таковым. При существующей трактовке доказательств возникает парадоксальная ситуация: к чему следует относить зафиксированные в протоколе допроса подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и т.д. показания, данные этими участниками уголовного процесса? Можно ли их относить к доказательствам или нет? Если исходить из п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, то да, ибо такие показания, зафиксированные в протоколе, к примеру, допроса свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, исходя из приведённой трактовки, является также доказательством!

Таким образом возникает парадоксальная ситуация, когда не только сами показания перечисленных выше участников уголовного процесса являются доказательством, но и все протоколы, фиксирующие такие показания, также относятся к доказательствам. Но вопрос: разве подобное возможно? Исходя из ныне существующего в названных статьях УПК РФ положения, получается, что возможно.

И подобных недостатков, пробелов и упущений можно привести немалое количество.

Ряд видных теоретиков отечественного уголовно-процессуального права критически подходят к данной процессуальной несуразности, указывая на недоработку законодателя, а более верно — разработчиков действующего УПК РФ¹, которых они и критикуют. И это несмотря на по-

¹ Боголюбова Т.А. Комментарий к УПК РФ под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2004. С. 137; Власова, Н.А. О некоторых направлениях совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы II международной научно-практической конференции. Москва, 11—12 апреля 2012. М.: Юриспруденция, 2012. С. 20—23.

стоянные дополнения, изменения, упразднения отдельных положений УПК РФ.

По нашему мнению, для устранения сложившейся ситуации с доказательствами целесообразно ввести в ст. 5 УПК РФ, содержащую основные понятия, используемые в этом кодексе, понятие «источники доказательств», и тем самым будет ликвидирована путаница между доказательствами и их источниками, а связь между содержанием и формой доказательств будет чёткой и понятной².

Нами поддерживаются предложения профессора А.Р. Белкина, сформулировавшего предложения по устранению изъянов целого ряда положений УПК РФ, среди которых предлагается определение доказательства, требующее включения в ст. 5 УПК РФ, содержащую основные понятия уголовного процесса. В частности, предлагается указанную статью дополнить определением следующего содержания: доказательство — информация об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, собранная, удостоверенная и приобщённая к уголовному делу в установленном порядке»³.

Как нам представляется, информация об обстоятельствах по уголовному делу, а также сведения, имеющиеся в информации об обстоятельствах по данному уголовному делу, и представляют собой содержание доказательства. По этому поводу мы солидарны с мнением отдельных теоретиков уголовного процесса, что любое доказательство — это информация об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, собранная, удостоверенная и приобщённая к уголовному делу в установленном порядке. А потому различные сведения, как и различная информация, которая не была закреплена в уголовно-процессуальном порядке и вследствие этого не приобщена к расследуемому делу, сами по себе не есть и не могут быть доказательством. Таковыми (доказательствами) они могут стать, если это признается в уголовно-процессуальном порядке и таком

² Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? Том 1. Общая часть. 2-е издание. М.: Юрайт, 2017. С. 174.

³ Там же.

же порядке будут приобщены к уголовному делу. Для преодоления данного противоречия необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в которых указать на обязательный порядок признания в качестве доказательства той или иной информации.

Ныне существующую редакцию ч. 2 ст. 74 УПК РФ, предполагается считать частью 3 ст. 74 УПК РФ с перечислением подредактированных её шести пунктов.

Проблемным остаётся и вопрос об источниках информации, поскольку в законодательном порядке не определено, что же такое источник доказательства, как его понимать, а указаны лишь носители такой информации о доказательствах, да и те перечислены далеко не все. По нашему мнению, не только возможно, но и целесообразно разработать ч. 4 ст. 74 УПК РФ, которая, как предполагается, может начинаться следующими словами: «В качестве источников доказательств могут быть использованы: ...» и далее следует перечисление таких источников. Отметим, что данное предложение не относится к обязательным, вполне возможна его реализация как в иной редакции, так и в ином процессуальном виде.

В связи со сказанным также целесообразно разработать в ч. 3 ст. 74 УПК РФ положение о том, какие факты, предметы и т.п. могут использоваться в качестве доказательств, а имеющиеся переработать в соответствии с требованиями не только уголовно-процессуального закона, но действительной необходимости.

Из практики расследования преступлений понятно, что нередко информация, важная для успешного расследования уголовного дела, бывает получена в процессе проверки сообщения или заявления о преступлении, то есть до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Такие сведения могут быть получены в ходе оперативно-розыскной деятельности, когда оперативный работник правоохранительного органа получает объяснения при проведении того или иного оперативно-розыскного мероприятия. Важность участия работников органа дознания, осуществляющих оперативно-розыскную дея-

тельность и оказывающих помощь следователю, чрезвычайно высока. Ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» прямо указывает на условия и порядок приобщения в систему доказательств фактических данных, полученных оперативным путём. Такие условия закреплены в ст. 89 УПК РФ.

Посредством оперативно-розыскной деятельности работники органа дознания могут участвовать в доказывании путём исследования доказательств, представления, собирания фактических данных, последующая их легализации процессуальными действиями в виде доказательств.

С учётом вышесказанного можно обоснованно говорить, что названные выше действия оперативных работников рассматриваются в виде специфической деятельности по участию в доказывании, в том числе в обеспечении эффективности всего процесса доказывания и расследования дела. Данные, полученные в процессе оперативно-розыскных мероприятий, помогают следователю (дознавателю) определять дальнейшее направление расследования, а также путей и форм собирания доказательств, установления их источников и т. д.

Если оперативный работник органа дознания будет признаваться субъектом доказывания по определённому уголовному делу, то это не расширит его полномочия и не добавит оперативному работнику несвойственные функции. Однако признание оперативного работника органа дознания субъектом доказывания будет только способствовать повышению эффективности его действий по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, а это, в свою очередь, повысит его роль в раскрытии преступления.

В то же время подобная информация не может быть отнесена к доказательствам, поскольку она никак не предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством. Тем не менее, хотя нормы УПК РФ не предусматривают подобное получение доказательств, но это может служить в качестве ориентира для следственных или иных действий, то есть такую информацию

можно использовать как ориентирующую при раскрытии и расследовании преступлений.

По поводу самих доказательств и средств их получения в настоящее время нет единства мнений среди теоретиков уголовно-процессуального права. По мнению М.С. Строговича, средством доказывания являются именно доказательства, а источником доказательств их носители. Однако подобная трактовка доказывания, доказательств и их источников, рассматриваемая с диалектической точки зрения, содержит, по нашему мнению, двусмысленное понятие средств доказывания в уголовном процессе, в узком и широком смысле. Доказательства, являющиеся фактическими данными, являются средством доказывания в узком смысле.

В то же время, когда мы говорим о единстве доказательств, источников доказательств и процессуальных действий, то вкладываем в это единство довольно широкий смысл понимания средств уголовно-процессуального доказывания, направленного на достижение основной цели доказывания по уголовному делу — установление истины. По нашему мнению, именно подобное понимание доказательств, доказывания и источников доказывания будет соответствовать среди прочего ещё и гносеологическому смыслу понятия доказательств¹.

Когда мы понимаем под доказательствами лишь фактические данные, то это никак не конформация фактических данных с источниками доказательств, поскольку ясное и чёткое проведение границ между доказательствами и источниками их получения позволяет достижению объективности в оценке доказательств и определению их достаточности. Иными словами, связь между этими двумя понятиями (доказательствами и источниками доказательств) при этом ещё больше укрепляется.

В настоящее время относительно источников доказательств и их сущности нет единообразного мнения. Большинство авторов определяют их посредством пере-

числения шести пунктов ч. 2 ст. 74 УПК РФ, где сказано о показаниях подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов и т.д. Но в этом случае возникает вопрос: а куда отнести сведения о фактах? По нашему мнению, такие сведения вряд ли возможно отделять от показаний названных выше лиц и противопоставлять их друг другу.

Являясь средствами доказывания, доказательствам в то же время присуща вполне определённая специфика, то есть их можно получить только из конкретных, специально предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников². Кроме того, доказательства обязательно должны иметь отношение к предмету судебного расследования и их можно реально проверить. Доказательства в уголовном судопроизводстве совершенно не имеют отличия от каких-либо других доказательств обыденной, научной и иной сферы познания, то есть они представляют собой факт повседневной жизни. Но такие как бы обыденные доказательства становятся судебными лишь только в связке с преступлением и становятся судебными доказательствами только в установленном уголовно-процессуальном порядке, но никак не иначе.

Доказательства по уголовному делу (судебные доказательства) не могут существовать только ради самих себя, иными словами, доказательства не могут быть ради доказательств. Они сначала используются лицом, решающим вопрос о возбуждении уголовного дела, а также предназначены и для подозреваемого, затем они используются участниками предварительного расследования, а это означает их существование для них, дальше для суда и вместе с этим для сторон судебного разбирательства. Суд и субъекты доказывания получают доказательства из источников доказательств, перечисленных в уголовно-процессуальном законе, в ст. 74 УПК РФ.

Имеющиеся проблемные вопросы относительно доказательств и источников

¹ См.: Асмус В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954.

² Суденко В.Е. Учёт особенностей железнодорожного транспорта при доказывании по делам о транспортных преступлениях // Транспортное право и безопасность. 2020. № 1 (33). С. 107—119.

доказательств обусловлены законодательными огрехами, пробелами и упущениями. Дело в том, что законодатель, а более правильно авторы, разрабатывавшие проект УПК РФ 2001 г., вступившего в действие с 1 июля 2002 г., не посчитали необходимым разграничить термины «доказательства» и «источники доказательств» по непонятным причинам. В действительности же термин «доказательства» и словосочетание «источники доказательств» далеко не одно и то же. Как отмечалось выше, доказательство — это информация об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, а источник доказательства — это материальный носитель информации, содержащейся в доказательстве (доказательственная информация). К источникам доказательственной информации следует относить процессуальную форму, в которую облечено доказательство, к которым следует относить показания участников уголовного процесса, документы, вещественные доказательства, заключения экспертов. Отметим, что только доказательства, полученные из строго предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), могут быть судебными доказательствами¹.

Рассуждая о доказательствах и источниках доказательств, необходимо, по нашему мнению, раскрыть вопрос о механизме их появления, то есть как они могут быть получены и как использованы при расследовании уголовного дела. В решении этого вопроса также имеются некоторые затруднения, поскольку не всегда можно согласиться с высказанными отдельными теоретиками уголовного процесса мнениями. Например, Ф.Н. Фаткуллин полагал, что «судебные доказательства добываются и используются посредством определённых источников»². Однако, при такой формулировке получения доказательств возникает вполне справедливый вопрос, а как возникли источники доказательств, из которых добываются эти самые доказательства? Они не существуют апри-

ори, до начала процесса познания по уголовному делу. Дознаватель или следователь, когда приступает к расследованию, иными словами, к доказыванию, не располагает ни доказательствами, ни источниками доказательств, поскольку пока нет ни показаний, ни заключения эксперта, ни вещественных доказательств. А поэтому и неоткуда извлечь доказательства.

В этой связи полагаем, что лицо, начавшее расследование, само создаёт источники доказательств — подозреваемого, свидетелей, потерпевшего и т.д., а затем получает от них ту или иную информацию, которую закрепляет в предусмотренной законом процессуальной форме в виде показаний, заключения и т.п.

Остановимся на отдельных видах источников доказательств, прежде всего, обратимся к вещественным доказательствам и их источникам.

Прежде всего, бросается в глаза тавтология в словосочетании «доказательства и источники вещественных доказательств», что может привести к мысли, что доказательства есть источники самих себя, а именно доказательств. Но коли законодатель так сформулировал, то мы будем говорить о таком источнике доказательств, как предметы, вещи, вещественные образования. Вещи обладают свойствами, служащими фактическими данными, которые имеют значение для уголовного дела, а именно доказательствами. Можно сказать другими словами, что свойства той или иной вещи и являются тем, что мы называем доказательствами, т.е. доказательства — не вещь, не сама по себе вещь, а её свойства.

Приведём такой пример. В процессе производства такого следственного действия, как осмотр места происшествия, которым стала квартира, из которой было совершено хищение путём незаконного проникновения через окно, на подоконнике был обнаружен потожировой след пальца руки, который стал свойством, присущим данному подоконнику. Однако данный след пальца никак не отражает и не может отражать ничего иного, кроме самого себя, т.е. не имеет никакого значения какой вещи в данный момент принадлежит

¹ Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988. С. 25.

² Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973. С. 100.

отпечаток пальца. Тем не менее, обнаруженный отпечаток по своему содержанию (по рисунку папиллярных линий пальца руки) будет признан в законодательном порядке доказательством, а не потому, что он принадлежит подоконнику. Свойство отпечатка — его узоры, части узора были отделены от его носителя, в данном случае от подоконника, на дактилоскопическую плёнку для копирования следов, и с этого момента след пальца со своими свойствами становится вещественным доказательством, чьи свойства после процессуального оформления и превращаются в доказательство по уголовному делу.

Говоря о вещественных доказательствах, названных в п. 4 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, нельзя не отметить, что копия папиллярного следа пальца, откопированного на дактилоскопическую плёнку, стала новой вещью и получила значение доказательства. В то же время подоконник, ранее содержащий след пальца руки, уже не имеет никакого значения для доказывания.

Определившись с понятием доказательства, с понятием источников доказательств как носителей свойств, имеющих доказательственное значение, и другими сопутствующими доказательствам и доказыванию понятиями, мы приходим к закономерному выводу, что к источнику доказательства относится вещь — носитель свойств, имеющих доказательственное значение, то есть источником доказательства является содержание носителя фактических данных. Источником доказательства является не сама вещь, а её содержание как носитель свойства доказательства вины или невиновности того или иного конкретного лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении расследуемого преступления.

При расследовании любого преступления для целей установления истины по делу важное значение нами придаётся классификации доказательств, то есть их группировке по тем или иным признакам, характеризующим их. Необходимость в этом важном деле объясняется важностью отнесения доказательств к определённой классификационной группе, при правильной, соответствующей требованиям уго-

ловно-процессуального закона организации и осуществления таких процессуальных действий, как собирание, исследование, оценка и использование доказательств в процессе доказывания по уголовному делу.

Библиография

1. Боголюбова, Т.А. Комментарий к УПК РФ под ред. А. Я. Сухарева / Т.А. Боголюбова. — М.: Норма, 2004.
2. Власова, Н.А. О направлениях совершенствования уголовно-процессуального законодательства / Н.А. Власова // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики : материалы II международной научно-практической конференции. Москва, 11—12 апреля 2012. — М.: Юриспруденция, 2012. — С. 20—23.
3. Белкин, А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? Том 1. Общая часть. — 2-издание / А.Р. Белкин. Юрайт. — Москва, 2017.
4. Асмус, В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении / В.Ф. Асмус. — М., 1954.
5. Суденко, В.Е. Учёт особенностей железнодорожного транспорта при доказывании по делам о транспортных преступлениях / В.Е. Суденко // Транспортное право и безопасность. — 2020. — № 1 (33). — С. 107—119.
6. Карнеева, Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева. — Волгоград, 1988.
7. Фаткуллин, Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / В.Н. Фаткуллин. — Казань, — 1973. — С. 100.

Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации как преступление, посягающее на общественную безопасность

© Шеншин Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доцент кафедры уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

© Семенова Виктория Вячеславовна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. В представленном исследовании проведен анализ статьи 207.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. Сделан вывод о том, что состав преступления, предусмотренного указанной статьей, является формально-материальным; части вторая и третья анализируемой статьи имеют большую степень общественной опасности, по сравнению с частью первой.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации; публичное распространение; заведомо ложная информация.

Public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation as a crime infringing on public safety

© Shenshin V.M.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Associate Professor of the Department of Criminal and Administrative Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University

© Semenova V.V.,

PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Abstract. The presented study analyzes Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for the public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation. It is concluded that the composition of the crime provided for by

this article is formal and material; parts two and three of the analyzed article have a greater degree of public danger compared to part one.

Keywords. Armed Forces of the Russian Federation; public dissemination; knowingly false information.

В современных условиях на повестку дня встал вопрос об освещении специальной военной операции на территории Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР). В подготовленной Роскомнадзором информации отмечается, что СМИ и иные информационные ресурсы при освещении военной операции в ЛНР и ДНР должны использовать данные только официальных российских источников, так как именно они располагают и распространяют достоверную и актуальную информацию¹. Специалисты Роскомнадзора отметили, что «за последние часы значительно возросло количество случаев распространения СМИ и иными информационными ресурсами непроверенной и недостоверной информации».

Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ² в уголовный закон введено несколько составов преступлений, объединенных в ст. 207.3 УК РФ. Авторам представляется необходимым рассмотреть особенности квалификации деяний, охватываемых указанным преступлением.

По традиции обратим внимание на объект преступления, предусмотренный ст. 207.3 УК РФ. Так, видовым объектом выступает общественная безопасность. Непосредственный объект — защита интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержание международного мира и безопасности.

Учитывая конструкцию объективной стороны (способ описания признаков объ-

ективной стороны преступления), состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, является формальным. Это означает, что законодателем общественно опасные последствия совершенного правонарушения не описываются. Они лежат вне конструкции состава преступления. Моментом окончания уголовно-правового деяния будет считаться совершение виновным лицом преступления, вне зависимости от наступивших последствий.

Объективная сторона состоит в совершении действий, выражающихся в публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации.

При этом отсутствие в уголовном законодательстве термина «публичность» свидетельствует об ожидаемых проблемных вопросах в ходе квалификации правонарушений по ст. 207.3 УК РФ, которые могут возникнуть в правоприменительной практике при установлении указанного признака.

Под публичным обычно понимают нечто, осуществляемое в присутствии публики, открытое³, а публика — это люди, находящиеся где-нибудь в качестве зрителей, слушателей, пассажиров, а также вообще люди, общество⁴.

В ч. 1 ст. 207.3 УК РФ признак «публичность» упоминается в виде доведения достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

¹ Информация Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 24 февраля 2022 г. «Вниманию средств массовой информации и иных информационных ресурсов».

² Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2000. С. 631.

⁴ Там же. С. 630.

Существуют четыре подхода к решению данной проблемы, которые обладают достоинствами и недостатками. Под публичностью можно понимать обращение:

1) к двум и более лицам;

2) многим лицам, воспринимаемое в момент его высказывания не только теми, кому субъект преступления его адресовал, но и другими лицами;

3) широкому кругу лиц, под которым подразумевается большой, но поддающийся определению по численности круг лиц. При этом нижняя граница численности законодателем не указана, но отлична от двух;

4) неопределенному кругу лиц. Имеется в виду, что аудитория столь велика, что ее численность субъектом преступления не осознается и не конкретизируется.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 предусмотрено, что под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. При установлении направленности призывов необходимо учитывать положения Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например, на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п.).

Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению такой деятельности или нет¹.

Анализируя факультативные признаки объективной стороны преступления, отметим, что они не влияют на квалификацию содеянного.

Акцентируем внимание на том, что законодатель не определил способ совершения деяния: то ли это публичное выступление, то ли это опубликование в средствах массовой информации того или иного материала. Все это говорит о том, что в данном случае мы видим разные деяния, и для совершения состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207.3 УК РФ достаточно хотя бы одного из них. С точки зрения законодателя данные действия по степени общественной опасности одинаковы.

По словарю С.И. Ожегова «дискредитировать» — значит подорвать (подрывать) доверие к кому-нибудь, к чему-нибудь, умалить (-лять) чей-нибудь авторитет². В данном случае речь идет об авторитете Вооруженных Сил Российской Федерации.

Использование Вооруженных Сил Российской Федерации состоит в получении нужного результата, обращении для удовлетворения своих интересов, т.е. в выполнении поставленной Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Российской Федерации задачи, связанной с проведением демилитаризации и денацификации на Украине.

Субъект преступления — физическое лицо, вменяемое, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона указанного правонарушения характеризуется прямым

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

² Там же.

умыслом, т.е. когда лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Наказание по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ предусматривает штраф в размере от семи сот тысяч до полутора миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо исправительные работы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок.

Частью 2 ст. 207.3 УК РФ предусмотрены квалифицирующие признаки состава преступления, являющегося по степени общественной опасности более опасными по сравнению с деяниями, предусмотренными ч. 1 ст. 207.3 УК РФ. Состав преступления — формальный.

Так, пунктом «а» указанной нормы предусматривается совершение деяния с «использованием своего служебного положения».

Акцентируем внимание на том, что названный признак имеет ссылочный характер и требует установления использования лицом вопреки интересам службы его служебных полномочий для публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. Например, совершение данного деяния должностным лицом адресует нас к ст. 285 и 286 УК РФ, в которых речь идет об установлении факта наличия у лица такого признака.

Так, пунктом 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19¹ предусмотрено, что под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы судам

следует понимать совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями.

Таким образом, «использование своего служебного положения» означает использование служащим своего социально-правового статуса, которым он наделен в соответствии с законодательством.

При квалификации содеянного по п. «б» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ необходимо учитывать содержащееся в ст. 35 УК РФ определение понятия преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой лиц.

Публичным распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации признается совершенное группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение указанного деяния, непосредственно участвовали в процессе публичного распространения заведомо ложной информации. Публичным распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное публичное распространение заведомо ложной информации, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица).

Предварительный сговор на публичное распространение заведомо ложной информации предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на публичное распространение заведомо

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

ложной информации. При этом наряду с соисполнителями преступления, другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников публичного распространения заведомо ложной информации, и их действия надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 33 УК РФ п. «б» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ.

Организованная группа — это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких деяний. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливается, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании публичным распространением заведомо ложной информации, совершенным организованной группой, действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ¹.

Пункт «в» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ содержит особый признак — совершение деяния, сопряженное с искусственным созданием доказательств обвинения. Вообще следует отметить, что в уголовном законе мы находим такой признак всего три раза. При этом третий раз он стал упоминаться только после принятия Федерального закона от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ. Рассматриваемое положение также носит ссылочный характер.

Недостаточная популярность применения законодателем комментируемого признака наводит на мысль использования его только в исключительных случаях. Например, ч. 3 ст. 306 УК РФ (Заведомо ложный донос) предусматривает совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 2 данной статьи, соединенных с искусственным созданием доказательств обвинения (выделено нами — В.С., В.Ш.), а также п. «г» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ, где речь идет о реабилитации нацизма с искусственным созданием доказательств обвинения (выде-

лено нами — В.С., В.Ш.). Иных положений, предусмотренных уголовным законом, связанных с искусственным созданием доказательств обвинения, не предусмотрено.

Что же представляет собой признак «искусственным созданием доказательств обвинения»?

Искусственное создание доказательств обвинения — это фальсификация, имитация доказательственных фактов, которые в действительности отсутствуют, или искажение реальных доказательств.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 1254-О указывается на то, что предусмотренный ч. 3 ст. 306 УК РФ особо квалифицирующий признак заведомо ложного доноса, соединенного с искусственным созданием доказательств обвинения, предполагает дополнительное (помимо заведомо ложного заявления или иного сообщения о совершении преступления) представление — в целях их использования в процессе доказывания — не соответствующих действительности сведений как о виновности (причастности) конкретного лица, так и о событии преступления².

Следовательно, в рассматриваемом нами случае представление дополнительных сведений, направленных на формирование «искусственного создания доказательств обвинения», является обстоятельством, требующим доказывания в каждом случае.

Следующим квалифицирующим признаком является совершение деяния из корыстных побуждений. По п. «г» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ следует квалифицировать публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его по-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве».

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 1254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михеева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации».

лучение и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств и др.).

По п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ следует квалифицировать публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 предусмотрено, что преступные деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Для правильного установления мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе.

Уголовная ответственность по части второй указанной статьи предусматривает более суровое наказание в виде штрафа в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать опре-

деленные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Часть третья ст. 207.3 УК РФ является материальным составом, предусматривающим тяжкие последствия. Законодателем при этом такие последствия не раскрываются. Соответственно, необходимо обратиться к положениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19.

Наказание по части третьей выражается в привлечении виновного к лишению свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Таким образом, законодатель, установив уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, преследовал цель обеспечения общепризнанных принципов и норм международного права, основ конституционного строя Российской Федерации, государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Принятие ст. 207.3 УК РФ и иных статей позволит снизить уровень дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации, а также российского государства.

Перед правоприменителем встает соответствующий вопрос: как будет доказываться факт того, что та или иная формулировка, которая может быть актуальна в любой ситуации, дискредитирует Вооруженные Силы Российской Федерации.

Будет ли считаться дискредитацией справедливая критика, поскольку всегда есть место ошибкам, даже в действиях государственных организаций?

Видимо ответы на эти и иные вопросы предстоит дать правоохранительным органам.

К проблеме возбуждения уголовных дел по факту совершения незаконной добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов посредством использования интернет-мессенджеров

© Юрченко Артём Владимирович,
сотрудник Центра исследования проблем
русского права «Эквитас»

Аннотация. В статье рассматривается проблема применения в практической деятельности части первой ст. 258.1 УК РФ дознавателями пограничных органов федеральной службы безопасности. Раскрывается содержание таких понятий как «интернет-мессенджеры», а также сеть «Интернет». Сделанные в ходе работы выводы, по мнению автора, позволят упорядочить и усовершенствовать уголовно-процессуальную деятельность дознавателей пограничных органов при расследовании данных преступлений.

Ключевые слова: дознаватели пограничных органов федеральной службы безопасности, интернет-мессенджеры, особо ценные животные и водные биологические ресурсы.

To the Problem of initiating criminal cases on the fact of illegal extraction and trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources through the use of Internet messengers

© Yurchenko A.V.
employee of the Center for the Study of Problems of
Russian Law «Equitas»

Abstract. The article deals with the problem of the practical application of Part one of Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by the interrogators of the border authorities of the Federal security Service. The content of such concepts as "Internet messengers", as well as the "Internet" network is revealed. The conclusions made in the course of the work, in the author's opinion, will allow to streamline and improve the criminal procedural activities of the investigators of the border authorities in the investigation of these crimes.

Keywords: interrogators of the border authorities of the federal security service, Internet messengers, especially valuable animals and aquatic biological resources.

Экологическая безопасность в современных условиях должна являться одним из ключевых направлений деятельности любого государства. В Российской Федерации обязанности по обеспечению экологической безопасности возложены как на правоохранительные органы, так и на органы безопасности. Однако, несмотря на работу значительного числа сотрудников и общую незначительную тенденцию сокращения уровня преступности, стоит отметить, что только за 2021 г. в России было зафиксировано 20 289 экологических

преступлений¹. Представленные статистические данные, были сформированы, в том числе, в результате осуществления уголовно-процессуальной деятельности сотрудниками пограничных органов федеральной службы безопасности.

¹ Состояние преступности за период с января по декабрь 2020 г. : Официальный сайт МВД России // Режим доступа: URL : <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 22.02.2022).

Общеизвестно, что в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 151 УПК РФ к подследственности дознавателей пограничных органов отнесены такие составы экологических преступлений, как незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), а с 2018 г. — незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (далее — ОЦЖ и ВБР)¹.

В части, касающейся незаконной добычи и оборота ОЦЖ и ВБР, дознаватели пограничных органов, уполномочены расследовать лишь преступления, предусмотренные ч. 1 и 1.1 ст. 258.1 УК РФ. Однако, следует отметить, что за период с 2018 г. прецедентов по возбуждению уголовных дел по факту незаконной добычи и оборота ОЦЖ и ВБР с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», возбуждено не было. Представляется, что связано это с тем, что нет чёткого разъяснения, что именно подпадает под «использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Нельзя не согласиться с тем фактом, что за последние несколько лет интернет-пространство стало немаловажной частью жизни современного человека, а также инструментом формирования новой социокультурной реальности. Ещё в 1974 г. академик А. Сахаров писал в своей работе «Мир через полвека»: «В перспективе, быть может, поздней, чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы (ВИС), которая сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки. ВИС должна включать индивидуальные миниатюрные запросные приёмники-

передатчики, диспетчерские пункты, управляющие потоками информации, каналы связи, включающие тысячи искусственных спутников связи, кабельные и лазерные линии. Даже частичное осуществление ВИС окажет глубокое воздействие на жизнь каждого человека, на его досуг, на его интеллектуальное и художественное развитие. В отличие от телевизора, который является главным источником информации многих современников, ВИС будет предоставлять каждому максимальную свободу в выборе информации и требовать индивидуальной активности»². Но, как известно, интернет стал общественно значимым явлением в начале 1990-х годов, уже после смерти Сахарова, но намного ранее, чем через названный им срок.

Популярность глобальной сети растёт галопирующими темпами. Так, в сравнении с 2000 г. в настоящее время охват населения всего мира Интернетом увеличился в 7 раз, а в России эта цифра выросла примерно втрое³. Вместе с тем, стоит отметить, что появление, распространение и использование сети Интернет влечет как конструктивные, так и деструктивные последствия. Так, одним из деструктивных последствий использования сети Интернет, по мнению автора, следует считать использование данного ресурса преступными элементами, в частности, при совершении преступлений, выраженных в незаконном обороте ОЦЖ и ВБР.

Само по себе дополнение ст. 258.1 УК РФ новым квалифицирующим составом, изложенном в части 1.1 — «Незаконное приобретение или продажа особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ.

² Сахаров А.Д. Мир через полвека. 17 мая 1974 года // Режим доступа: URL: <https://maximals.ru/articles/2010/01/15/wis/> (дата обращения: 22.02.2022).

³ Интернет-аудитория в России за год выросла за счет старшего поколения // Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/society/17/01/2018/5a5e8e149a79476a7c4133a1> (дата обращения: 22.02.2022).

международными договорами Российской Федерации, их частей и дериватов (производных) с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» было обосновано тем, что перечисленные средства и способы совершения указанных деяний характеризуются повышенной степенью опасности. В частности, как следует из пояснительной записки № 356397-7 к федеральному закону № 157-ФЗ о дополнении ст. 258.1 УК РФ частью 1.1, предложения о незаконном обороте ОЦЖ и ВБР с использованием средств массовой информации и сети «Интернет» распространяется на широкий круг лиц, что ведет к массовому сбыту и уничтожению особо ценных видов диких животных¹.

Интерес автора к данной норме возник в связи с тем, что существует проблема в её фактическом применении на практике, так как на законодательном уровне отсутствует пояснение, что же именно подпадает под сочетание «с использованием сети «Интернет». Так, например, дознаватели пограничных органов в правоприменительной деятельности сталкиваются с преступлениями, совершенными при помощи интернет-мессенджеров «WhatsApp» (Вотсап) и «WeChat» (Вичат), однако квалифицируют данные деяния по части первой ст. 258.1 УК РФ. Так, из материалов уголовного дела, возбужденного в Астраханской области в отношении гражданина Б., следует, что он, в январе 2020 г., используя возможности интернет-мессенджеров «WhatsApp» (Вотсап) и «WeChat» (Вичат), договорился с неустановленным лицом о

направлении последним посредством услуг транспортной компании рогов сайгака, и данное деяние было квалифицировано по части первой ст. 258.1 УК РФ как незаконное приобретение, хранение частей особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, охраняемым международными договорами Российской Федерации.

Представляется, что отсутствие разъяснения положений рассматриваемой нормы приводит к тому, что потенциальному преступнику предоставляется возможность избежать заслуженного наказания (ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ) и получить менее строгое, предусмотренное ч. 1 ст. 258.1 УК РФ, так как санкции существенно отличаются. Так, для наглядности приведем некоторые данные для сравнения в виде таблицы.

Из представленной таблицы видно, что наказания за деяния, предусмотренные ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ, более строгие, и применение данной нормы на практике, по мнению автора, значительно усилит уголовно-правовую охрану особо ценных представителей дикого животного мира. Однако для её применения необходимо разрешить проблему толкования сочетания «информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сети «Интернет».

Из пояснительной записки № 356397-7 к Федеральному закону от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ следует, что: «... необходимость внесения данного изменения в УК РФ связана с массовыми случаями продажи шкур, костей и прочих дериватов особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов в сети «Интернет». По данным природоохранных общественных организаций, в сети «Интернет» предлагаются разнообразные объекты животного мира, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, а также в приложения I и II международной конвенции CITES (СИТЕС). В ходе мониторинга, проведенного Международным фондом защиты животных (IFAW), в России в сети «Интернет» обнаружено 625 объявлений о продаже 2 596 животных, их частей и дериватов, часть из которых входит в перечень особо ценных диких животных и водных биоло-

¹ Законопроект № 356397-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям, связанным с незаконной добычей и оборотом водных биологических ресурсов, диких животных, в том числе занесенных в Красную книгу Российской Федерации».

гических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым меж-

дународными договорами Российской Федерации.

Санкции статей	
ч. 1 ст. 258.1 УК РФ	ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ
Принудительные работы на срок до 4 лет со штрафом в размере до 1 млн руб. Лишение свободы на срок до 4 лет со штрафом в размере до 1 млн руб. Обязательные работы на срок до 480 часов. Исправительные работы на срок до 2 лет.	Принудительные работы на срок до 5 лет со штрафом в размере от 500 тыс. до 1,5 млн руб. Лишение свободы на срок до 5 лет со штрафом в размере от 500 тыс. до 1,5 млн руб.

Одна из причин, по которой развита онлайн-торговля такими видами диких животных и производимой из них продукции, состоит в том, что не осуществляется постоянный государственный мониторинг торговых площадок в сети «Интернет». Предложение о торговле с использованием средств массовой информации и сети «Интернет» распространяется на широкий круг лиц, что ведет к массовому сбыту и уничтожению особо ценных диких животных ...»¹.

Таким образом, в пояснительной записке нет четкого определения, что же включают в себя «информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сети «Интернет», вместе с тем, упоминаются торговые площадки в сети «Интернет», в качестве которых, по мнению автора, выступают сайты объявлений, такие как «Авито», «Юла» и др. Положения ст. 2 Федерального закона от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» гласят, что сайтом в сети Интернет признается совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет. Следовательно, в качестве сети «Интернет» понимается информационно-телекоммуникационная сеть. Согласно этому же нормативному акту, информационно-телекоммуникационная сеть есть не

что иное, как технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется и использованием средств вычислительной техники. В свою очередь информация — это сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления.

Интернет-мессенджеры «WhatsApp» (Вотсап), «WeChat» (Вичат) и др., торговыми площадками не являются. Из определения следует, что «мессенджер — это клиентская программа в системах обмена мгновенными сообщениями (IM — Instant Messenger). В отличие от электронной почты обмен сообщениями идёт в реальном времени (англ. Instant — мгновенно; messenger — курьер)². «WhatsApp» (Вотсап), в свою очередь, — это мобильное приложение для обмена короткими сообщениями через интернет³. История его начинается с 2009 г., когда Ян Кум совместно со своими партнерами учредили компанию WhatsApp Inc и приступили к «отнятию хлеба» у сотовых операторов, потому как пересылка сообщений посредством сети Интернет совершенно бесплатна (за исключением самого мобильного трафика). Примечательно, что в КНР интернет-мессенджер «WhatsApp» (Вотсап) официально находится под запретом, однако существует альтернативный интернет-мессенджер «WeChat» (Вичат).

² Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001 // Режим доступа: URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17635> (дата обращения: 24.02.2022).

³ История WhatsApp // Режим доступа: URL : <https://ватсап.мессенджеры.рус/whatsapp-history> (дата обращения: 24.02.2022).

¹ Там же.

Для того, чтобы установить взаимосвязь понятий «Интернет-мессенджер» и сети «Интернет», рассмотрим авторские определения понятия «Интернет». Так, А.А. Максуров, например, полагает, что «Интернет» — это, прежде всего, разновидность человеческой коммуникативной деятельности, вследствие чего ему в полном объеме присущи все сущностные черты последней¹. По мнению, С.В. Петровского, «Интернет» — это международная сеть электросвязи общего пользования, предназначенная для обмена машиночитаемыми сообщениями (данными), то есть сведениями об окружающем мире, его объектах, процессах и явлениях, объективированных в форме, позволяющей провести их непосредственную машинную обработку².

Резюмируя, следует сделать вывод, что интернет-мессенджеры — это приложения, созданные для общения (переписок, звонков, обмена фото, видео и т.д.) посредством сети «Интернет». Ведь из вышеизложенного становится очевидно, что при отсутствии сети «Интернет», никакие мессенджеры работать не будут.

Таким образом, установленная взаимосвязь позволяет сделать обоснованный вывод о том, что интернет-мессенджеры в полной мере соответствуют тому смыслу, который несет в себе сочетание «информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сети «Интернет».

¹ Максуров А.А. О методологических основах правового регулирования интернет-отношений // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 59—61. О запрете использования военнослужащими сетей Интернет см.: Журавлев С.И., Туганов Ю.Н. Актуальные вопросы правового регулирования организации представления военнослужащими сведений о размещении общедоступной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 10. С. 18—20; Туганов Ю.Н. Военнослужащие в сети «Интернет»: запреты и динамика нормативной базы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 6. С. 14—18.

² Петровский С.В. Интернет-услуги в российском праве. М.: Издат. сервис, 2003. С. 18.

Однако, с целью исключения различного рода толкований принятого законодателем сочетания, изложенного в ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ, представляется необходимым дополнить диспозицию статьи словами «а также различных интернет-мессенджеров» и изложить в следующей редакции:

«1.1. Незаконные приобретение или продажа особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и дериватов (производных) с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также различных интернет-мессенджеров».

Представляется, что предложенная поправка позволит дознавателям пограничных органов более точно квалифицировать совершенные в отношении особо ценных диких животных преступления, а лицам, совершившим данные деяния — не избежать заслуженного наказания.

Библиография

1. Журавлев, С.И. Актуальные вопросы правового регулирования организации представления военнослужащими сведений о размещении общедоступной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / С.И. Журавлев, Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 10. — С. 18—20.
2. Максуров, А.А. О методологических основах правового регулирования интернет-отношений / А.А. Максуров // Законодательство и экономика. — 2012. — № 2. — С. 59—61.
3. Петровский, С.В. Интернет-услуги в российском праве / С.В. Петровский. — М.: Издат. Сервис, 2003. — 272 с.
4. Туганов, Ю.Н. Военнослужащие в сети «Интернет»: запреты и динамика нормативной базы / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 6. — С. 14—17.

Военные проблемы международного права

Срочное захоронение погибших в условиях вооруженного конфликта

© Заневская Наталья Андреевна,
преподаватель кафедры военного права
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье с позиции требований международных правовых актов подвергаются анализу положения ГОСТ Р 42.7.01-2021, регламентирующего особенности погребения тел покойных, чья смерть стала следствием участия лиц в вооруженном конфликте. Установлен порядок создания братских могил. Выявлены особенности процедуры предания земле тел, осложняющие проведение при необходимости их эксгумации. Обосновывается необходимость закрепления в нормативных правовых актах раздельного погребения тел погибших в зависимости от страны их происхождения, в частности применительно к военнослужащим.

Ключевые слова: погребение военнослужащих, одиночная могила, братская могила, эксгумация, похоронное дело, воинские захоронения, международное гуманитарное право.

Urgent burial of the dead in the conditions of armed conflict

© Zanevskaya N.A.,
faculty of the Department of Military Law of Prince
Alexander Nevsky Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes the provisions of GOST R 42.7.01-2021, regulating the specifics of the burial of the bodies of the deceased, whose death was the result of the participation of persons in an armed conflict, from the standpoint of the requirements of international legal acts. The order of creation of mass graves has been established. The peculiarities of the procedure of interment of bodies, complicating their exhumation if necessary, are revealed. The necessity of fixing the separate burial of the bodies of the deceased in normative legal acts, depending on their country of origin, in particular with regard to military personnel, is substantiated.

Keywords: grave of military personnel, single grave, mass grave, exhumation, funeral business, military burials, international humanitarian law.

Как показал опыт проведения мероприятий по преданию земле человеческих останков в период Великой Отечественной войны, процесс погребения в условиях вооруженного конфликта существенно осложняется.

Условия погребения в мирное время имеют принципиальные отличия в сравнении с возникающими в период вооруженного конфликта. К последним можно отнести: возрастающее число жертв, безотлагательность проведения захоронений ввиду сокращения возможности хранения тел, дефицит трудовых ресурсов, суровые климатические условия.

Указанные факторы, действующие в совокупности, делают необходимым принятие нормативных правовых актов, специально регулирующих вопросы захоронения лиц, погибших (умерших) в условиях вооруженного конфликта.

Введение специальных актов, призванных регулировать общественные отношения по захоронению лиц, чья смерть наступила в условиях вооруженного конфликта, обусловлена также необходимостью исполнения международных обязательств Российской Федерации в отношении тел иностранных военнослужащих, принимавших участие в данном конфликте.

Таким образом, в настоящей работе нами предпринята попытка рассмотрения положений российского законодательства по преданию тел (останков) лиц, чья смерть наступила в результате их участия в вооруженном конфликте, а также сделать вывод о соответствии данных положений требованиям международных правовых актов.

В случае смерти лиц из числа иностранных военнослужащих, принимавших участие в вооруженном конфликте, необходимо руководствоваться положениями Женевских конвенций 1949 г.¹, участницей которых является Российская Федерация². А, следовательно, предписания, изложенные в тексте ГОСТ Р 42.7.01-2021 «Гражданская оборона. Захоронение срочное трупов в военное и мирное время. Общие требования» (далее — ГОСТ Р 42.7.01-2021)³, не должны вступать в противоре-

чие с предписаниями международного правового акта.

С момента обнаружения тела погибшего у государства возникает ряд международных обязательств: проведение констатации смерти, установление личности покойного, выбор вида его погребения, перевозка к месту захоронения, осуществление захоронения, обозначение могилы⁴. Рассмотрим каждую из этих обязанностей последовательно.

Первое требование, связанное с непосредственным обращением с телом погибшего (умершего) военнослужащего иностранной армии, заключается в проведении осмотра тела для констатации смерти лица. Так как данные вопросы не содержатся в положениях ГОСТ Р 42.7.01-2021 и регулируются нормативными актами в области здравоохранения, установленными без указания на конкретный промежуток времени (как для мирного времени, так и в условиях вооруженного конфликта), мы не станем подробно останавливаться на данном обязательстве государства.

Вторым требованием является установление личности покойного. Положения ГОСТ Р 42.7.01-2021 помимо установления личности покойного по внешним признакам, предусматривают возможность применения для достижения указанной цели различных методов судебно-медицинского исследования: вскрытия, снятия отпечатков пальцев и изучения зу-

¹ Женевская Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, утв. 12 августа 1949 г. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540380/> (дата обращения: 24.01.2022 г.).

² См. подробнее: Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях / И.В. Холиков // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара, Оренбург, 28 мая 2014 г. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 294—307.

³ Гражданская оборона. Захоронение срочное трупов в военное и мирное время. Общие требования: национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 42.7.01-2021 : утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по

техническому регулированию и метрологии от 13 сентября 2021 г. № 950-ст.

⁴ См.: Холиков И.В. Международно-правовая регламентация обращения с телами военнослужащих, погибших в условиях вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. 2019. № 4(56). С. 285—291; Холиков И.В. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. 2020. № 4(62). С. 220—228; Холиков И.В. Правовое регулирование осуществления учета безвозвратных потерь и погребения умерших (погибших) военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. 2021. № 2(66). С. 68—76.

бов покойного лица, также проведение генетической экспертизы.

По общему правилу погребение должно осуществляться (как согласно положениям Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», так и ГОСТ Р 42.7.01-2021), при наличии документов, подтверждающих факт наступления смерти (медицинского и государственного свидетельств о смерти), выданных в отношении лица, чья личность была установлена путем проведения идентификации (опознания). Тем не менее, даже применение передовых технологий при установлении личности не принесет желаемого результата в случае недостаточности данных или их полном отсутствии. Так, применение генетической экспертизы предполагает проведение сравнительного анализа ДНК, выделенного из биологического материала покойного с ДНК вероятных родственников или полученной из материала, сданного лицом при жизни. Если определить круг предполагаемых родственников невозможно, получение информации для сравнения становится весьма затруднительным. Хранение непогребенных останков при массовой гибели людей в течение продолжительного периода времени невозможно в связи с заполнением моргов, имеющих ограниченную вместимость. Оставление же вне помещений с пониженной температурой будет способствовать лишь ускорению путрификации тела. В связи с этим допускается захоронение неопознанных тел.

Следующим этапом в обращении с телами погибших (умерших) воинов является их транспортировка к местам непосредственного захоронения. Эти действия хоть и не выделяются в качестве отдельного международного обязательства государства, тем не менее имеют особую значимость, представляя собой действия уполномоченных лиц по перевозке тел, производимых с учетом строгих требований санитарного порядка.

Тела всех умерших (погибших) подлежат перевозке на созданные согласно положениям ГОСТ Р 42.7.01-2021 места погребения. Несмотря, на то, что напря-

мую нормы права не отражают особенностей выбора того или иного места погребения, направление тел (останков) считается необходимым производить на кладбища (места погребения), расположенные вблизи пунктов сбора тел, в местах проведения опознания, что будет направлено на рациональное использование транспортных средств.

Перевозка тел должна осуществляться специализированным транспортом, что означает не только использование данного вида техники исключительно в целях размещения тел умерших (как в гробах, так и вне их), но и его функциональную направленность, выражающуюся во внутреннем оборудовании кабины транспортного средства, позволяющего при повышенной вместительности осуществлять транспортировку, исключая во время движения транспорта повреждения гробов и тел, в них находящихся.

Оборудованные и выделяемые транспортные средства, как описано выше, не всегда могут находиться в наличии в необходимом количестве. Во избежание увеличения времени захоронения тел погибших (умерших) и их скопления, вызванного необходимостью следования прямому указанию положений ГОСТ Р 42.7.01-2021, допускается отступления от предписаний соответствующей нормы. Вместо специализированного транспорта для перевозки тел допускается использование иного транспорта, при условии, что данное транспортное средство не предназначено для использования в целях поставки пищевого сырья и (или) продуктов питания. Данное положение установлено императивной нормой и не подлежит изменению не при каких обстоятельствах, так как продиктовано недопустимостью подвергать риску жизни и здоровье военнослужащих, обеспечиваемых с помощью указанных транспортных средств продовольствием.

Не отменяет это правило и требование к осуществлению обязательной обработки транспортного средства дезинфицирующими составами. Обработка специальными средствами автотранспорта осуществляется после перевозки и захоронения тел

(останков) покойных. Это означает, что применение средств дезинфекции осуществляется по итогам окончания осуществления соответствующих работ, а не после каждой доставки (при необходимости транспортировки нескольких партий). В противном случае произойдет не только дополнительный, непредусмотренный расход средств дезинфекции, но и увеличение времени перевозки тел и возложение дополнительной нагрузки на личный состав, принимающий участие в мероприятиях по погребению.

Следующее требование Женевских конвенций 1949 г. направлено на выбор вида захоронения. Положения Женевских конвенций содержат три возможных вида захоронения тел покойных: предание тела воде, земле или огню. Если первое возможно лишь в случае смерти на море, то оставшиеся два вида применимы во всех остальных случаях.

Женевские конвенции 1949 г. устанавливают в качестве приоритетного вида захоронения предание тела земле. Кремация же возможна в виде исключительной меры в двух случаях: при настоятельных сообщениях санитарного порядка или в связи с религиозными предписаниями. В положениях ГОСТ Р 42.7.01-2021 также предание тел покойных земле является основным видом захоронения, в то время как предание тела огню применяется в единственном случае, — когда тело может стать источником инфекционной опасности для населения или эпидемии. При этом кремация производится не по самостоятельному решению команд (групп) по срочному захоронению трупов или самой службы по срочному захоронению трупов муниципального образования, а по требованию органа здравоохранения (п. 5.4.1). Таким образом, в положениях ГОСТ Р 42.7.01-2021 содержится один из указанных в женевских конвенциях критериев проведения сжигания тел, что позволяет говорить лишь о частичном соответствии данного основания выбора вида захоронения международным требованиям.

В случае кремации прах умерших (погибших) лиц, чья смерть наступила в усло-

виях вооруженного конфликта, должен быть сохранен (ст. 17 Женевской Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, 1949 г.), что предусмотрено и положениями ГОСТ Р 42.7.01-2021: останки (прах) каждого кремированного лица подлежит размещению в отдельной урне, которая будет помещаться в колумбарных стенах, колумбариях и могилах (п. 5.4.2).

Смещение останков (праха) не допускается, то есть помещение в одну урну праха двух или нескольких лиц находится под запретом. Также развеивание праха, допускаемое положениями Федерального закона «О погребении и похоронном деле» в условиях мирного времени, не допускается в качестве способа захоронения праха при осуществлении массовых захоронений в условиях военного времени. Несмотря на то, что запрет проведения развеивания праха напрямую не установлен, к такому выводу можно прийти на основании положений п. 5.4.2, в которых перечисляются все возможные места нахождения праха покойных после помещения в индивидуальные урны. Наш вывод согласуется и с установленными запретом на смешение останков (праха) нескольких лиц, что было бы неизбежно в случае его нахождения на открытой местности вне какого-либо сосуда. Установление перечисленных правил, таким образом, способствуют исполнению международных обязательств России, связанных с индивидуальным размещением останков и по сохранению пепла тел покойных, судьба которого может быть позднее решена страной, к которой принадлежал умерший военнослужащий.

Особенности предания тел покойных земле, так же, как и порядок кремации, оговаривается в положениях ГОСТ Р 42.7.01-2021.

В указанном акте устанавливается возможность осуществлять предание тела (останков) земле как путем помещения тела в одиночную, индивидуальную могилу, так и путем его размещения в братской могиле.

Для осуществления погребения в братской могиле необходимо соблюдения це-

лого ряда гигиенических требований (п. 5.4.2):

— дно могилы относительно уровня грунтовых вод должно располагаться не менее, чем на 0,5 м над ним;

— на дне могилы должны быть расположены канавки и поглощающий колодец, от дна до верха могилы – вентиляционный канал, что направлено на ускорение минерализации трупов;

— гробы с телами располагаются не вплотную друг с другом, а на расстоянии не менее 0,5 м между ними, расстояние между гробами заполняется грунтом, с укладкой поверху хвороста или хвойных веток;

— расстояние между верхним краем гроба (крышки) до поверхности земли не может быть менее 1 м, указанное пространство заполняется грунтом, оставшимся после подготовки ямы;

— поверх могилы с помощью грунта сооружается надмогильный холм высотой от 0,5 м.

Для тех случаев, когда уполномоченное лицо принимает решение о производстве захоронения в братский могиле не в один ярус, а в два, положения ГОСТ Р 42.7.01-2021 устанавливают дополнительные гигиенические требования:

— гробы верхнего яруса должны располагаться не непосредственно над гробами нижнего яруса, что характерно для расположения гробов в родственной могиле по истечению периода минерализации, а над промежутками между гробами нижнего ряда (которые, как было указано, составляют не менее 0,5 м);

— минимальная глубина могилы, как указывалось, должна быть увеличена с 1,5 м до 2,5 м.

Особое внимание положения ГОСТ Р 42.7.01-2021 уделяют особенностям погребения останков (тел) лиц, умерших от инфекционных заболеваний.

В случае смерти лица от особо опасных инфекций, их предание земле производится в оцинкованных гробах, герметичность которых достигается путем

запаивания. Использование такого вида гробов предотвращает попадание жидкостей в ходе разложения в почву, тем самым сдерживая (блокируя) источник заражения. При проведении любых манипуляций с телами лиц, умерших от особо опасных инфекций, должны максимально соблюдаться санитарно-гигиенические требования, исключающие незащищенный контакт с ними как работников здравоохранения и похоронных служб, так и родственников во избежание распространения эпидемии. Подобные контакты, как известно, стали одной из причин вспышки геморрагической лихорадки Эбола в Гвинейской Республике в 2014–2015 гг., когда почти две трети случаев возникли в результате участия впоследствии заболевших лиц в ритуалах захоронений¹.

Данный порядок применяется и в тех случаях, когда смерть произошла вследствие инфекции неясной этиологии.

Отдельный порядок предусмотрен для погребения тел (останков), имеющих высокий радиоактивный фон. При погребении таких тел, осуществляемом на специально отведенных для данной цели участках кладбища, применяется законодательство Российской Федерации по вопросам радиационной безопасности.

Погребение неопознанных тел также имеет особый порядок. Особенности такого захоронения является возможность использования только одного вида погребения, — предания тела земле. Кремация же, напротив, в данном случае остается под запретом. Хотя и для этого случая ГОСТ Р 42.7.01-2021 устанавливает ряд исключений.

Для соблюдения всех требований к погребению неопознанного тела в землю

¹ Жданов К.В., Холиков И.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике // Журнал инфектологии. 2015. Т. 7. № 1. С. 7; Sazonova, K. L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K. L. Sazonova, I. Kholikov // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. – New York : Routledge, 2018. P. 38-51.

должно предшествовать принятию соответствующего решения органами внутренних дел, на основании которых погребение и осуществляется.

Погребение производится на специализированном участке кладбища, что приводит нас к выводу об отдельном расположении могилы неопознанного лица от тел других лиц, чья личность была надлежащим образом установлена.

Такой вывод согласуется с положениями ч. 2 ст. 12 Федерального закона «О погребении и похоронном деле». При этом под формулировкой «специализированные участки кладбища», используемой в ГОСТ Р 42.7.01-2021, речь идет об участках, которые, согласно ст. 12 Федерального закона «О погребении и похоронном деле», предназначаются специально для предания земле тел неопознанных лиц.

При этом положения ГОСТ Р 42.7.01-2021 не оговаривают отдельно, возможно ли захоронение в землю тел (останков) лиц, чья личность не была установлена, исключительно в индивидуальной могиле или возможно расположение этих тел в братской могиле. Как мы отметили, указание на необходимость размещения могил на отдельно выделенных, специальных участках для захоронения неопознанных тел позволяет говорить о необходимости производить территориальное разделение участков кладбища, а, следовательно, о невозможности расположения в одной братской могиле тел, относящихся к различным группам: опознанным и неопознанным. При этом четкого запрета или ограничения на производство такого захоронения не имеется.

Следующим предстоит выяснить, возможно ли производить захоронение в братской могиле группы тел, при условии, что ни один из покойных не был опознан в установленном порядке. Такое ограничение не вытекает ни из положений Федерального закона «О погребении и похоронном деле», ни из самого ГОСТ Р 42.7.01-2021. Особенности правового регулирования захоронения неопознанных трупов заключается в необходимости создания условий для возможного

проведения установления личности после смерти лица, в том числе путем генетического исследования. Так как все захоронения, осуществляемые в рамках ГОСТ Р 42.7.01-2021, должны проводиться с применением гробов, то помещение в братскую могилу неопознанных тел при соблюдении всех предписаний позволит в полной мере реализовать данное требование. Таким образом, само создание такого братского захоронения не вызывает сложностей ни с юридической, ни с технической стороны. В то же время, последствием создания братской могилы является невозможность проведения эксгумации только одного лица, — положения п. 5.4.2 устанавливают возможность извлечения останков одного лица лишь в случае, когда все остальные останки будут подлежать перезахоронению. Данная ситуация осложняется еще и тем, что общее количество захороненных в братской могиле не устанавливается и может варьироваться в зависимости от местных климатических условий территории, на которой будет осуществлено размещение братской могилы.

В военное время ГОСТ Р 42.7.01-2021 будет подлежать применению вне зависимости от статуса иностранного лица, и следуя предписаниям ст. 17 Женевская Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (1949 г.), важно обратить внимание на расположение тел покойных согласно их национальности. Действительно, раз речь идет о срочных захоронениях, вызванных участием страны в вооруженном конфликте, среди жертв будут как граждане Российской Федерации, в том числе военнослужащие, так и лица, выступающие на стороне государства-противника. Проводить в данных условиях захоронения тел всех погибших (умерших), не осуществляя разграничения по национальной принадлежности, с одной стороны, будет негативно сказываться на эмоциональном состоянии местного населения и российских военнослужащих, с другой стороны, усложнит в будущем решение вопросов содержания, обустройства и осуществле-

ния перезахоронения останков погибших воинов разных стран.

Конечно, располагать тела покойных исходя из их национальности, является не столько безоговорочным требованием, сколько предписанием рекомендательного характера, что следует из указания осуществления данной группировки при наличии соответствующей возможности.

Безусловно, при максимальном заполнении конкретного места погребения такая возможность может отсутствовать, тем не менее, соблюдение данного предписания возможно обеспечить на этапе выделения земельного участка и планирования его внутреннего устройства. Возможно, указание на это в открытом для всеобщего ознакомления акте и не будет целесообразно, в связи с оказанием негативного влияния на психологическое состояние населения, а также косвенного влияния на военнополитическую обстановку страны и мира в целом. Тем не менее, данный вопрос должен быть решен заблаговременно.

Положения ГОСТ Р 42.7.01-2021 уделяют внимание также возможности эксгумации человеческих останков, погребенных в военное время. В этих целях установлены как неукоснительные требования, так и правила, носящие рекомендательный характер.

К императивным предписаниям относятся:

— наличие у лиц, инициирующих эксгумацию ряда документов: положительного решения органов исполнительной власти и заключения органов Госсанэпиднадзора. Последний документ выдается в качестве подтверждения отсутствия особо опасных инфекционных заболеваний;

— проведение работ по обработке могилы, из которой были извлечены останки, дезинфицирующими средствами;

— рекомендательный характер касается периода времени, по истечению которого возможно проведение эксгумации, равного одному году. Этот срок подлежит исчислению не с момента наступления смерти лица, а с момента предания его тела земле;

— при эксгумации останков из братской могилы установлено требование производить перезахоронение всех оставшихся тел;

— цели проведения эксгумации не регламентируются и могут быть любыми в рамках действующего законодательства.

Требования обеспечить возможность проведения эксгумации тел иностранных военнослужащих обеспечивается рядом мер, предусмотренных положениями ГОСТ Р 42.7.01-2021. Во-первых, размещение тел в индивидуальных гробах, капсулах (применяются при погребении деформированных или разрушенных вследствие проведения экспертизы тел) или урнах. Во-вторых, при создании братских могил тела, размещенные в гробах, располагаются на установленном расстоянии друг от друга равном 0,5 м.

Тем не менее, имеются нормы, осложняющие проведение в будущем эксгумации тел. Данная норма касается требования проводить перезахоронение всех тел, погребенных в братской могиле в случае эксгумации хотя бы одного из находящихся в ней тел. Как мы уже упоминали, данная норма существенно усложняет возможность проведения той или иной экспертизы в отношении одного из захороненных тел, а также возможность родственников определить юридическую судьбу тела, произведя его перезахоронение в ином месте. Данное обстоятельство в совокупности с отсутствием требования в тексте ГОСТ Р 42.7.01-2021 о проведении отдельного захоронения иностранных граждан в зависимости от страны их происхождения создает ситуацию, когда осуществить эксгумацию становится юридически невозможно. Поясним наш вывод. Хотя в положениях ГОСТ Р 42.7.01-2021 (п. 5.4.2) имеется указание органа, уполномоченного принимать решение об эксгумации (орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органов местного самоуправления), в случае с захоронением иностранных военнослужащих, чья смерть наступила в условиях вооруженного конфликта, решения указанного органа становится недостаточно для

осуществления эксгумации. Так как данное захоронение будет считаться воинским, то на основании международных соглашений необходимо будет согласие еще одного лица, — органа, уполномоченного страной, за которой на день своей смерти числился военнотрудовой. Перезахоронение в таком случае будет возможно в двух случаях: по инициативе родины военнотрудовых или в случае подтоплений, затоплений и иных ситуаций, негативно сказывающихся на созданном воинском захоронении. Случай переноса места погребения по инициативе страны, на территории которой располагается захоронение (в данном случае России) будет, хоть обратное и предусмотрено в текстах международных соглашений, невозможен, поскольку российское законодательство не позволяет использование территорий кладбищ (мест захоронений) после их переноса в каких-либо целях, кроме как для размещения зеленых насаждений, что не является вопросом государственной или общественной значимости как это предписывается в текстах двусторонних соглашений.

Ситуация еще более осложнится в случае захоронения в братской могиле военнотрудовых нескольких иностранных государств, так как для проведения перезахоронения необходимо будет желание нескольких государств произвести репатриацию останков своих погибших (умерших) воинов. А в некоторых случаях такое пожелание страны должно быть осуществлено в инициативном порядке.

Значительное количество жертв, подлежащих захоронению согласно положению ГОСТ Р 42.7.01-2021 (в военное время или при возникновении чрезвычайной ситуации), не означает, что автоматически будет приниматься решение о создании братской могилы. Это отчасти может быть обусловлено истечением различных периодов времени с момента наступления смерти до момента предания тел земле. Как мы указывали, приоритетным является производить захоронение покойных, чья личность была установлена. Для проведения тех или иных экспертиз может потре-

боваться определенное количество времени. И даже после установления личности погибшего (умершего), предусмотренная в Федеральном законе «О погребении и похоронном деле» возможность нахождения тела в морге продолжает существовать в целях розыска родственников, а при их нахождении для устранения обстоятельств, затрудняющих осуществление погребения (п. 2 ст. 8 Федерального закона «О погребении и похоронном деле»). В таких случаях услуга по нахождению тела в морге оказывается бесплатно (до 14 и 7 суток со дня установления причины смерти соответственно). В таких условиях тела покойных могут быть преданы земле в разное время, несмотря на то, что смерть их наступила в одно и то же время. К тому же смерть пострадавших от одного и того же чрезвычайного происшествия (не говоря уже о применении стандарта в военное время) может наступать в различное время: как непосредственно в момент происшествия, так и спустя некоторое время (например, при нахождении в лечебном учреждении)¹. Откладывать же погребение тел части жертв до окончания мероприятий по установлению личности оставшихся покойных будет напрямую противоречить смыслу введения рассматриваемого ГОСТ Р 42.7.01-2021, в рамках которого требуется проведение мероприятий по срочному захоронению тел (останков).

Поэтому положения ГОСТ Р 42.7.01-2021 устанавливают возможность при осуществлении группового погребения производить захоронения как в индивидуальные, так и в братские могилы.

Установление возможности производить захоронения в братские могилы (особенно в мирное время) вызывает также вопрос легальности нормы, предусматривающей данный способ погребения. Напомним, такая норма устанавливается ГОСТ Р 42.7.01-2021, в то время как Федеральный

¹ Яковлев С.В., Волгин А.Р., Холиков И.В. Работа сил и средств службы медицины катастроф Минобороны России по ликвидации медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций : учебно-методическое пособие. М.: ФГУП «Воентехиниздат», 2008.

закон «О погребении и похоронном деле», являющийся базовым в данном виде общественных отношений, не предусматривает такой возможности: в положениях данного акта вообще отсутствуют положения о виде могил исходя из числа одновременно захороненных лиц.

Таким образом, можно отметить, что современное российское законодательство в области обращения с телами лиц, погибших в условиях вооруженного конфликта, имеет тенденцию к ликвидации существовавших ранее различий при предании тел земле в зависимости от того, за каким государством числился военнослужащий на момент своей смерти. Несмотря на то, что в Вооруженных Силах Российской Федерации возрастает роль осуществления военно-политической работы с личным составом, в сфере похоронного дела мы видим кардинально противоположную направленность. На примере обращения с телами погибших в условиях вооруженного конфликта можно заметить, что государство перестает делать различия при погребении своих защитников и иностранных граждан, в том числе являвшихся при жизни военнослужащими армии противника. Положения ГОСТ Р 42.7.01-2021 не конкретизируют возможность наличия у покойного того или иного специального статуса (в частности военнослужащего), отмечая лишь необходимость уведомления о факте наступления смерти иностранного гражданина соответствующее государство. Остальные же аспекты погребения остаются одинаковыми для обеих категорий (защитников Отечества и лиц, осуществлявших вооруженное нападение на Российскую Федерацию).

На наш взгляд, осуществление раздельного предания земле останков российских военнослужащих и лиц из числа личного состава вражеской армии будет способствовать укреплению боевого духа как среди самих защитников Отечества, так и среди гражданского населения. При этом раздельное погребение должно подразумевать не только недопустимость помещения в одну братскую могилу военнослужащих, сражавшихся на стороне противоборству-

ющих Держав, но и создание отдельных мест погребения (кладбищ) на значительном удалении друг от друга. При этом предусмотреть размещение останков иностранных военнослужащих в зависимости от страны их происхождения, что позволит в полной мере соблюсти международное требование об обеспечении возможности последующей эксгумации останков из воинского захоронения.

Также, на наш взгляд, принципиальным является рассмотрение предания тел вражеских военнослужащих в качестве захоронения, то есть помещения их тел (останков) в могилы исключительно с санитарно-эпидемиологической, утилитарной функцией. В то же время предание земле останков защитников Отечества должно признаваться погребением, то есть захоронением, совершаемым с применением обрядовых действий по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями (с отданием воинских почестей), носящим увековечивающую функцию.

Библиография

1. Sazonova, K. L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K. L. Sazonova, I. Kholikov // *Ethical Challenges for Military Health Care Personnel*. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. — New York : Routledge, 2018. — P. 38—51.
2. Жданов, К.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике / К.В. Жданов, И.В. Холиков // *Журнал инфектологии*. — 2015. — Т. 7. — № 1.
3. Холиков, И.В. Международно-правовая регламентация обращения с телами военнослужащих, погибших в условиях вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // *Военное право*. — 2019. — № 4(56). — С. 285—291.
4. Холиков, И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях / И.В. Холиков // *Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара, Оренбург, 28 мая 2014 г.* — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. — С. 294—307.

5. Холиков, И.В. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. — 2020. — № 4(62). — С. 220—228.

6. Холиков, И.В. Правовое регулирование осуществления учета безвозвратных потерь и погребения умерших (погибших) военнослужащих

Красной Армии в годы Великой Отечественной войны / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. — 2021. — № 2(66). — С. 68—76.

7. Яковлев, С.В. Работа сил и средств службы медицины катастроф Минобороны России по ликвидации медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций: Учебно-методическое пособие / С.В. Яковлев, А.Р. Волгин, И.В. Холиков. — М.: ФГУП "Воентехиниздат", 2008. — 176 с.
